

**SAINTE THERESE DE L'ENFANT-JESUS
ET DE LA SAINTE-FACE**

HISTOIRE D'UNE AME

Manuscrits autobiographiques

cerf

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА МЛАДЕНЦА ИИСУСА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДУШИ

Автобиографические рукописи

© Community of the Beatitudes

Перевод с французского Андрея и Ольги Дьячковых

Богословский консультант русского текста свящ. Георгий Чистяков

Редактор А. Годинер

От переводчиков

Мы предлагаем вашему вниманию новый перевод "Истории одной души", и — сразу возникает вопрос: "К чему все это? Ведь уже существует "Повесть об одной душе" в переводе диакона Василия фон Бурмана!" Попробуем объяснить.

...Стоял декабрь 1894 года. Как-то вечером после службы четыре родные сестры-кармелитки Тереза, Селина, Мария и Полина собрались вместе, чтобы погреться: даже зимой кельи здесь не отапливались, и во всем монастыре была только одна теплая комната. Когда младшая из них, Тереза, стала вспоминать о своем детстве, Мария подумала, что было бы неплохо это записать. Однако в монастыре все делается по послушанию, и Мария обратилась к Полине, которая в ту пору была настоятельницей Кармеля, с предложением о столь необычном послушании. — "Вы увидите, этот ангел надолго не задержится на земле, и тогда мы утратим все эти мелочи, представляющие для нас такой интерес!" Сначала Полина сопротивлялась, но, в конце концов уступив просьбам сестер, попросила Терезу написать ей ко дню ангела рассказ о своем детстве. Так было положено начало рукописи "А".

Тереза, верная послушанию, писала исключительно в свое свободное время. Она писала без черновиков и практически без помарок, прерываясь всякий раз, когда это время истекало. Прошло чуть больше года. И вот, в назначенный день, 20 января 1896 года Тереза подошла к Полине и, встав на колени, протянула ей тетрадку. Та молча кивнула и, не раскрывая, положила к себе на полку. Шли дни. Читать у настоятельницы не было времени, Тереза же ни разу не напомнила ей о своих записях. Полина прочитала рукопись лишь после того, как в марте была выбрана новая настоятельница: мать Мария де Гонзаг.

...Сентябрь 1896 года. Терезе двадцать три года и еще один год жизни впереди. С 7 по 18 она проводит свой последний "ретрет" — ежегодное молитвенное уединение. Незадолго до этого Мария просила Терезу написать об открытом ею "малом пути". 8 сентября на Рождество Богородицы она пишет своей сестре письмо. Это письмо войдет в историю как рукопись "В".

...Наступило лето 1897 года. Тереза тяжело больна и с нее сняты все послушания. Ей остается жить четыре месяца. Поздно вечером 2 июня бывшая настоятельница заходит к вновь избранной: "Матушка, я не смогу уснуть, не доверив вам одной тайны! В то время, когда я была настоятельницей, сестра Тереза, по послушанию и чтобы сделать мне приятное, описала несколько эпизодов из своего детства. Недавно я их перечитала: все очень мило, но вряд ли вы сможете воспользоваться этим для посмертного циркуляра* (В Кармелитском ордене циркуляром называется посмертное описание жизни усопшего монаха, рассылаемое по всем обителям ордена.): там почти ничего нет о ее монашеской жизни. Если бы вы ей поручили, она смогла бы написать что-нибудь более серьезное, и я не сомневаюсь, что написанное для вас будет гораздо значительнее того, что есть у меня." На следующий день Тереза приступила к своему последнему послушанию — к рукописи "С".

Тереза знает, что эти записи нужны для посмертного циркуляра. Меняется и ее отношение к публикации рукописей. На смертном одре она говорит Полине: "После моей смерти нужно незамедлительно публиковать рукопись. Если вы с этим замедлите или неосторожно заговорите об этом с кем бы то ни было, за исключением матери-настоятельницы, сатана устроит тысячи преград на пути этого издания, которое так необходимо!" Далее она продолжила: "Матушка, все, что вы сочтете нужным убрать или добавить в моих тетрадках, — считайте, что это сделала я. Помните об этом и не имейте никаких сомнений на этот счет".

Впервые "Повесть об одной душе" тиражом в 2000 экземпляров появилась через год после смерти сестры Терезы. Эту публикацию готовили мать Мария де Гонзаг вместе с матерью Агнессой (Полиной). Рукописи были собраны вместе, разбиты на главы, а значительные куски — опущены или переписаны. Книга разошлась очень быстро. Еще через год — новое издание четырехтысячным тиражом. К 1915 году повесть переведена на девять языков и расходуется огромными тиражами. В том же году Кармель города Лизье получал в среднем по 500 писем в день. Уже началась подготовка к процессу канонизации. Необходимы документы,

воспоминания, свидетельства и подлинники рукописей. К 1925 году процесс канонизации завершен: папой Пием XI перед пятисоттысячной толпой в Риме на площади св. Петра сестра Тереза признана святой. Однако подготовкой новых публикаций по-прежнему занимается мать Агнесса, ведь именно ей святая Тереза поручила это дело. Параллельно с новыми тиражами "Повести об одной душе" возрастает интерес к самим оригиналам. В сентябре 1947 года один из руководителей ордена Кармелитов пишет матери Агнессе: "Церковь сказала свое слово. Святость и учение св. Терезы Младенца Иисуса признаны повсеместно. Чтобы избежать ошибочных или неполных толкований, чтобы углубить учение святой, недостаточно тех документов и текстов, которые вы нам передали. Только оригиналы рукописей помогут понять движение мысли, ритм жизни и тот свет, который заключен в ее определениях, обычно ясных и окончательных". Восьмидесятишестилетняя мать Агнесса не в силах перечеркнуть дело всей своей жизни — "Повесть об одной душе". Однако, предчувствуя скорую кончину, 2 ноября 1950 года она поручает сестре Женевьеве (Селине): "Сделайте это от моего имени после моей смерти". Через полгода мать Агнесса умерла. Но только в 1957 году выходит в свет первое неполное издание оригиналов рукописей. На основе этого издания и после кропотливой работы в течении 35 лет лишь в 1992 году появляется первое полное издание рукописей святой Терезы. Сравнивая это издание с "Повестью об одной душе" один из исследователей насчитал более 7000 изменений в тексте. Такой объем изменений сделал невозможной простую правку известного перевода, хотя мы не раз с благодарностью обращались к нему во время нашей работы.

За свою короткую жизнь сестра Тереза написала более полусотни стихов и восемь пьес. Эта сторона ее творческого наследия долгое время оставалась в тени. Свое первое стихотворение она сочинила в начале 1893 года после пяти лет, проведенных в монастыре. Получив весьма скромное провинциальное образование, сестра Тереза имела очень отдаленное понятие о стихосложении. Собственно, она писала не стихи, а слова на известные мелодии, поэтому, сестра Женевьеве (Селина) утверждала, что "они звучат гораздо лучше, если их петь". Однако прошло сто лет, мелодии канули в небытие, и стихами сестры Терезы больше занимались богословы. Действительно, их духовная насыщенность требует особого изучения. Но несколько лет назад во Франции произошло маленькое "чудо": опять зазвучали песни на слова сестры Терезы! Спетые по-новому, они быстро распространились далеко за пределами Франции и достигли России, находя отклик в тысячах сердец. Поэтому к публикуемым в этой книге переводам стихов нужно относиться прежде всего, как к словам уже существующих песен.

Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что любой перевод является искажением оригинала. Поэтому заранее просим ваших молитв и снисхождения.

Предисловие

Собственно, эту святую не нужно представлять — она говорит сама за себя. Эта девушка, влюбленная в Бога, чаще всего называвшая себя "дитя Церкви", чудесным и таинственным образом покоряет сердца христиан всего мира. Когда 19 октября 1997 года Папа Римский Иоанн Павел II провозгласил ее Учителем Церкви, он сделал это по просьбам множества верных, в ответ на настоятельные призывы католических епископов более чем из 50 стран. Учителями Церкви называются великие святые, которые оставили после себя значительные сочинения, помогающие верным на их пути к святости. Труды учителей Церкви, таких, как св. Августин Гиппонский, св. Василий Великий, св. Григорий Назианзин, св. Иоанн Златоуст или св. Фома Аквинский — не только неиссякаемый источник для изысканий христианских мыслителей, богословов и философов, но и надежная помощь каждому христианину, ищущему свет на своем пути к святости. А теперь Учителем Церкви стала 24-летняя Тереза Мартен, монахиня-кармелитка из Лизье во Франции, умершая сто лет назад, в 1897 году.

Никогда еще не было у нас Учителя Церкви, жившего так недавно, такого молодого, и столь близкого к опыту обыкновенных молодых людей. Церковь, "указуя перстом" на св. Терезу, направляет нас, с помощью Святого Духа, к пониманию пути Церкви в ближайшем будущем. Св. Тереза своим учением предвосхитила обновление Церкви, произошедшее после II Ватиканского Собора (1962-1965) и стала помощницей в истолковании и применении на практике учения этого Собора, средоточием которого была любовь ко всем людям.

Рукописи святой Терезы Младенца Иисуса и Святого Лица — не солидные богословские трактаты. Со всем пылом молодости она сочиняет стихи, старается разнообразить монастырские рекреации, *(Букв. — "отдых". По замыслу св. Терезы Авильской, основательницы реформированных кармелитских монастырей, это специально выделенное время для разыгрывания пьес и упражнения в других искусствах, введенных в суровую жизнь монастыря.) пишет письма семье, сестрам по ордену и нескольким друзьям, а также составляет описание своей короткой жизни. К духовной жизни она подходит через собственный опыт. Сначала она была младшей и любимой дочерью в зажиточной семье французского часовщика, потом в пятнадцать лет вступила в монастырь, и описание ее общения с Богом излучает такой свет, что его можно прописать любому человеку, живущему в совершенно иных психологических или социальных условиях. Обращаясь к своим детским впечатлениям, св. Тереза подробно вспоминает все трудности и радости того времени. Однако это не эгоизм, это сосредоточенность не на самой себе, а на Боге, Который так удивительно действовал в ее душе. Она ищет суть жизни с Богом в повседневном опыте, который описывает, черпая поэтические образы в природе, в созерцании цветов, в воспоминаниях о жизни в семье. Ее прежде всего интересует личность человека, его реакции. Письма, стихи, пьесы св. Терезы, написанные для рекреаций, всегда адресованы конкретному человеку. Так же обстоит дело и с автобиографией. Св. Тереза пишет ее по поручению настоятельниц, но отчетливо понимает, что этот труд принесет много хорошего, даст возможность познать нежность милосердного Бога. "Матушка, эти страницы принесут много добра. И потом, кротость Господа Бога будет известна лучше..." (Желтая тетрадь). Она как будто присела рядом с нами и с помощью самых простых и понятных образов хочет привести нас к Богу. Ее интересует не точность мысли, хотя она и не допускает неясных, неоднозначных формулировок, а то, как откликается на благодать душа собеседника. Ее забота — не о нравственной безупречности жизни того, с кем она говорит, но о жизни благодатной, которая милостью Божией сохраняется в душе человека. Св. Тереза вся сосредоточена на вере и любви тех, к кому она обращается. Готовя рекреации, она думает о вере и любви к Иисусу сестер, которые участвуют в этих монастырских минутах отдыха. Сочиняя стихи, она печется о подлинности духовной жизни тех, кому эти стихи посвящены. В то время, как другие великие церковные писатели просвещали умы, св. Тереза прежде всего подвигает к жизни с Богом.

Рукописи св. Терезы были приняты Церковью практически без проблем. С того момента, как год спустя после ее смерти "История одной души" была издана небольшим тиражом, она стала бестселлером. В жизни св. Тереза была никому не известной монахиней, умерла от туберкулеза, эпидемия которого унесла немало жизней в ее родном Лизье. Вскоре после ее смерти монастырь в Лизье был засыпан благодарностями за ее заступничество. В 1923 году св. Тереза причислена к лику блаженных, а в 1925 — к лику святых. Количество благодарностей постоянно возрастало. Папа Пий XI (1922-1939) называл ее "звездой своего понтификата".

Св. Тереза из Лизье становится известной во всем мире, ее влияние выходит за границы народов, обрядов и даже христианских вероисповеданий. Ее читают католики, протестанты, православные, и даже мусульмане. И не только читают, потому что ее рукописи нельзя просто читать. Св. Тереза призывает к молитве, побуждает погрузиться в Бога, ощутить Его любовь. Ее язык прост, он проникает в суть вещей, не требует большой предварительной подготовки. Ей доверяют все святые нашего времени. Ее послание напрямую открывает сердца людей Богу, поэтому ее невозможно использовать для идеологических манипуляций. Она не предлагает свои идеи об устройстве мира, она открывается освящающему действию Бога. Она

говорит так просто, что ее слова проникают в сердца людей самых разных идейных ориентаций.

В чем тайна особенной силы этой святой? Чему она учит нас? Св. Тереза вполне сознавала, что открыла прямой путь к Божьему сердцу. Ее голос звучит полемически по отношению к тому напыщенному морализаторскому тону, который преобладал во французской набожности конца XIX века. Св. Тереза твердо уверена в том, что Бог есть любовь, что Он призывает нас к общению с Ним, по примеру общения ребенка с отцом. Св. Тереза не желает становиться взрослой по отношению к Богу, она как ребенок, всецело полагается на плодотворность Божьей любви, осуществляющейся в ее душе. Она признавалась: "...Я не хотела взрослеть, чувствуя свою неспособность заработать на жизнь, на вечную жизнь на Небе. Итак, я всегда оставалась маленькой, у меня не было иного занятия, кроме собирания цветов любви и жертвенности, которые потом я преподносила Господу Богу, чтобы сделать Ему приятное. Быть маленькой... это значит никогда не впадать в отчаяние от своих ошибок, дети ведь часто падают, но они слишком малы, чтобы причинить себе этим большой вред". (Желтая тетрадь)

Ставя в центр своего "пути" детское общение с Богом, св. Тереза пребывает в полном согласии с учением апостола Павла или восточного отца западного богословия св. Иринейя Лионского. Первое намерение Бога в отношении человека — усыновление. Как утверждает апостол Павел, "Бог избрал нас в Нем прежде создания мира, ...предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей" (Еф. 1, 4-5). Именно так надлежит смотреть на путь человека. Прежде чем мы начнем философски размышлять о человеке и о его месте в космосе, прежде чем начнем горевать по поводу нравственного состояния нашей души и всего мира, станем перед лицом явленной нам истины о любви Божьего, Отцовского сердца, которое ждет нашего ответа. Св. Тереза хватается за эту любовь, отдается ей и пристально следит за тем, чтобы в ее сердце не появились гордыня, самодовольство или чувство самодостаточности по отношению к Богу. Она остается ребенком по отношению к Богу, она целиком рассчитывает на Его любовь, на то, что милосердный Бог наполнит ее душу, ее сердце, ее поступки и то, что она пишет своей Божественной силой. Перед смертью она признается Богу: "Уже с самого детства Твоя любовь предвосхищала меня, она возростала вместе со мной, и теперь это бездна, глубину которой невозможно измерить". (Рукопись "С"). Понимание Божьего сердца, внутренней нужды Самого Бога, жаждущего общения, означает, что главное, чему учит св. Тереза — это доверие. Человек, который не доверяет Богу, со временем будет не доверять себе, другим, замкнется в агрессии, в страхе, в отчаянии. Человек, который Богу доверяет, находится в надежных руках, и ничто не сможет сбить его с толку. Вера-доверие, обращенная к Богу, открывает сердца сокровищам благодати. Бог уважает человеческое достоинство и поэтому не имеет доступа к душе, ставящей Богу преграду. Однако когда человек с верой отдает себя Богу, происходит слияние человеческого сердца с Богом, и любящий Бог таинственным образом одаривает человеческое сердце Своей благодатью.

Доверие Терезы не надо путать с бездеятельным инфантилизмом. Похищенная любовью Бога, она отвечает Богу любовью. "Любовь вознаграждается только любовью". Ее "малый путь" — это школа практической любви. Следуя учению испанского мистика св. Иоанна Креста, св. Тереза была непоколебимо уверена в том, что малейший поступок, сделанный из чистой любви, бесконечно важен в таинственной природе Церкви. Речь не о том, чтобы совершать в жизни великие дела, а о том, чтобы все совершать из любви к Богу. Ее жизнь, прошедшая в маленьком и закрытом монастырском кругу, не состояла из великих дел. Некоторые сестры после ее смерти признавались, что не замечали в сестре Терезе ничего особенного. Ее величие — в *качестве* любви, которую она добавляла во все свои поступки, мелкие жертвы, улыбки или слова, произносимые каждый день. Все эти небольшие дела любви совершались не в уверенности, что она чего-то достигла, но "чтобы сделать приятное Богу". "Заслуга состоит не в том, чтобы делать много или давать много, но скорее в том, чтобы получать и возлюбить много... Говорят, что блаженнее давать, чем получать, и это правда, но

в то же время, когда Господу угодно с кротостью что-либо дать нам, то неблагоприятно было бы отказаться". (Переписка с Селиной). С большой осмотрительностью защищается она от присваивания самой себе заслуг за свои дела, находя в этом страшную неверность по отношению к Богу. "Если бы я сказала себе: "Я обрела такую-то добродетель и уверена, что могу упражняться в ней". Тогда это означало бы, что я опираюсь на свои собственные силы, а когда это так, то возникает риск упасть в пропасть. Но у меня остается право, не огорчая Господа Бога, делать маленькие глупости до самой смерти, если я мала и смиренна..." (Желтая тетрадь). Таким образом, она может о себе сказать: "Я постоянно ощущаю дерзновенное желание стать великой святой, потому что, не имея никаких собственных заслуг, я и не полагаюсь на них, но уповаю лишь на Того, Кто есть сама Добродетель и сама Святость. Только Он Один, довольствуясь моими малыми усилиями, вознесет меня до Себя и, облекая в Свои бесконечные достоинства, сделает меня святой" (Рукопись "А"). Не это ли школа святости, и в то же время очеловечивание таких нечеловеческих, страшных, эгоистических отношений между людьми, которые знает наше время?

Не одного человека поражает перспектива такой святости, где на первом месте оказывается сознательная оценка собственной греховности. В нашем представлении святость ассоциируется с исключительностью, с героическими усилиями человека. И тогда не хватает сил, не хватает "...безумия уповать на то, что Твоя любовь примет меня как жертву" (Рукопись "В"). Разве мы никогда не внушали себе, что святость — это не для меня, ведь я такой грешный, такой растерянный, такой слабый, так опутан собственной беспомощностью?! Тереза не пренебрегает грехом, но она и не позволяет ему безмерно вырасти в сознании, парализовать волю. Нет ничего удивительного в том, что мы грешны, но и повода для паники нет, раз мы обрели Спасителя в лице Иисуса Христа. Дьявол не в состоянии нас окружить, когда мы пребываем в доверии к Богу. Поэтому Тереза говорит: "Дитя... постоянно дремлет у Сердца Великого Военачальника. У этого Сердца учатся стойкости и, особенно, доверию. Какое имеет значение артиллерийский огонь и гул орудий, если ты находишься на руках самого Военачальника?" (Переписка). Не наши силы созидают святость, святость — это святость Бога, а мы можем участвовать в ней в меру нашей отдачи себя Богу.

Старательно хранимая по отношению к Богу позиция ребенка идет у св. Терезы рука об руку с истинной зрелостью личности. Прибавлять любовь, чтобы порадовать милосердного Бога, ко всем своим словам и поступкам совсем не так легко и просто. Тереза поражает добросовестностью и подлинностью своей жертвенности. Ребенок по отношению к Богу, она — взрослая по отношению к миру, к своим обязанностям, к тем, кто рядом с ней. Это прямо противоположно ошибочной точке зрения, часто присущей людям, которые представляют себе Бога чересчур суровым и далеким — по отношению к Нему они хотят быть сильными собственными силами, а в повседневных житейских отношениях обнаруживают беспорядок и несобранность. Тереза абсолютно искренна и добросовестна, она отбрасывает любые позы, любые девчоночьи игры, любую непоследовательную замену ответственности мечтаниями. У нее хватает мужества сказать сестре по монастырю: "Можешь меня ненавидеть, если хочешь, но я до смерти буду говорить тебе правду!" (Из материалов процессов канонизации), а перед смертью признаться: "Я всегда искала только истину" (Желтая тетрадь). Поиски истины не означают для нее замкнутости в интеллектуальных поисках. Она не интеллектуалка, она ищет простоты и искренности в отношениях с людьми. Она жила в то время, когда мир не был завален плеерами и видеокассетами, когда на человека обрушивалось гораздо меньше рассеянной информации, чем сегодня, но забота о подлинности жизни требовала не меньшего, чем сегодня, внимания. Она не признавала пустых разговоров. Представления, которые она устраивала во время рекреаций, могли касаться кого-либо из сестер, откликаться на события того времени, касающиеся Церкви, быть веселыми и радостными, но прежде всего они несли духовное послание, которое она хотела передать и которое мы и сегодня извлекаем из ее сочинений. Она не переносила бесцельных слов, пущенных на ветер. Тереза всегда искала "le vrai de la vie" — истины, подлинно переживаемой, а не поверхностной.

Св. Тереза — великая святая, но мы напрасно будем искать в ее жизни какие-нибудь чудесные, необыкновенные происшествия. Господь Бог не совершает чудес для Своих друзей. Духовная жизнь не основывается на поисках необыкновенного. Духовная жизнь проживается в вере и любви, и Тереза своей обычной жизнью учит нас открываться верою тайному руководству Бога в рамках самой обыкновенной жизни. В стихотворении "Почему я люблю Тебя, о Мария" она говорит о событиях земной жизни Матери Божией, которые могут послужить примером нам, обычным людям. Вера — это общение с тайной, согласие на то, чтобы Бог вел нас Своими неисповедимыми путями. Мы легко можем поверить в существование Бога, в истинность Евангелия и провозглашаемых Церковью догматов. Гораздо труднее поверить в то, что Бог сопутствует нам, что Он присутствует в наших личных драмах и крутых поворотах жизни. Но именно тогда, когда мы переживаем свой личный опыт связи с Богом, с верой полагаемся на Него Одного, мы и открываемся Божественной силе. Там, где вера возрастает, где она все глубже укореняется в душе, все больше располагает к любви, вовсе не становится ясней. Вера — это не просто познание. У веры всегда есть ореол глубокой тайны. Бог связал нашу встречу с Ним с верой, а не со знанием, чтобы мы не пытались господствовать над Богом, чтобы в нашем отношении к Нему оставалась детская открытость тайне. Укрываясь за тайной, Бог в то же время открывается, показывая таким образом Свой нежный Отцовский облик, ожидая нашей доверчивой веры и любви. В таком общении с Богом посредством веры св. Тереза — прекрасный учитель. Она учит пребыванию рядом с Богом, подобно одинокому ребенку, который боится шума волн и непогоды в лодке, далеко от берега. Она учит созерцательной молитве, сравнивая ее с высматриванием солнца маленьким птенчиком, который не страшится темноты, туч или грозы. Человек учится возрастать в вере, отдавая себя Богу именно тогда, когда испытывает сомнения, неуверенность и внутреннее замешательство. Бог не дает нам возможности взять на себя грехи мира, это уже сделал Христос. Но иногда Он дает нам возможность понести грехи времени, в котором мы живем. Св. Тереза, жившая на пороге нашего израненного, изболевшегося и обиженного на Бога XX века, познала приглашение к столу атеистов. Бог не возложил на ее плечи всей тяжести нашего времени. Она не ведала трудностей, связанных с войнами и политическим террором. Она не испытывала искушений против чистоты — у нее были искушения против веры, подобные тем, о которых можно прочесть в сочинениях выдающихся атеистов вроде Ницше или Сартра. Когда она умирала, ее родная сестра и настоятельница мать Агнесса ушла в сад молиться у статуи Святейшего Сердца Иисусова о том, чтобы Тереза не умерла атеисткой! Реалистичность духовного опыта св. Терезы, полностью отдававшей себя Богу во мраке веры, делает из нее истинную святую, святую нашего времени. И, вместе с тем, ее простота и смирение действуют так, что каждый человек, какую бы жизнь он ни вел, в каком бы смятении ни находился, всегда найдет в ее учении совет о том, как жить, как отыскать прямой путь к Богу.

Путь св. Терезы, ведущий через трудное очищение веры, казался ее сестрам невозможным. Когда издавались ее труды, старшие сестры, следуя, впрочем, полномочиям, предоставленным им умершей, сочли возможным внести поправки в ее рукописи. При этом они руководствовались своим пониманием святости. Это привело к тому, что первое прочтение святой Терезы в Церкви оказалось сильно приураженным и переслащенным. На это наложились еще и специфика французского языка XIX века, в котором господствовала манера прибавлять ко всему словечко "petit" — маленький, а также зачастую неправильно понимаемое при переводе слово "doux", которое вовсе не обязательно означает сладость, но также — и нежность, и мягкость, и кротость. Духовное детство, которому учит св. Тереза, не имеет ничего общего с переслащенным инфантилизмом. После смерти в 1959 году сестры Женевьевы, родной сестры св. Терезы, оказалось, что в монастыре в Лизье хранилось 47 фотографий св. Терезы, а также всей общины. До сих пор св. Тереза была известна по портретам и образкам, на которых ее изображали с розами и чересчур красными губами. Найденные фотографии показывают истинную красоту женщины духовно зрелой, всецело отдавшей себя Богу, полной очарования, молодости и радости. Если принять во внимание фотографическую технику столетней давности, требующую позирования перед аппаратом, то

в этих фотографиях можно найти нечто от иконы. Тереза знала, что ее фотографируют, минуты выдержки были поводом для молитвы, для поручения Богу тех, кто будет смотреть эти фотографии, кто будет молиться при помощи этих икон. В глазах св. Терезы — глубина, позволяющая приблизиться к тайне Бога.

Св. Тереза жаждала очень многого: она хотела быть миссионером, мучеником, священником, хотела знать библейские языки, чтобы читать Слово Божие в оригинале. В молитвенном поиске она в конце концов поняла, что в Церкви важнее всего любовь. Любовь, которая приводит к тому, что апостолы проповедуют Благою весть, мученики проливают кровь, миссионеры отправляются в далекие страны. "...В сердце моей Матери-Церкви я буду любовью", — воскликнула она (Рукопись "В"). Ее миссионерский запал и переписка с миссионерами привели к тому, что в 1928 году она была объявлена покровительницей миссий. Хотя она никогда не покидала своего монастыря, миссионеры во всем мире, проповедуя Евангелие Христово, прибегают к ее заступничеству.

В 20-х годах, когда смертоносное правление Сталина привело к кровавому преследованию христиан в Советском Союзе и к запланированному голодному бедствию в России и в Украине, Папа Пий XI сначала организовал продовольственную помощь для Украины, а потом поручил духовное будущее России св. Терезе из Лизье. Чтобы сохранить христианское наследие России он решил основать в Риме учебный богословский центр, специализирующийся на российской проблематике. Поскольку у него не хватало средств для реализации замысла, Папа совершил девятидневный цикл молитв, обращенных к св. Терезе из Лизье с просьбой о помощи. На девятый день он получил огромный денежный перевод от настоятельницы монастыря в Лизье, которая решила отдать Папе все пожертвования, оставленные в Лизье паломниками. Благодаря этой поддержке в 1929 году в Риме был основан Руссикум, покровительница его — св. Тереза из Лизье. Когда 19 октября 1997 года на площади св. Петра в Риме Папа Иоанн Павел II провозгласил св. Терезу из Лизье Учителем Церкви, хор священников из Руссикума спел после чтения Евангелия в ее честь торжественный кондак.

Войцех Гертых ОР

Перевод с польского А. Топтуновой

Пролог

"Что может быть таинственней, чем эти скрытые приготовления, поджидающие человека на пороге его жизни. Все разыграно прежде, чем нам исполнится двенадцать лет".

Что касается святой Терезы Младенца Иисуса и Святого Лица, то все было разыграно лишь 30 сентября 1897 года, когда она, совершенно истощенная, скончалась от туберкулеза в больничной палате Кармеля в Лизье, в возрасте двадцати четырех лет и девяти месяцев.

И все-таки эти слова ее современника Шарля Пеги относятся и к ней тоже, потому что воистину судьба человека уходит корнями в определенную почву, в известное время, в конкретную семью, и Тереза не спустилась с небес, словно ангел. Она родилась на нормандской земле и была неразрывно связана со своими предками и со своей страной.

Прежде, чем весь мир прославил святую Терезу из Лизье и ее малый путь, на свет появилось дитя: Тереза Мартен из города Алансона.

Оно-то и есть тот таинственный плод смутных приготовлений. И последуй каждый из ее родителей влечению сердца, "величайшая святая наших дней" никогда бы не явилась на свет.

Выходец из семьи военных, Людовик Мартен, родился 22 августа 1823 года. Он отведаль походной жизни и вырос на легендах о Наполеоне. Его отец, капитан в эпоху Реставрации, в 1830 году вышел в отставку и поселился в Алансоне.

Аккуратный, размеренный и по характеру склонный к размышлениям в одиночестве, Людовик, выучился часовому делу, этому ремеслу терпения и точности. В двадцать два года он мечтал об уединенной жизни и попытался стать бернардинцем. Ему отказали: он не владел латынью. Некоторое время он провел в Париже, затем устроился часовщиком в Алансоне и жил вместе с родителями на улице Понт-Неф. На протяжении восьми лет он вел полумонашескую жизнь, заполненную работой, молитвой, чтением и своим любимым времяпровождением — рыбной ловлей.

Алансон, главный город департамента Орн, насчитывал тогда 13600 жителей. Людовика вполне устраивал этот небольшой тихий городок, обязанный своей славой искусству кружевниц, которые поставляли знаменитые алансонские кружева всей Франции и особенно Парижу, скрывавшему за скандальной роскошью всю шаткость Империи.

Зели Герен родилась 23 декабря 1831 года в крестьянской по происхождению семье и тоже росла на военных воспоминаниях. Ее отец оставляет службу в жандармерии и селится в Ваграме. В 1844 году он перебирается в Алансон на улицу Сен-Блез в дом под номером 36.

Воспитанная властным отцом и матерью, которая никогда не показывала своей любви, Зели напишет однажды брату: "Детство мое и юность были печальны, как саван, ведь если мама тебя и баловала, то по отношению ко мне, ты сам знаешь, она была слишком строга. Такая добрая, она не знала, как ко мне подступиться; я же от этого сильно страдала". Свою любовь Зели перенесет на брата Исидора, изучающего аптекарское дело, и старшую сестру Эльзу, свою наперсницу, которая позднее поступит в монастырь Посещения в Мансе и примет постриг под именем сестры Марии-Досифеи. Переписка с ними продлится до смерти Зели, в ней она будет изливать свой беспокойный, с частыми приступами грусти, характер, свою живую, жаждущую деятельности натуру, свою веру со всеми ее испытаниями и здравомыслие с немалой долей юмора.

Подобно Людовику Мартену, она мечтала о монашеской жизни и, подобно ему, получила отказ. Тогда она целиком посвятила себя алансонским кружевам и с помощью сестры открыла "свое дело". Искусная рукодельница, она добилась большого успеха.

Эти двое, которые так и не приняли монашества, тридцатипятилетний часовщик и двадцатисемилетняя кружевница, встречаются друг друга и после непродолжительной помолвки венчаются в церкви Нотр-Дам 13 июля 1858 года.

Они устраиваются в доме на улице Понт-Неф и при взаимном согласии живут по предложению Людовика как брат и сестра. Вмешательство священника заставит их настолько изменить свое решение, что с 1860 по 1873 годы в этом доме появятся на свет девять детей. "Я безумно люблю детей и рождена для того, чтобы их иметь, но скоро настанет время, когда

этому придет конец. 23 числа сего месяца мне исполнится сорок один год, в таком возрасте становятся бабушкой!" — напишет она незадолго до рождения своего последнего ребенка — Терезы.

В живых останется только пять девочек: в то время детская смертность была очень высока. У госпожи Мартен было слабое здоровье, подточенное раком груди, который признают неизлечимым лишь в 1876 году. Не без колебаний начнет она отдавать кормилицам своих младенцев, начиная с пятого. На протяжении нескольких лет рождение детей чередуется с похоронами: уходят из жизни два мальчика и две девочки, одна из которых — пятилетняя Элен. "С тех пор, как я потеряла этого ребенка, я испытываю горячее желание снова увидеть ее, — пишет мать, — однако я еще нужна оставшимся и ради них молю Господа Бога, чтобы Он подарил мне еще несколько лет жизни на этой земле. Я сильно горевала о моих мальчиках, но еще больше страдаю от потери этой девочки; она уже начинала радовать меня, была такой милой, ласковой и развитой для своего возраста! Нет ни единой минуты на дню, чтобы я не думала о ней".

Война 1870 года и ее последствия — пришлось дать кров девяти немецким солдатам — не помешали прибавлению в семье и увеличению ее благосостояния, благодаря непрерывному, от зари до зари, труду матери, которой теперь стал помогать и сам отец семейства после продажи своего магазина "Часы и ювелирные изделия". Мартены перебираются на улицу Сен-Блез и устраиваются в доме, который можно посетить и сегодня.

Главное место в их жизни занимает семья. Они счастливы только тогда, когда все вместе. Старшая дочь, Мария, любимица отца, и Полина, резвая и живая, наперсница матери, регулярно уезжают на учебу в пансион при монастыре Посещения в Мансе. Обе воспитанницы вполне довольны жизнью, проходящей под бдительным присмотром тетки Досифеи, которая рассказывает матери о школьных успехах и поведении девочек, а также оценивает их характеры, сильно отличающиеся друг от друга. И тем не менее каждый приезд на каникулы вызывает взрыв радости, а возвращение в пансион — потоки слез.

Только "бедная Леони", менее одаренная, чем другие, частенько болеет и постоянно вызывает тревогу у матери. А "неутомимая" Селина вскоре станет неразлучной с самой младшей — Терезой.

Прогулки по городу, поездки по нормандским деревушкам, встречи с семьей дяди Герена, устроившегося в Лизье аптекарем, путешествия по железной дороге в Манс к тетке-монахине оставят свой отпечаток в детях Мартен, которые всю жизнь будут вспоминать эти незатейливые радости. С 1859 по 1870 годы семья повержена в печаль: уходит старшее поколение, умирают дети. Но даже такое горе не в силах нарушить нежную привязанность друг ко другу, объединяющую членов этой семьи, напротив, она становится глубже.

Все строгое и суровое, что могло бы исходить от отца, уравнивается его всепрощающей добротой ради мира и спокойствия в доме. Он не пренебрегает вечерами в кругу семьи, на которых читает стихи модных поэтов-романтиков и поет своим красивым голосом старинные арии, к тому же он мастерит крохотные кукольные фигурки к полному восхищению дочерей.

Мать, зачастую обеспокоенная будущим (она чувствует, что силы оставляют ее), управляет домом с "величайшим мужеством, действительно, невероятным. Какая сильная женщина! Неприятности не сражают ее, а благополучие не возносит!" — напишет ее сестра. Реализм, живость высказываний, привлекательная утонченность делают ее душой семейного очага.

У Мартенов крепкая вера, в каждом событии они видят присутствие Божие и пребывают в постоянном служении Ему: молитва, мессы по утрам, частое причастие — редкость в ту эпоху, когда еще живы последствия янсенизма; воскресные вечера, ретреты. *(Молитвенное уединение на один или несколько дней.) Жизнь течет размеренно, в согласии с богослужебным циклом, паломничествами, тщательным соблюдением постов... Однако в этом доме нет ничего чопорного или ханжеского: здесь занимаются конкретными делами, могут приютить, накормить брошенных детей, бездомных, стариков. Зели Мартен урезает свои, и так непродолжительные ночи ради ухода за больной няней. Ее муж платит из

собственного кармана за обездоленных, для оказания помощи эпилептику или умирающему. Детей приучают уважать бедность.

Матери нравится видеть своих дочерей нарядно одетыми, и когда сестра Мария-Досифея волнуется, что Мария, которой шестнадцать лет, веселится в обществе молоденьких девушек, Зели парирует: "Так что ж, надо затвориться в монастыре? В мире невозможно жить подобно волкам! Во всем, что говорит "наша святоша", есть что взять и что оставить".

На четвертом месяце беременности она сообщает Геренам о "событии, которое должно произойти примерно в конце года" и которое имеет сейчас отношение только к ней самой: "Надеюсь, что с этим ребенком все будет в порядке". Таково первое упоминание о существовании той, которая уже названа "маленькой Терезой" в память о другой Терезе, умершей в возрасте нескольких месяцев.

И вот радостная новость: "Вчера, в четверг, в полдвенадцатого вечера родилась моя девочка. Она очень крепенькая и чувствует себя хорошо. Мне сказали, что она весит восемь ливр. Ну, пускай даже шесть — это уже совсем неплохо; кажется, она довольно мила. Я мучилась не больше получаса, не сравнить с тем, что приходилось испытывать раньше. Завтра, в субботу ее будут крестить, и для полной радости не хватает только вас. Крестной будет Мария, а крестным — мальчик, ее ровесник".

Все так и произойдет, как написала госпожа Мартен. Непредвиденной оказалась лишь поздравительная открытка, принесенная кем-то из детей на улицу Сен-Блез с таким примерно коротеньким стихотворением, сочиненным отцом этого ребенка:

Улыбайся и расти,
К счастью все твои пути.
Нежность ласки и Любви,
Улыбаясь, призови.
Распускается бутон,
Скоро розой станет он.

Но едва родившись, Мария-Франсуаза-Тереза Мартен уже извела страдание: когда ей исполнилось пятнадцать дней, она чуть было не погибла от энтерита. Через три месяца снова тревога: "Она очень плоха. Я совсем потеряла надежду спасти ее. Со вчерашнего дня несчастная малышка страшно мучается, при взгляде на нее разрывается сердце".

Кризис преодолен, но матери приходится расстаться с Терезой и отдать ее кормилице, прислушавшись к мнению врача. В течение целого года малышка ведет деревенскую жизнь, питаясь молоком крепкой и жизнерадостной Розы Тайе. "Круглое загорелое дитя" проводит время на природе, среди цветов и животных. "Кормилица возит ее по полям, сажая в тачку для сена; она почти никогда не плачет. Роза говорит, что невозможно себе представить более славного ребенка".

Светловолосая и голубоглазая, очень милая, улыбчивая и не по годам умная, живая и крайне чувствительная, способная на страшные приступы гнева, чуткая и своевольная, Тереза быстро становится любимицей семьи. "Всю жизнь Господу Богу было угодно окружать меня любовью, и мои первые воспоминания запечатлели улыбки и самые нежные ласки!" (рукопись "А").

Жизнь в Алансоне текла радостно, но не безмятежно, и двадцать лет спустя в воспоминаниях о своем детстве, написанных по послушанию, сестра Тереза скажет: "Ах, как быстро пролетели эти залитые солнцем годы моего раннего детства, но как нежно запечатлелись они в моей душе! (...) Все улыбалось мне на земле. На каждом шагу я находила цветы, а мой счастливый характер способствовал жизни, приятной во всех отношениях". (рукопись "А").

Смерть матери одним ударом разрушила это счастье и послужила причиной переезда в Лизье. Но послушаем лучше саму Терезу...

Рукопись, посвященная досточтимой матери Агнессе Иисуса
Рукопись "А"

ГЛАВА 1

Алансон (1873-1877)

Воспевание милостей Господних. — Окруженная любовью. — Поездка в Манс. — Мой характер. — Я выбираю все.

И.М.И.Т. *(Начальные буквы имен: Иисус, Мария, Иосиф, Тереза) Январь 1895

Иисус +

*Весенняя история о маленьком белом цветке, им самим написанная и посвященная досточтимой матери Агнессе Иисуса** (В ордене Кармелитов принято добавлять к монашескому имени еще другое — имя Господа или святого, либо наименование тайны, особо почитаемой данным лицом.)

Вам, дорогая матушка, ставшей мне матерью дважды, я доверяю историю моей души. Когда вы попросили об этом, мне показалось, что, занимаясь самим собой, сердце мое станет рассеянным. Но Господь открыл мне, что лишь в послушании я буду угодна Ему. Итак, начинаю и отныне буду делать только одно: воспевать то, что должна возвещать вечно: "Милости Твои, Господи!"

Прежде чем взяться за перо, я встала на колени перед статуей Пресвятой Богородицы (той самой, через которую Царица Небесная уже столько раз являла Свое материнское благоволение к нашей семье). Я молила Ее водить моею рукою, чтобы не написать ни одной строчки, не угодной Ей. Затем я раскрыла Евангелие, и взгляд мой упал на слова: "Потом взошел на гору, и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему." (Мк.3,13). Вот она — тайна моего призвания, тайна моей жизни и прежде всего исключительного благоволения Господа к моей душе. Он не зовет тех, кто достоин, но кого хочет Сам. Как говорит апостол Павел: "...кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею. Итак помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего." (Рим. 9,15-16)

Долгое время я задавалась вопросом: "Почему Господь Бог оказывает некоторым предпочтение, почему не все души получают благодать в равной мере?" Я удивлялась, видя Его расточающим необычайные милости святым, согрешавшим перед Ним. Такими были и апостол Павел, и блаженный Августин, которых Он, так сказать, вынуждал принимать Свою благодать. Читая о жизни святых, которых Господу было угодно любовно оберегать от колыбели и до могилы, не оставляя на их пути ни единого препятствия для восхождения к Себе, настраивая эти души так, что они просто не могли запятнать сияние своих крестильных одежд, — я спрашивала себя, почему же, например, несчастные дикари умирают в таком множестве, даже не услышав об Имени Божиим. Господь удостоил меня познать эту тайну. Он обратил мой взгляд на природу, и я поняла, что все цветы, сотворенные Им, прекрасны; что великолепие розы и белизна лилии не лишают благоухания маленькую фиалку и не отнимают восхитительной простоты у маргаритки. Я поняла, что если б все простые цветы захотели стать розами, природа утратила бы свой весенний наряд, и поля не пестрели бы больше цветочками...

То же самое и в мире душ — этом саду Господнем. Ему было угодно сотворить великих святых, которых можно сравнить с лилиями или розами. Но Он сотворил еще и малых, которые должны быть довольны тем, что они — маргаритки или фиалки, предназначенные радовать Его взор, когда Он опускает его к Своим стопам. Совершенство заключается в том, чтобы исполнять Его волю и быть теми, кем Он хочет нас видеть...

Я поняла также, что любовь Господа раскрывается как в самой простой душе, ни в чем не противящейся Его благодати, так и в самой возвышенной. Действительно, любви свойственно снисходить, и если бы все души были подобны учителям, просветившим Церковь, могло бы показаться, что Господь почти не снисходит, достигая их сердец. Но Он сотворил и дитя, которое, ничего не смысля, беспомощно кричит, и дикаря, которым руководит естественный закон. Однако, Он благоволит спускаться и в их сердца, ибо они — те полевые цветы, чья простота Ему нравится... Так нисходя, Господь показывает Свое бесконечное величие. Подобно солнцу, освещающему одновременно и кедр и каждый маленький цветок, словно он единственный на всей земле, наш Господь особенным образом заботится о каждой душе, будто нету ей равных. Подобно природе, в которой времена года следуют друг за другом так, чтобы в назначенный день дать расцвести самой скромной маргаритке, — все способствует благу каждой души.

Несомненно, дорогая матушка, вы с удивлением спросите себя, к чему я веду все это. Ибо до сих пор я не поведала ни о чем, сходном с историей моей жизни. Но вы сами просили меня записывать, не стесняясь, любые мысли, поэтому я опишу не столько свою жизнь, какой она была, сколько мои рассуждения о милостях, которыми удостоил меня Господь Бог. В моей жизни настало время, когда прошедшее уже можно окинуть взглядом. Моя душа созрела в горниле внешних и внутренних испытаний, и сейчас, подобно цветку, окрепшему после грозы, я поднимаю голову и вижу, как исполняются на мне слова 22 псалма. ("Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим. Подкрепляет душу мою... Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной" (Псал. 22,1-4)). Господь всегда был ко мне "щедр и милостив, долготерпелив и многомилостив"! (Псал. 102,8) Поэтому с радостью начинаю воспевать перед вами, матушка, милости Господни. Только для вас одной я начинаю писать историю о маленьком цветке, что сорвал наш Господь Иисус. Поэтому буду свободной, не заботясь о стиле и многочисленных отступлениях. Сердце матери всегда поймет свое дитя, даже если оно может лишь лепетать, поэтому я уверена, что буду понята и предугадана вами, ибо вы воспитали мое сердце и отдали его Господу...

Мне кажется, умеет цветок говорить, он просто рассказал бы о том, что Господь Бог сделал для него, не пытаясь скрывать Его благодетельности. И под предлогом ложного смирения он не говорил бы, что не миловиден и не душист, что солнце обожгло его, а грозы надломили стебель, тогда как в самом себе он находит совершенно противоположное. Собираясь рассказать о себе, цветок радуется тому, что может поведать о расположении Господа, ничем не заслуженном им, и признает, что в нем не было ничего достойного привлечь Божественный взор, что одно лишь Его милосердие сотворило то доброе, что есть в нем... Это Господь породил его на плодородной земле, пропитанной *благоуханием чистоты*. Это Он предварил его восемью лилиями ослепительной белизны. По любви Своей, Он хотел предохранить Свой цветок от испорченного дыхания мира, а когда начал распускаться его венчик, божественный Спаситель пересадил цветок на гору Кармель, где уже источали свой аромат те две лилии, что окружали его и нежно баюкали на заре жизни. Прошло семь лет с тех пор, как маленький цветок укоренился в саду Жениха, и теперь уже три лилии покачивают своими благоухающими венчиками рядом с ним; поодаль еще одна расцветает под взглядом Господа, а два благословенных стебля, которые произвели на свет эти цветы, навечно соединились в Небесной отчизне. Там они снова встретились с теми четырьмя лилиями, которые земля так и не увидела распутившимися... Да соблаговолит Господь не оставлять долго на чужом берегу цветы, остающиеся в изгнании; скорее бы ветвь лилий обрела полноту на Небе!

В этих словах, матушка, я изложила вкратце то, что Господь Бог сделал для меня и теперь перейду к подробностям моей детской жизни. Я знаю, что ваше материнское сердце будет очаровано там, где другие найдут лишь скучное повествование...

К тому же воспоминания, которые я собираюсь воскресить в памяти, — также и ваши, ибо детство мое протекло подле вас, и мне посчастливилось принадлежать тем же несравненным

родителям, которые окружали нас равными заботами и равной нежностью. Да благословят они самую младшую из дочерей и помогут ей воспеть Божие милосердие!

В истории моей души до поступления в Кармель, я ясно различаю три периода. Первый, хотя и самый краткий, не беднее других воспоминаниями; он начинается с пробуждения моего сознания и продолжается до дня ухода в Небесную отчизну нашей дорогой матери.

Господь Бог оказал мне милость, рано пробудив мой разум и запечатлев в памяти воспоминания детства столь глубоко, что мне кажется, будто все, о чем я расскажу, произошло вчера. Без сомнения, Господь, по любви Своей, захотел, чтобы я узнала ту несравненную мать, которую Он мне дал. Но как же поспешила Его Божественная рука наградить ее венцом на Небе!

Всю жизнь Господу Богу было угодно окружать меня любовью, и мои первые воспоминания запечатлели улыбки и самые нежные ласки! Но если Господь сосредоточил вокруг меня так много любви, Он вложил ее и в мое сердце, сотворив его любящим и чутким. Я очень сильно любила папу и маму, а поскольку была крайне чувствительна, то выражала свою нежность тысячью способов. Только те средства, которыми я пользовалась, были порою довольно странны, как показывает отрывок из маминого письма: "Малышка — бесподобная шалуныя, только что лаская меня, она пожелала мне смерти: "Ах, моя бедная мамочка, как бы я хотела, чтобы ты умерла!" — ее бранят, а она отвечает: "Это же для того, чтобы ты пошла на Небо. Ведь ты говоришь, что нужно умереть, чтобы попасть туда". Когда ею овладевает приступ особо нежной любви, она также желает смерти и своему отцу!"

25 июня 1874 года, когда мне не исполнилось и полутора лет, мама писала обо мне: "Ваш отец только что установил качели. Селина бесконечно рада, но надо видеть, как качается малышка; это утомительно, она держится словно взрослая девочка, и ни за что не отпустит веревку, а когда ее раскачивают недостаточно сильно, она кричит. Спереди ее привязывают другой веревкой, но, несмотря на это, я все-таки беспокоюсь, когда вижу ее сидящей на этих качелях. Недавно с малышкой произошел забавный случай. Я привыкла ходить на мессу в полшестого утра. В первое время я не осмеливалась оставлять малышку одну, но видя, что она не просыпается, все-таки решилась. Я стала класть ее в мою кровать, задвигая колыбелькой так, что упасть было просто невозможно. Но однажды я забыла приставить колыбель. Прихожу — в кровати малышки нет, но тут же я слышу плач, смотрю и вижу, что она сидит на стуле у моего изголовья, а крохотная головка лежит на подушке; здесь она и проспала тревожным сном из-за неудобной позы. Я так и не смогла понять, каким образом она оказалась на стуле, будучи уложена в кровать. Я возблагодарила Господа Бога за то, что с ней ничего не случилось. Это настоящее чудо, она ведь должна была упасть на пол, но Ангел-хранитель неусыпно берег ее, и души чистилища, которым я молилась каждый день о малышке, защитили ее, вот как я объясняю это... а вы объясняйте, как хотите!"

В конце письма мама добавляет: "А вот малышка пришла поцеловать меня и погладить мое лицо своей ручкой. Бедняжка совершенно не желает расставаться со мною и постоянно рядом. Она очень любит ходить в сад, но если меня там нет, она не хочет оставаться в саду и плачет, пока ее не приведут ко мне..." (А это отрывок из другого письма): "Как-то на днях Тереза спросила меня, попадет ли она в рай? Я ей сказала, что да, если будет умницей, тогда она мне отвечает: "Да, а если не буду хорошей, то попаду в ад... Но я знаю, что тогда сделаю, я улечу с тобой, а ты будешь на Небе. Как тогда сможет Господь Бог забрать меня? Ты ведь будешь крепко держать меня на руках?" В ее глазах светилась уверенность, что Господь Бог ничего не сделает с ней, если она будет в объятиях матери..."

Мария очень любит сестренку, находит ее славной, но иначе и быть не может, ведь малышка так боится огорчить ее. Вчера я хотела подарить ей розу, зная, что это обрадует ее, но она стала умолять меня не срезать цветок — Мария ей это запретила — малышка была красной от волнения. Несмотря на это, я все-таки дала ей две розы. Больше она не осмеливалась появляться в доме. Я напрасно говорила ей, что это мои розы. "Нет же, — отвечала она, — это розы Марии..." Этот ребенок очень легко приходит в волнение. Как только она натворит что-нибудь пустяковое, непременно нужно, чтобы об этом узнали все. Вчера, нечаянно оторвав

кусочек обоев, она пришла в такое состояние, что стало ее жалко; потом нужно было как можно скорее сообщить об этом папе. Он пришел только через четыре часа, и никто уже не думал о случившемся. Но она тут же прибежала к Марии: "Скажи скорее папе, что я разорвала обои." Она стояла, как преступница в ожидании приговора, уверенная однако, что ей легче простят, если она сознается сама".

Я сильно любила мою крестную. Не подавая вида, я внимательно следила за всем, что происходило и говорилось вокруг, и мне кажется, судила о вещах так же, как и теперь. Я внимательно слушала все, чему Мария учила Селину, чтобы затем поступать таким же образом. Мария только что закончила обучение в монастыре Посещения, и, чтобы удостоиться милости быть допущенной в ее комнату во время урока с Селиной, я вела себя хорошо, делая все, что она хотела. За это меня осыпали подарками, которые, несмотря на их ничтожную ценность, доставляли мне огромное удовольствие.

Я очень гордилась обеими старшими сестрами, но моим детским идеалом была Полина. Стоило маме спросить: "О чем ты думаешь?" — ответ был неизменным, как только я научилась говорить: "О Полине!" Или я водила пальцем по клеткам и говорила: "Я пишу "Полина!" Я часто слышала разговоры о том, что Полина, конечно же, будет монахиней. Толком еще не зная, что это означает, я думала: "И я тоже буду монахиней." Это одно из моих первых воспоминаний, но с тех пор я никогда не меняла решения. Это вас, дорогая матушка, избрал Господь, чтобы обручить меня с Собою. Тогда вы не были рядом со мной, но связь между нашими душами уже образовалась... Вы были моим идеалом, я хотела стать похожей на вас. Именно ваш пример уже с двухлетнего возраста привел меня к нашему Жениху. О! Сколько сладостных мыслей мне хотелось бы доверить вам! Но я должна продолжать историю маленького цветка, эту главную историю обо всем, ведь если бы мне захотелось подробнее рассказать о моих отношениях с Полиной, пришлось бы забросить остальное!

Леони тоже занимала большое место в моем сердце. Она очень любила меня и вечерами, когда вся семья была на прогулке, присматривала за мной. Мне кажется, я еще слышу те песенки, которые она напевала, баюкая меня. Во всем искала она способ угодить мне, и я сильно печалилась, когда огорчала ее.

Очень хорошо помню ее первое причастие, особенно с того момента, когда она взяла меня на руки, чтобы я смогла вместе с ней попасть в дом священника. Как здорово, казалось мне, когда тебя несет старшая сестра, одетая, как и ты, во все белое!... Вечером меня уложили рано: я была еще слишком мала, чтобы присутствовать на торжественном ужине. Но, как сейчас, вижу папу, который пошел за сладким, чтобы принести своей принцессе несколько кусочков праздничного пирога.

На следующий день или чуть позже мы вместе с мамой пошли к подружке Леони, и, мне кажется, что именно в этот день наша добрая матушка (Полина — прим. пер.) увела нас в сторонку, чтобы угостить вином после обеда (который давала госпожа Дагоро). Ей не хотелось ставить в неловкое положение добрую женщину, но, в то же время, как желала она, чтобы мы ни в чем не испытывали недостатка... О, как чутко материнское сердце! Оно выражает свою нежность в тысяче предупредительнейших мелочей, о которых никто бы и не подумал!

Теперь остается рассказать о моей милой Селине, дорогой подруге детства. Этих воспоминаний такое изобилие, что я не знаю, на чем остановиться. Возьму несколько отрывков из маминых писем вам в монастырь Посещения, но не буду переписывать все, это слишком длинно... Вот что писала она 10 июля 1873 года (год моего рождения): "Кормилица принесла маленькую Терезу. В четверг она только и делала, что смеялась. Особенно ей понравилась Селина, с ней она хохотала взахлеб. Похоже ей уже хочется играть, и скоро это начнется. Она стоит на своих ножках прямо, как колышек. Думаю, она рано начнет ходить, и у нее будет хороший характер. Она кажется очень умненькой, на ее лице печать избрания..."

Мое расположение к Селине особенно проявилось после того, как меня забрали от кормилицы. Мы отлично ладили друг с другом, только я была много живее и гораздо менее наивна, чем она; несмотря на три с половиной года разницы, мне казалось, что мы одного возраста.

Вот отрывок из маминого письма, показывающий насколько Селина была кроткой, а я своенравной: "У моей Селины ясно выраженное стремление к добродетели, это глубинное чувство всего ее существа. У нее чистая душа, приходящая в ужас от зла. Что до маленькой прониры, то пока непонятно, что из нее выйдет. Она так мала, так легкомысленна. Умом она превосходит Селину, но далеко не так кротка и, особенно, непреодолимо упряма. Когда она говорит "нет", ничто не может заставить ее уступить, можно посадить ее на целый день в погреб, и она скорее останется там ночевать, чем скажет "да"...

"В то же время у нее золотое сердце, она очень ласкова и чистосердечна. Забавно смотреть, как она бежит за мною, чтобы поисповедаться: "Мама, я только один раз толкнула Селину и один раз ударила ее, но я больше не буду". (И так во всем, что она делает). В четверг вечером мы пошли гулять в сторону вокзала, и она очень хотела войти в зал ожидания, чтобы встретить Полину. Она бежала впереди с радостью, доставлявшей нам удовольствие. Поняв же, что нам надо поворачивать, что мы не идем встречать Полину, она проплакала всю обратную дорогу".

Эта последняя часть письма напоминает мне о том счастье, что я испытывала, когда вы возвращались из монастыря Посещения. Вы, матушка, брали меня на руки, Мария брала Селину, и тогда я осыпала вас многочисленными ласками и, отклоняясь назад, любовалась вашей огромной косой... Потом вы давали мне шоколадку, которую хранили целых три месяца, зная, какое это для меня сокровище! Помню также поездку в Манс, когда я впервые ехала по железной дороге. Какая радость путешествовать вдвоем с мамой! Тогда, уж не знаю почему, я начала плакать, и несчастная мама смогла привезти тете из Манса лишь гадкого уродца, красного от слез, пролитых во время пути... Я ничего не помню о встрече; помню лишь, что тетя дала мне белую мышку и корзиночку из бристольского картона, полную конфет, на которых царственно покоились два сахарных колечка, как раз на мой палец. В то же мгновение я закричала: "Вот здорово! Здесь есть колечко и для Селины!" Я беру свою корзинку за ручку, другую руку даю маме, и мы уходим. Через некоторое время я смотрю в корзинку и, о горе, вижу, что почти все мои конфеты рассыпаны по улице, словно камушки Мальчика-с-пальчика... Смотрю еще и вижу, что одно из драгоценных колец разделило роковую участь конфет. Мне больше нечего подарить Селине! Горе мое непомерно возрастает, я прошу вернуться назад, но мама, кажется, не обращает на меня никакого внимания. Это уж слишком, и за воплями следуют слезы. Я никак не могла понять, почему же она не разделяет мое горе, и это сильно увеличивало мои страдания.

Теперь вернусь к письмам, в которых мама рассказывает вам о Селине и обо мне. Это лучший способ показать мой характер. Вот отрывок, живо отражающий мои недостатки: "Селина играет с малышкой в кубики. Время от времени они спорят друг с другом, и Селина уступает, чтобы получить жемчужину для своего венца. Я вынуждена наказывать несчастного ребенка, который приходит в страшную ярость, если что-то происходит не так, как она хочет. Отчаянно катаясь по полу, она воображает, что все кончено. Порою это сильнее ее, и она просто задыхается. Это очень нервный ребенок, но в то же время она очень мила, умна и все помнит". Вы видите, матушка, насколько я была далека от маленькой неспорченной девочки! Обо мне даже нельзя сказать: "Она была тихая, когда спала", ибо ночью я становилась еще беспокойней, чем днем. Я срывала с себя одеяло, а потом (во сне) билась о деревянные прутья своей детской кровати, и, просыпаясь от боли, говорила: "Мама, меня что-то *стукнуло!*" Бедной мамочке приходилось вставать и подтверждать, что, действительно, у меня на лбу шишки и меня что-то *стукнуло*; потом она хорошенько укрывала меня и шла спать, но через некоторое время меня опять что-то *стукнуло*, да так, что необходимо было привязывать меня к кровати. Каждый вечер Селина приходила завязывать многочисленные веревочки, предназначенные помешать маленькой шалунье *стукаться* и будить маму. Это средство хорошо помогало, с тех пор я стала тихой во время сна. У меня (уже бодрствующей) был еще один недостаток, о котором мама не говорит в своих письмах: большое самолюбие. Чтобы не очень растягивать повествование, приведу только два примера. Однажды мама сказала мне: "Терезочка, если ты поцелуешь землю, я дам тебе одно су". Одно су представлялось мне

целым состоянием, и, чтобы заработать его, вовсе не нужно было унижать своего величия; при моем маленьком росте я и так была недалеко от земли. Однако гордость моя возмутилась от самой мысли поцеловать землю, и, стоя совершенно прямо, я ответила: "Нет, мамочка, лучше не надо мне этого су!"

В другой раз мы должны были отправиться к госпоже Монье в Грони. Мама велела Марии надеть на меня красивое, отделанное кружевами платье небесно-голубого цвета, но не оставлять мои руки открытыми, чтобы солнце не опалило их. Я дала себя одеть с некоторым безразличием, которое должно быть свойственно детям моего возраста, но про себя подумала: "Насколько бы я выглядела лучше с голенькими ручками".

Будь я воспитана недобродетельными родителями или, даже, будь, как Селина, избалована Луизой, с такими, как у меня, задатками я могла бы стать очень дурной и, быть может, погибла бы совсем... Но Господь бдительно охранял Свою маленькую невесту. Ему было угодно, чтобы все обращалось ей на благо, и даже недостатки, вовремя подавленные, служили к возрастанию в совершенстве... Мне было свойственно не одно только самолюбие, но и любовь к добру. Как только я стала серьезно рассуждать (что произошло в довольно раннем возрасте), было достаточно сказать мне о чем-нибудь: "нехорошо", чтобы у меня пропало всякое желание услышать это еще раз... С радостью вижу по маминым письмам, что взрослея, я стала доставлять ей больше утешения. Имея вокруг только хорошие примеры, я, естественно, хотела им следовать. Вот, что писала она в 1876 году: "Даже Тереза иногда хочет попробовать себя в духовных упражнениях... Это — очаровательное дитя, хитрое и живое, но у нее чуткое сердце. Они с Селиной очень любят друг друга. Им достаточно быть вместе, чтобы не скучать. Каждый день после обеда Селина идет за своим петушком и сразу же ловит Терезину курочку. Я не смогла бы справиться с этим, но она такая проворная, что ловит ее с первого раза. Потом вместе со своими зверюшками они усаживаются у камина и так забавляются довольно долго. (Это Роза подарила мне курочку и петушка, а я отдала петушка Селине). Другой раз Селина легла спать со мной, а Тереза спала на третьем этаже в Селининой кровати. Она попросила Луизу свести ее вниз и одеть. Луиза поднимается за ней и видит пустую кровать. Оказывается, Тереза услышала Селину и спустилась вместе с ней. Луиза говорит ей: "Так ты не хочешь идти одеваться?" — "Нет, Луиза, мы как две курочки, мы не можем разлучиться!" Говоря это, они обнимались и целовались... Потом вечером Луиза, Селина и Леони пошли на занятия в церковной кружок и оставили бедную Терезу, которая хорошо понимала, что слишком мала, чтобы идти туда, одну. Она говорила: "Ах если б только они захотели положить меня в Селинину кровать!" Но нет, не захотели... она ничего не сказала и осталась одна с маленьким ночником; через четверть часа она уже спала глубоким сном".

Другой раз мама снова писала: "Селина и Тереза неразлучны, невозможно представить себе детей, которые бы сильнее любили друг друга. Когда Мария приходит за Селиной, чтобы заниматься с ней, бедная Тереза вся в слезах. Что она будет делать: ее подруга уходит! Мария жалеет ее и тоже берет с собой, и эта бедная малышка два или три часа сидит на стуле. Ей дают нанизывать бусинки или лоскуток для шитья. Она не осмеливается пошевелиться и частенько тяжело вздыхает. Когда у нее выскакивает нитка из иголки, она пытается заправить ее, — это надо видеть, — у нее никак не получается, но она не решается побеспокоить Марию, и две большие слезы стекают по ее щекам. Мария быстро утешает ее, заправляет нитку в иголку, и несчастный ангелок улыбается сквозь слезы..."

Действительно, я помню, что не могла расстаться с Селиной, и предпочитала выйти из-за стола, не доев сладкое, чтобы, как только та встанет, сейчас же следовать за ней. Я поворачивалась на своем высоком стуле и просила, чтобы меня спустили с него, затем мы вместе шли играть. Порою мы ходили к дочке префекта; это мне очень нравилось из-за парка и всех тех красивых игрушек, которые она нам показывала, но, все-таки, я ходила туда скорее для того, чтобы доставить удовольствие Селине. Мне больше нравилось оставаться в нашем садике и скрести стены, откуда мы выковыривали все блестящие камушки, а потом шли продавать папе, который очень серьезно покупал их у нас.

Поскольку я была слишком мала, чтобы ходить в церковь по воскресеньям, мама оставалась присматривать за мной. Пока шла месса, я вела себя хорошо и ходила только на цыпочках, но стоило мне заметить, как открывается входная дверь, меня охватывал невероятный порыв радости. Я бросалась навстречу своей очаровательной сестричке, *разукрашенной, как часовня*, и говорила ей: "Селиночка, дай мне скорей освященного хлеба!" Иногда его не оказывалось, потому что она приходила слишком поздно. Что же делать? Обойтись без него невозможно: это была "моя месса"... Способ нашелся быстро. "У тебя нет освященного хлеба, ну, так сделай его!" Сказано — сделано, Селина берет стул, открывает буфет, достает хлеб, отрезает кусок и совершенно серьезно читает над ним "Богородице Дево, радуйся...", потом подает мне, и я, перекрестившись, с большим благоговением съедаю его, находя в нем вкус освященного хлеба. Зачастую мы устраивали духовные беседы. Вот пример, который я позаимствую из маминых писем: "Наши маленькие Селина и Тереза — два благословенных ангелочка. Тереза — это радость, счастье и гордость Марии. Трудно поверить, как она ею гордится. Действительно, для своего возраста она на редкость рассудительна и превосходит Селину, старшую вдвое. Однажды Селина сказала: "Как это получается, что Господь Бог может находиться в такой маленькой облатке?" Малышка ответила: "Это совсем не удивительно, потому что Господь Бог всемогущ." — "Что значит всемогущ?" — "Это значит — делать все, что Он хочет!"

Однажды Леони, считая себя уже достаточно взрослой, чтобы играть в куклы, пришла к нам обеим с корзинкой, полной платиц и красивых, вполне годных для каких-нибудь поделок лоскутков, поверх них лежала ее кукла. "Держите, сестренки, — сказала она нам, — выбирайте, отдаю все это вам". Селина протянула руку и взяла небольшой пакетик с тесемочками, которые ей понравились. После короткого размышления я, в свою очередь, протянула руку и, сказав: "*Я выбираю все!*", без дальнейших церемоний забрала корзинку. Свидетели этой сцены нашли раздел справедливым, да и сама Селина не думала жаловаться (к тому же, у нее не было недостатка в игрушках; крестный засыпал ее подарками, и Луиза находила способы доставать все, что она пожелает).

Этот небольшой эпизод из детства — краткое описание всей моей жизни. Позднее, когда мне открылось, что такое совершенство, я поняла, что для того, чтобы стать святой, надо много страдать, забывать о себе и все время стремиться к еще большему совершенству. Я поняла, что у совершенства есть много степеней и каждая душа вольна ответить на призыв Господа, сделать для Него мало или много, одним словом, выбирать между теми жертвами, которые Он просит принести. И, как в раннем детстве, я восклицаю: "Боже мой, я выбираю все. Я не хочу быть святой наполовину, меня не пугает страдание ради Тебя, я боюсь только одного — сохранить свою волю. Возьми ее, ибо я выбираю все, что угодно Тебе!"

Теперь надо остановиться. Еще рано говорить о моей юности, пока речь идет о маленькой шалунье четырех лет. Помню один сон, который, должно быть, приснился мне приблизительно в этом возрасте и глубоко запечатлелся в моем воображении. Однажды ночью мне приснилось, будто я вышла одна погулять в сад и, дойдя до лестницы, по которой надо было подняться, чтобы попасть туда, остановилась, охваченная ужасом. Передо мной, недалеко от обвитой зеленью беседки, стояла бочка с известью, и на этой бочке два отвратительных чертенка отплясывали с удивительной ловкостью, несмотря на бывшие у них на ногах утюги. Внезапно они стрельнули в меня своими сверкающими глазками, и в тот же миг, с еще более испуганным видом, чем я, спрыгнули с бочки и побежали прятаться в бельевую, находящуюся напротив. Видя, что они не очень-то смелые, я захотела узнать, что они собираются делать, и подошла к окну. Бедные чертенята бегали там по столам, не зная, как избежать моего взгляда. Время от времени они подбегали к окну и с беспокойным видом смотрели, тут ли я, и видя, что я все еще здесь, они, как бы в полном отчаянии, принимались снова бегать. Конечно, в этом сне нет ничего необычайного. Но в то же время, я думаю, что Господь Бог позволил мне запомнить его, чтобы показать, что душе в состоянии благодати нечего бояться злых духов, ибо они трусливы и готовы бежать даже от взгляда ребенка...

В маминых письмах я нахожу еще один отрывок. Бедная мамочка уже предчувствовала конец своего изгнания: "За малюток я не беспокоюсь, обе они замечательные. Это избранные существа, и они, конечно, будут хорошими. Ты и Мария — вы сможете превосходно их воспитать. Селина никогда не совершит нарочно ни малейшего проступка. Малышка тоже будет хорошей, она не солжет даже за все золото мира; она такого духа, какого я не замечала ни у одной из вас.

Однажды она была вместе с Селиной и Луизой у бакалейщика. Рассказывая о своих духовных упражнениях, она громко спорила с Селиной. Тогда женщина спросила Луизу: "Что она хочет этим сказать? Когда она играет в саду, только и слышно, что о духовных упражнениях". Госпожа Гошерен даже высунула голову из окна, пытаясь понять, что же, все-таки, означает этот спор о духовных упражнениях? Эта малышка приносит нам счастье, она будет доброй — ростки видны уже сейчас. Она говорит только о Господе Боге и никогда не упустит случая помолиться. Мне бы хотелось, чтобы ты посмотрела, как она читает басенки. Я никогда не видела ничего более очаровательного. Она сама находит нужный тон и выражение, особенно, когда произносит: "Белокурый мальчик, где живет Господь?" И когда отвечает: "Он повсюду в мире, и на Небесах," — она смотрит вверх с ангельским выражением, и сколько ни проси ее повторить снова, ей не надоедает, потому что это прекрасно. В ее взгляде есть нечто небесное, восхитительное!"

Матушка, как счастлива я была в этом возрасте! Я уже начинала радоваться жизни; добродетель влекла меня к себе и, мне кажется, мои наклонности с тех пор не изменились. Уже тогда я вполне владела собой. Ах, как быстро пролетели эти залитые солнцем годы раннего детства, но как нежно запечатлелись они в моей душе! С радостью вспоминаю те дни, когда папа водил нас в Павильон* (Небольшой особняк, приобретенный г-ном Мартеном еще до свадьбы.), и самые незначительные подробности сохранились в моем сердце. Особенно запомнились воскресные прогулки, когда вместе с нами всегда ходила мама. У меня до сих пор остались глубокие и поэтические впечатления, рожденные в душе видом пшеничных полей, усыпанных васильками и другими полевыми цветами. Уже тогда я полюбила дали. Простор и гигантские пихты, чьи ветви касались земли, будили в сердце чувства, сходные с теми, что и сейчас я еще испытываю при виде природы. Во время этих долгих прогулок мы нередко встречали нищих, и обязанностью маленькой Терезы было подавать милостыню, чему она несказанно радовалась. Бывало, находя дорогу слишком длинной для своей принцессы, папа отводил ее домой раньше других (к большому ее неудовольствию). Тогда, чтобы утешить ее, Селина наполняла маргаритками свою красивую корзиночку и преподносила ей по возвращении. Но, увы, бабушка считала, что у внучки их и так слишком много, и немалую часть забирала для своей статуи Пресвятой Богородицы... Маленькой Терезе это не нравилось, но она сдерживалась и ничего не говорила. Она имела хорошую привычку никогда не жаловаться, даже если у нее отбирали принадлежавшее ей, или, когда ее несправедливо обвиняли, предпочитала промолчать и не объясняться, что, однако, было не ее заслугой, но природной добродетелью... Как жаль, что этой доброй предрасположенности предстояло исчезнуть! Поистине, все улыбалось мне на земле! На каждом шагу я находила цветы, а мой счастливый характер способствовал жизни, приятной во всех отношениях. Однако, для души уже наступал новый период. Мне предстояло пройти через горнило испытаний и с раннего детства пережить страдания, чтобы обрести возможность так рано предать себя Господу. Словно весенние цветы, что пускают ростки под снегом и распускаются под первыми лучами солнца, этот цветок, чьи воспоминания я описываю, должен был пройти зиму испытаний...

ГЛАВА 2

В Бюиссонне (1877-1881)

Смерть матери. — Лизье. — Нежная любовь отца. — Первая исповедь. — Праздники и воскресенья в кругу семьи. — Пророческое видение. — Трувилль.

Подробности болезни нашей матери до сих пор живут в моем сердце. Особенно хорошо помню последние недели, проведенные ею на земле. Селина и я, мы были похожи на двух маленьких изгнанниц. Каждое утро госпожа Лериш заходила за нами, и мы проводили весь день у нее. Как-то раз мы не успели помолиться перед уходом, и Селина, дорогой, прошептала мне: "Нужно ли сказать, что мы еще не молились?" — "Да," — ответила я. Тогда она, сильно смущаясь, сказала об этом госпоже Лериш, и та ответила: "Помолитесь сейчас, девочки," — после чего вышла, оставив нас вдвоем в большой комнате. Селина посмотрела на меня, и мы в один голос сказали: "Это совсем не так, как с мамой... Она всегда молилась вместе с нами!" Мысль о маме постоянно преследовала нас во время игр с детьми. Однажды Селина, получив румяный абрикос, наклонилась ко мне и тихонько сказала: "Не будем его есть! Пойду отдам маме". Увы! Наша мама была уже слишком больна, чтобы есть земные плоды. Теперь она должна была насытиться только Божьей славой на Небе и испить вместе с Господом то таинственное вино, о котором говорил Он на Тайной Вечери, обещав разделить его с нами в Царстве Своего Отца (см. Мф. 26, 29).

В моей душе запечатлелся также трогательный чин соборования. Как сейчас вижу то место, где я стояла рядом с Селиной. Все пятеро, мы выстроились по старшинству, и бедный рыдающий папа тоже был там...

В день смерти мамы или на следующий, он взял меня на руки и сказал: "Иди, поцелуй последний раз твою мамочку". И я молча потянулась губами ко лбу моей любимой мамы... Не помню, чтобы я много плакала. Я ни с кем не делилась теми глубокими чувствами, которые испытывала. Я смотрела и слушала молча. Ни у кого не было времени заниматься мною, и я хорошо замечала то, что следовало бы от меня скрыть. Как-то раз я оказалась перед крышкой гроба... и долго стояла, рассматривая ее. Такого я еще не видела никогда и, тем не менее, понимала. Я была так мала, что несмотря на небольшой мамин рост, мне нужно было задрать голову, чтобы разглядеть ее верх. Она казалась такой большой, такой печальной... Пятнадцать лет спустя я оказалась перед другим гробом — матери Женевиэвы. Он был той же длины, что и мамин, и я словно вновь вернулась в детство! Нахлынули воспоминания. Та же маленькая Тереза, только большего роста смотрела на гроб, и теперь он казался маленьким, и ей не нужно было задирать голову, чтобы увидеть его целиком. Теперь она поднимала ее только чтобы смотреть на Небо, казавшееся таким радостным, ибо все испытания ее подходили к концу, а зима в душе прошла навсегда...

В тот день, когда Церковь благословила бранные останки нашей мамы, Господу Богу было угодно заменить ее для меня на земле другой матерью, и Он предоставил мне самой сделать выбор. Собравшись вместе все пятеро, мы печально глядели друг на друга. Луиза тоже была с нами и, посмотрев на меня и Селину, сказала: "Бедные малышки, у вас больше нет мамы!" Тогда, со словами: "Так теперь ты будешь моей мамой," — Селина бросилась к Марии на руки. Я же, привыкнув во всем следовать ей, повернулась, матушка, к вам и с криком: "А моей мамой будет Полина!" — бросилась в ваши объятия, словно будущее уже разорвало свою завесу.

Как я уже говорила, с этой поры мне предстояло вступить во второй период моей жизни, самый мучительный из трех, особенно когда та, которую я выбрала себе второй "мамой", поступила в Кармель. Этот период длился от четырех с половиной и до четырнадцати лет, возраста, когда я вновь обрела свой детский характер, уже понимая, однако, всю серьезность бытия.

Вы знаете, матушка, что после маминой смерти мой счастливый характер совершенно переменялся. Такая живая и непосредственная, я стала застенчивой, кроткой и до крайности чувствительной. Чтобы расплакаться, мне было достаточно одного взгляда, и я бывала довольной, когда никто не обращал на меня внимания. Общество чужих людей стало невыносимо, и веселость возвращалась ко мне только в тесном семейном кругу... Между тем,

меня продолжала окружать самая чуткая нежность. Папино сердце, и так исполненное любви и ласки, вместило еще и чисто материнскую любовь! Вы, матушка, и Мария, стали для меня самыми ласковыми, самыми самоотверженными матерями. И если бы Господь Бог не посылал маленькому цветку Свои благотворные лучи в таком изобилии, он никогда бы не привился на этой земле, потому что был еще слишком слаб, чтобы переносить дожди и грозы. Он нуждался в тепле, сладкой росе, дуновении весеннего ветра, и никогда у него не было недостатка в этих благах, ибо Господь помогал ему находить их даже под снегом испытаний!

.....

Я покинула Алансон безо всякого сожаления. Дети любят перемены, и в Лизье я переехала с удовольствием. Вспоминаю наше путешествие, вечерний приезд к тете; словно сейчас вижу Жанну и Марию, поджидавших нас у дверей... Как я была счастлива, что у меня есть славные двоюродные сестрички. Я очень любила их, любила тетю и, особенно, дядю, которого, однако, побаивалась и чувствовала себя у него не так свободно, как в Бюиссонне, где у меня была действительно счастливая жизнь... С утра вы приходили ко мне и спрашивали, отдала ли я свое сердце Господу Богу; затем одевали меня, рассказывая о Нем, а потом я молилась вместе с вами. После этого следовал урок чтения, и первое слово, которое я смогла прочитать самостоятельно, было: "Небеса". Крестная взяла на себя уроки письма, а вы, матушка, вели все остальное. Учеба давалась мне нелегко, но у меня была хорошая память. Моими излюбленными уроками стали катехизис и, особенно, Священная История. Их я изучала с радостью, а грамматика частенько заставляла меня проливать слезы... Вспомните род мужской и женский!

Лишь только кончались занятия, я с полученными бантиком* (Бантик — награда за успехи в учебе.) и отметкой поднималась на бельведер (мансарда — прим. пер.) к папе. Как я была счастлива, если могла ему объявить: "У меня пять с плюсом! Полина первая сказала об этом". Потому что, стоило мне спросить вас, пять ли у меня с плюсом, то даже, если вы говорили "да", в моих глазах оценка понижалась на балл. Также вы давали мне и дополнительные очки, а когда их накапливалось достаточное количество, я получала вознаграждение и день отдыха. Помню, что такие дни казались мне гораздо длиннее других. И вам это нравилось, ибо свидетельствовало о том, что я не люблю оставаться без дела. После обеда я всегда отправлялась с папой на небольшую прогулку. Мы вместе ходили поклониться Святым Дарам, посещая каждый раз новую церковь. Так я впервые вошла в церковь Кармеля, и папа, показав на решетку, отделяющую хоры, сказал, что за ней находятся монахини. Как тогда далека я была от мысли, что через девять лет окажусь среди них!

После прогулки (во время которой папа всегда покупал мне небольшой подарок за один или два су) я возвращалась домой и учила уроки, а потом, в оставшееся время, бегала и прыгала в саду возле папы, так как не умела играть в куклы. Большой радостью для меня было приготовление напитков из коры деревьев и зернышек, которые я находила на земле. Потом в красивой чашечке я относила их папе; он бросал свою работу и, улыбаясь, делал вид, что пьет. Перед тем, как вернуть чашечку, он спрашивал меня (как бы тайком), надо ли вылить содержимое; иногда я соглашалась, но чаще уносила свой драгоценный напиток обратно, в надежде угостить им еще несколько раз... В уголке сада, который мне отвел папа, я любила ухаживать за цветами и забавлялась, устраивая маленькие алтари в углублении посреди стены. Когда все было готово, я бежала к папе и, увлекая его за собой, просила крепко-накрепко закрыть глаза и не открывать до тех пор, пока не разрешу. Делая все, как мне хотелось, он давал привести себя в мой садик, тогда я кричала: "Папа, открой глаза!" Он открывал их и, чтобы доставить мне удовольствие, восхищался, любуясь тем, что я считала произведением искусства! Я никогда не закончу, если начну рассказывать обо всех подобных мелочах, которые во множестве теснятся в моей памяти. Как передать те ласки, которыми папа осыпал свою принцессу? Есть вещи, которые чувствуются сердцем, однако, ни слово, ни даже мысль не в состоянии их выразить...

Какими радостными были те дни, когда мой дорогой король, брал меня с собой на рыбалку. Я так любила поля, птиц и цветы! Порою я пробовала ловить рыбу маленькой удочкой, но чаще предпочитала сидеть в одиночестве среди цветущей травы. Тогда мысли становились глубокими, и не ведая о молитвенном созерцании, душа погружалась в настоящую молитву... Я прислушивалась к отдаленному шуму. Шелест ветра и даже неясные звуки военного оркестра, доносившиеся до меня, навевали на сердце тихую грусть. Земля казалась местом изгнания, и я мечтала о Небе. Послеобеденные часы проходили быстро, и настало время возвращения в Бюиссонне; но прежде чем отправляться, я съела принесенный в корзиночке полдник. Приготовленный вами аппетитный бутерброд с вареньем совершенно менял свой вид: его живой, яркий цвет становился едва розовым, а варенье — впитавшимся и застарелым. Тогда земля начинала казаться еще более грустной, и я понимала, что только на Небе радость станет безоблачной. Кстати, об облаках, помню, как однажды прекрасное голубое деревенское небо покрылось ими, и вскоре разразилась гроза. Вспышки молний избороздили темные тучи, и поблизости раздался удар грома. Далекая от испуга, я пребывала в восхищении. Мне казалось, что Господь Бог здесь, совсем близко! Однако папа отнюдь не был доволен, как его принцесса, но не гроза напугала его — трава и высокие маргаритки (одного роста со мной) уже сверкали, как драгоценные камни, а нам предстояло еще пересечь несколько лужаек, прежде чем выбраться на дорогу. Тогда, несмотря на рыболовные принадлежности, папа, опасаясь, что бриллианты сильно промочат его девочку, посадил ее к себе на плечи и понес.

Во время наших прогулок папа любил, чтобы я подавала милостыню встречавшимся нищим. Однажды мы увидели одного из них, который с трудом передвигался на костылях. Я подошла, чтобы дать ему су, но, не считая себя настолько бедным, чтобы принимать подаяние, он, грустно улыбаясь, посмотрел на меня и отказался принять то, что я ему предлагала. Не могу передать, что произошло в моем сердце. Мне хотелось утешить его, принести облегчение, а вместо этого, быть может, я огорчила его. Несчастный больной, несомненно, угадал мою мысль, и я увидела, как он обернулся ко мне и улыбнулся. Как раз перед этим папа купил мне пирожное, и у меня появилось горячее желание отдать его калеке, но я не осмеливалась, и в то же время, мне хотелось дать ему что-то, что он не смог бы отказать принять, потому что почувствовала к нему большую симпатию. Тогда я вспомнила, как нам говорили, что в день первого причастия получаешь все, о чем ни попросишь. Эта мысль утешила меня и, хотя мне не было еще и шести лет, я сказала себе: "В день первого причастия я помолюсь за *моего нищего*". Через пять лет я сдержала свое обещание и, надеюсь, Господь Бог исполнил молитву об одном из Своих страдальцев, вдохновенную Им Самим...

Я очень любила Господа Бога и часто предавала Ему свое сердце, пользуясь короткой молитвой, которой научила меня мама. И, тем не менее, в один прекрасный день или, вернее, вечер чудесного месяца мая я совершила проступок, стоящий того, чтобы о нем рассказать. Он дал мне прочное основание к смирению, и я верю, что совершенно покаялась в нем. Будучи слишком маленькой, чтобы ходить на майские службы Пресвятой Богородице* (Речь идет об особых службах, совершаемых в католических храмах в мае — месяце, посвященном Пречистой Деве.), я оставалась с Викторией и молилась вместе с ней, устраивая свою малую службу Деве Марии, которую обставляла по-своему вкусу. И подсвечники и горшочки с цветами — все было таким маленьким, что две восковые спички полностью освещали их; иногда Виктория делала мне сюрприз и дарила два настоящих огарка, но это бывало редко. Однажды вечером все было готово к началу молитвы, и я сказала: "Виктория, начинайте, пожалуйста, а я буду зажигать". Она сделала вид, что начинает, но ничего не произнесла и, смеясь, смотрела на меня. Я же, видя, как быстро сгорают мои драгоценные спички, еще настойчивее попросила ее прочитать молитву. Она продолжала молчать. Тогда я поднялась с колен и громко сказала, что она злая и, выйдя из своего обычного кроткого состояния, изо всех сил топнула ногой... У бедной Виктории пропало всякое желание смеяться, она с удивлением смотрела на меня, показывая свечные огарки, которые принесла мне. И тогда,

после слез, вызванных приступом гнева, потекли слезы искреннего раскаяния, и я твердо решила никогда больше так не поступать!

Как-то со мной произошел еще один случай, связанный с Викторией, в котором, однако, я совершенно не раскаиваюсь, ибо прекрасно сохранила спокойствие. Мне захотелось взять чернильницу, стоящую на кухонном камине. Будучи слишком маленькой, чтобы достать ее, я очень вежливо попросила Викторию дать ее мне, но та отказалась и предложила мне встать на стул. Я взяла стул и, не говоря ни слова, подумала, что она была не очень-то любезна. Мне захотелось дать ей это почувствовать. В своей маленькой головке я стала искать, что обижает меня больше всего. "Карапузик", — так она называла меня, когда я чересчур ей надоедала, и это особенно унижало. И вот, прежде чем спрыгнуть со стула, я с достоинством обернулась и сказала: "Виктория, вы — карапуз!" — после чего быстро сбежала, оставив ее размышлять над глубиной адресованного ей слова... Результат не заставил себя ждать, вскоре я услышала крики: "Мам'зель Мари... Терасса сказала мне, что я — карапуз!" Пришла Мария и велела мне попросить прощения, что я и сделала, но безо всякого сокрушения, считая, что раз Виктория не захотела протянуть свою *большую* руку для оказания *маленькой* услуги, она заслужила прозвище "карапуз"... Тем не менее, она сильно любила меня, и я тоже хорошо относилась к ней. Однажды она спасла меня от *большой беды*, в которую я попала по собственной вине. Виктория гладила; рядом с ней стояло ведро с водой, а я, раскачиваясь (как обычно) на стуле, смотрела на нее. Внезапно стул выскользнул из-под меня, и я упала, но не на пол, а в самую глубь ведра!!! Мои ноги касались головы, и я заполняла собою ведро, словно цыпленок яйцо! Бедная Виктория ничего подобного никогда не видела и смотрела на меня с необычайным удивлением. Мне же хотелось как можно скорее освободиться, но это было совершенно невозможно: мой плен был настолько тесен, что я не могла пошевеливаться. Без особого затруднения она спасла меня от *большой беды*, но платье и все остальное пришлось менять, так как я промокла до нитки.

В другой раз я упала в камин. К счастью, огонь не был зажжен, и Виктории пришлось лишь поднять меня и отряхнуть золу, в которой я испачкалась. Все эти происшествия случались со мной по средам, когда вы с Марией ходили на пение. А однажды в среду пришел к нам господин Дюселье* (Викарий собора св. Петра в Лизье.). Виктория сказала ему, что кроме маленькой Терезы в доме никого нет. Он вошел на кухню, чтобы повидаться со мной, и посмотрел мои домашние задания. Я была очень горда принять *моего духовника*, так как незадолго до этого исповедовалась в первый раз. Какое приятное воспоминание!

Дорогая матушка! С какой заботой вы готовили меня, говоря, что не человеку, но самому Господу Богу я буду рассказывать о своих грехах, и так убедили, что я исповедовалась с большой верой и даже спросила у вас, не надо ли сказать господину Дюселье, что люблю его всем сердцем, ибо в его лице буду говорить с Господом Богом...

Хорошо подготовленная к тому, что должна говорить и делать, я вошла в исповедальную и стала на колени. Но, открыв оконце, господин Дюселье никого не увидел, ведь я была так мала, что голова моя находилась ниже той полочки, на которую опираются руками. Тогда он велел мне встать. Тотчас послушавшись, я поднялась и, повернувшись к нему, чтобы лучше его видеть, исповедовалась, как взрослая девочка. С большим благоговением я приняла его благословение, ибо вы говорили, что в это мгновение слезы Младенца Иисуса очистят мою душу. Помню, что первое увещание, адресованное мне, призывало к особому почитанию Пресвятой Богородицы, и я пообещала удвоить свою любовь к Ней. Выходя из исповедальной, я чувствовала такую радость и такую легкость, каких никогда ранее не испытывала моя душа. С этих пор я исповедовалась по всем большим праздникам, и каждый раз это становилось для меня настоящим праздником.

Праздники! Это слово пробуждает воспоминания... Праздники — как я любила их! Вы, дорогая матушка, так хорошо умели объяснять мне тайны, скрытые в каждом из них, что они действительно становились для меня небесными днями. Особенно я любила шествие со Святыми Дарами: какая радость бросать цветы под ноги Господу Богу! Но прежде чем дать им

упасть, я подбрасывала их высоко-высоко, как могла, и была так счастлива, если лепестки моих роз касались дароносицы...

Праздники! Если большие праздники бывали редко, то каждая неделя приносила один, очень дорогой моему сердцу — воскресенье. Какой же это день — воскресенье! Это — праздник Господа Бога, праздник отдыха. Прежде всего, дольше, чем в другие дни, я оставалась в кровати, потом мама Полина, балуя свою девочку, прямо туда приносила какао, после чего одевала ее, словно принцессу... Крестная приходила завивать крестницу, которая, если ее дергали за волосы, не всегда бывала вежливой, зато потом была очень довольна, когда брала за руку своего короля, целовавшего ее в этот день нежнее обычного. Затем вся семья отправлялась на мессу. На протяжении всего пути и даже в церкви "папина принцесса" держала его за руку, ее место было возле него, а когда во время проповеди надо было подойти поближе, то приходилось искать два стула рядом. Это не составляло труда, потому что вид такого красивого старца с такой маленькой девочкой был столь трогателен, что люди сами уступали нам места. Мой дядя, сидящий всегда на скамье для ктиторов (попечителей — прим. пер.), радовался, когда мы подходили, и говорил, что я — его солнечный лучик... Я очень внимательно слушала проповеди, в которых, однако, понимала немного и не испытывала неудобства от того, что меня разглядывали. Первая проповедь, которую я поняла и которая меня глубоко тронула, была о Страстях Господних. Произнес ее господин Дюселье; с этих пор я стала понимать и все остальные. Когда проповедник говорил о святой Терезе, папа наклонялся ко мне и тихо шептал: "Слушай хорошенько, моя принцесса, говорят о твоей покровительнице." Я, действительно, внимательно слушала, но смотрела чаще не на проповедника, а на папу: его прекрасное лицо говорило так много! Порою папины глаза наполнялись слезами, которые он тщетно старался удержать. Казалось, он уже был не от мира сего, настолько душа его любила погружаться в вечное... Между тем, путь его был еще очень далек от завершения, и долгие годы должны были пройти, прежде чем Небо открылось его восхищенному взору, и Господь осушил слезы Своего доброго и верного слуги...

Но, возвращаясь к моему воскресному дню. Этот быстро пролетавший радостный день всегда был с оттенком грусти. Помнится, счастье мое было безоблачно до повечерия* (Эта служба следовала за вечерней и в прошлом веке начиналась сразу после полудня.), в течение которого я начинала думать, что день отдыха подходит к концу... и что завтра снова придется жить, работать, учить уроки. Сердце мое чувствовало, что здесь, на земле мы живем в изгнании. Я томилась по вечному отдыху, по не ведающему закату воскресенью Небесной отчизны. И перед возвращением в Бюиссоне мне было не до прогулок, оставлявших в душе лишь чувство грусти. Да и семья уже не собиралась полностью — чтобы сделать приятное дяде, папа оставлял у него на воскресный вечер Марию или Полину; счастлива я была лишь тогда, когда оставалась вместе с ними. Так мне нравилось больше, чем оставаться одной, поскольку тогда на меня обращали меньше внимания. Приятнее всего было слушать дядю. Но я не любила, когда он меня расспрашивал, и боялась, когда, посадив меня на одно колено, он пел своим замечательным голосом о Синей Бороде... Я с радостью встречала папу, который приходил за нами, а на обратном пути смотрела на лаского мерцающие звезды. Их вид приводил меня в восхищение... Особенно мне нравилась то скопление жемчужин (пояс Ориона — прим. пер.), которое я находила похожим на букву Т (приблизительно такой формы *). Я показывала их папе и говорила, что мое имя написано на небе. Затем, уже не желая ничего видеть на этой презренной земле, просила его вести меня за руку, и, ступая, словно слепая, высоко задирала голову, созерцая без усталости усыпанный звездами небосвод...

Что рассказать мне о зимних вечерах и, особенно, о воскресных? Ах, как сладко было усесться вместе с Селиной на папиных коленях после партии в шашки. Своим прекрасным голосом он напевал арии, наполнявшие душу глубокими мыслями... или же, ласково убаюкивая нас, читал стихи о вечном. После этого мы поднимались наверх, чтобы вместе помолиться, и, оказываясь наедине со своим королем, принцесса только и делала, что смотрела на него, пытаясь понять, как молятся святые... Наконец, по старшинству мы подходили к папе, желая ему спокойной ночи и получая поцелуй. Принцесса подходила, естественно, последней.

Король брал ее за локти, чтобы поцеловать, она же громко восклицала: "Спокойной ночи, папа, спи спокойно", — и каждый вечер повторялось то же самое... Потом моя маленькая мама брала меня на руки и несла в Селинину кроватку. Тогда я спрашивала: "Полина, сегодня я вела себя хорошо? Будут ли надо мной летать ангелы?" Ответом всегда было "да", иначе я бы проплакала целую ночь... Затем, вслед за моей крестной, Полина целовала меня и спускалась вниз, а бедная маленькая Тереза оставалась одна в темноте, напрасно представляя себе летающих над нею ангелов. Ее быстро охватывал страх, начинала пугать темнота, поскольку из кроватки она не видела ласково мерцающих звезд...

Как настоящую милость я расцениваю то, что была приучена вами, дорогая матушка, преодолевать свои страхи. Иногда вы посылали меня вечером одну за чем-нибудь в дальнюю комнату, и если бы меня так не воспитывали, я стала бы очень боязливой. Теперь же меня действительно трудно испугать... Порою я спрашиваю себя, как вы смогли воспитать меня с такой любовью и чуткостью и в то же время не избаловать. В самом деле, вы не оставляли без внимания ни одного недостатка, без причины не упрекали меня, но и никогда не отступали от принятого решения. Хорошо зная это, я не только не могла, но и не хотела, если вы запрещали, ступить и шагу. С вашей волей был вынужден считаться даже папа. Без разрешения Полины я не гуляла, и когда папа звал меня с собой, говорила: "Полина не хочет." Тогда он просил пожалеть меня, и, порой, чтобы сделать ему приятное, Полина соглашалась. Однако, по выражению ее лица маленькая Тереза отлично видела, что разрешение это не от чистого сердца, и начинала плакать, не успокаиваясь до тех пор, пока Полина не говорила "да" и не целовала ее от чистого сердца!

Стоило маленькой Терезе заболеть, — а это случалось каждую зиму, — невозможно выразить с какой материнской нежностью за ней ухаживали. Полина укладывала ее в свою кровать (величайшая милость) и давала все, чего она только не пожелает. Однажды Полина вытащила из-под подушки красивый ножичек и отдала своей девочке, повергнув ту в неопишуемый восторг. "Ах, Полина, — закричала она, — значит, ты меня действительно сильно любишь, если ради меня лишилась своего красивого ножичка с перламутровой звездой? Если ты так любишь меня, может, пожертвуешь еще и часы, чтобы не дать мне умереть?" — "Я отдам и часы, но не для того, чтобы не дать тебе умереть, а чтобы поскорее увидеть тебя здоровой. Эту жертву я принесу сейчас же". Я не могу выразить своего изумления и признательности, которым не было границ, когда Полина произносила такие слова... Летом меня иногда подташнивало. С той же нежностью Полина ухаживала за мной; и, чтобы развлечь, а это было лучшим из лекарств, она возила меня по всему саду в тачке. После того, как я слезала, она клала на мое место небольшой куст маргариток, который с большими предосторожностями довозила до моего садика, и там он торжественно занимал свое новое место...

Именно Полина выслушивала мои самые сокровенные признания и проясняла все сомнения... Как-то меня поразило, что Господь Бог не дает на Небе славу в равной мере всем избранным, и я испугалась, что не все будут счастливы. Тогда Полина велела мне принести большой папин стакан, поставить его рядом с моим крохотным стаканчиком и наполнить их водой. Затем она спросила, который из них более полный. Я ответила, что они одинаково полны и что невозможно налить воды больше, чем они могут вместить. Тогда моя дорогая матушка объяснила, что на Небе Господь Бог даст Своим избранным столько славы, сколько они смогут вместить, и что даже последний ни в чем не будет завидовать первому. Так, делая доступными пониманию самые высокие тайны, вы умели дать моей душе необходимую пищу...

С какой радостью я ждала каждый год раздачи наград! Здесь, как и всегда, сохранялась справедливость, и я получала только то, что заслужила. Стоя в совершенном одиночестве посреди "благородного собрания", я слушала приговор, зачитываемый "Королем Франции и Наварры", и сердце мое сильно билось при получении короны и наград... Для меня это была словно картина суда! Сразу после раздачи принцесса снимала свое белоснежное платье, и ее спешно переодевали, чтобы она могла принять участие в большом представлении.

О, эти семейные праздники, какими радостными были они! Как была я тогда далека от предчувствия испытаний, которые ожидали моего дорогого и такого веселого короля...

Между тем, Господь Бог показал мне однажды в совершенно необычном видении живую картину испытаний, к которым Ему было угодно подготовить нас заранее, ибо чаша уже наполнялась.

Несколько дней папа был в отъезде, и должен был вернуться дня через два. Было, наверное, два или три часа пополудни, ярко светило солнце и вся природа казалась праздничной. Я стояла у окна мансарды, которое выходило в большой сад, и смотрела. Думая о чем-то веселом, я увидела перед прачечной, прямо напротив, человека, одетого точно, как папа, его роста и с его походкой, только гораздо более сторбленного... Голова его была закрыта чем-то вроде фартука неопределенного цвета так, что я не могла разглядеть лица. На нем была шляпа, похожая на папину. Я видела, как ровным шагом он продвигался вдоль моего садика... Мою душу охватило чувство сверхъестественного страха, но я сразу же подумала, что, конечно, это папа вернулся и прячется, чтобы удивить меня; тогда я громко позвала дрожащим от волнения голосом: "Папа, папа!" Однако загадочный человек, казалось, не слышал меня и, не оборачиваясь, продолжал размеренно идти. Следуя за ним взглядом я увидела, как он направился к роцице, что разделяет главную аллею надвое. Я ожидала, что он появится с другой стороны, однако пророческое видение исчезло! Все это длилось одно мгновение, но так глубоко врезалось в сердце, что и сейчас, через пятнадцать лет, воспоминание живо, словно видение еще стоит перед глазами...

Вместе с вами, матушка, в соседней комнате была и Мария. Услышав, что я зову папу, она испугалась. У нее появилось предчувствие, как она потом говорила, чего-то невероятного. Тем не менее, ничем не выказывая своего волнения, она подбежала ко мне и спросила, что заставило меня позвать папу, находящегося в Алансоне. Тогда я рассказала о видении. Чтобы успокоить меня, Мария сказала, что это, вероятно, Виктория пыталась напугать меня, спрятав голову под фартуком. Но когда расспросили Викторию, та заверила, что не покидала кухни, к тому же и я была твердо убеждена в том, что видела мужчину, похожего на папу. Тогда мы все втроем пошли к тем деревьям, и не обнаружив никаких следов того, что здесь кто-то прошел, вы велели мне больше не думать об этом...

Но не в моей власти было больше не думать об этом, тем более, что увиденная мной таинственная сцена часто сама вставала в воображении... Сколько раз я пыталась приподнять завесу, скрывавшую ее смысл, ибо в глубине сердца хранила тайное убеждение в том, что видение имело смысл, и когда-нибудь он откроется мне... Как долго заставил себя ждать этот день, но через 14 лет Господь Бог Сам разорвал таинственную завесу.

Как-то во время краткого отдыха мы с сестрой Марией Святого Сердца, как обычно, вспоминали детство и события прежней жизни. Я напомнила ей о видении, которое было у меня в возрасте 6-7 лет, и вдруг, снова сопоставляя детали этой странной сцены, мы обе поняли, что она означает. Это, действительно, был *папа*. Согбенный под тяжестью лет, он шагал вперед. Да, это был папа, и он нес на своем почтенном лице, на побелевшей голове, печать своего испытания... Подобно Божественному Лику Иисуса Христа, сокрытого во время Страданий, и лицо Его верного слуги должно было остаться сокрытым во дни болезни, дабы воссиять в Небесной отчизне подле своего Господа! Из лона этой неизреченной славы наш отец, воцарившийся на Небе, обрел для нас милость понять видение, посланное его принцессе в том возрасте, когда еще не бояться впасть в заблуждение! Из лона этой славы он обрел для нас сладостное утешение и помог понять, что еще за 10 лет до нашего великого испытания Господь Бог уже показал его нам. Как Отец, Он слегка приоткрыл своим детям то будущее, которое готовит для них и Сам радуется, избирая заранее те бесценные сокровища, что предназначены им в удел...

Но, почему же именно меня просветил Господь Бог? Почему Он явил такой маленькой девочке то, чего понять она не могла? Видение, которое, будь оно понято, заставило бы меня умереть от горя, почему? Это — одна из тайн, которые откроются нам только на Небе; тайна, которая всегда будет вызывать восхищение!

Сколь же благ Господь Бог! Как соразмеряет Он испытания с силами, что Сам дает нам. Повторяю снова, что я бы никогда не смогла вынести даже мысли о тех горьких страданиях, что уготованы мне в будущем. Я даже подумать без содрогания не могла, что папа может умереть... Однажды он взобрался на лестницу до самого верха и, так как я стояла прямо под ней, крикнул: "Отойди, кроха, если я упаду, то раздавлю тебя!" Услышав такое, я ощутила внутренний протест, и вместо того, чтобы отойти, сильнее прижалась к лестнице, с мыслью: "По крайней мере, если папа упадет, мне не будет больно смотреть, как он умирает, потому что я умру вместе с ним!" Не могу выразить, как я любила папу, все в нем восхищало меня; когда он делился со мною своими размышлениями (словно я была взрослой девочкой), я простодушно говорила ему, что, конечно же, скажи он все это большим государственным людям, те бы сделали его королем, и тогда Франция была бы счастлива, как никогда ранее... Однако в глубине души я была рада (и упрекала себя в этом, как в эгоистической мысли), что только я хорошо знаю папу. Ведь будь он *королем Франции и Наварры*, он был бы несчастлив, ибо таков удел всех монархов, — это я понимала — но, главное, он больше не был бы только моим королем!

Мне было шесть или семь лет, когда папа отвез нас в Трувилль. Никогда не забуду впечатления, которое произвело на меня море. Я не могла оторвать от него глаз. Его величие, грохот волн — все говорило моей душе о величии и всемогуществе Господа Бога. Помню, как во время прогулки по пляжу какие-то господин с дамой долго смотрели на меня. Я радостно бегала вокруг папы. Подойдя, они спросили у него, его ли я дочь, а потом сказали, что я очень хорошенькая. Папа ответил утвердительно, но я заметила, как он подал им знак не делать мне комплиментов... В первый раз я услышала, что меня так назвали и это доставило мне удовольствие. Ведь я думала иначе, потому что вы, дорогая матушка, всегда заботились, чтобы рядом со мной не было ничего, что могло бы смутить мою невинность, и, особенно, чтобы я не слышала слов, от которых тщеславие проникает в сердце. Но поскольку я принимала во внимание только ваши с Марией слова (а вы ни разу не сделали мне ни одного комплимента), то не придавала большого значения восторженным взглядам и словам той дамы. Вечером, в час, когда кажется, будто солнце погружается в бескрайние волны, оставляя за собою сверкающую дорожку, мы с Полиной пошли посидеть вдвоем на утесе... Мне вспомнилась трогательная история "О золотой дорожке".* (Из сборника рассказов Луизы Беллок "Копилка историй", где говорится о символическом сне маленькой девочки, в котором она плывет по золотой дорожке от заходящего солнца.) Долго я созерцала эту сверкающую дорожку, словно образ благодати, озаряющей путь, по которому должен проплыть кораблик с изящным белым парусом... Сидя рядом с Полиной, я решила никогда не прятать свою душу от взгляда Господа, чтобы она могла мирно плыть к Небесной отчизне!

Жизнь моя протекала спокойно и счастливо. Любовь, окружавшая меня в Бюиссонне, служила моему возрастанию, хотя я, несомненно, была уже достаточно взрослой, чтобы вступить в борьбу, познавая мир и страдания, наполняющие его...

ГЛАВА 3

Годы страданий (1881-1883)

Ученица в монастыре. — Выходные дни. — Первое причастие Селины. — Полина в Кармеле. — Странная болезнь. — Улыбка Пресвятой Богородицы.

Мне было восемь с половиной лет, когда в пансионе при монастыре я сменила Леони, уже окончившую его. Я часто слышала, что время, проведенное в пансионе, — самое лучшее и приятное в жизни. Для меня же это было вовсе не так, и пять лет, проведенные там, стали самыми печальными в моей жизни. Если бы вместе со мной не было Селины, я не продержалась бы и месяца, не заболев... Бедный маленький цветок привык погружать свои слабые корешки в *землю избранную*, приготовленную специально для него; ему тяжело было

видеть себя среди цветов разного рода, с корнями, зачастую не очень-то нежными, и заставляя себя находить в *общей земле* необходимые для существования соки!

Вы, дорогая матушка, так хорошо подготовили меня, что поступив в пансион, я оказалась самой развитой среди детей моего возраста. Меня поместили в класс, где все ученицы были гораздо старше. Одна из них, 13 или 14 лет, была не слишком умна, однако умела произвести на всех, в том числе и наставниц, нужное впечатление. Она стала завидовать мне (что, конечно же, простительно ученице), самой младшей, но почти всегда первой в классе и любимой всеми монахинями. Разнообразными способами она заставляла меня расплачиваться за мои небольшие успехи...

При моем робком и чувствительном характере, я не умела защищаться и просто плакала, не говоря ни слова. На свои страдания я не жаловалась даже вам, но мне не хватало добродетели, чтобы стать выше этих невзгод, и мое сердечко сильно страдало... К счастью, каждый вечер я возвращалась домой, там мое сердце расцветало. Прыгая на коленях у своего короля, я рассказывала ему о полученных отметках, а после его поцелуя забывала все огорчения. С какой радостью я сообщила о моем первом сочинении по Священной истории, когда до высшей оценки мне не хватило одного балла, потому что я не знала как звали отца Моисея. Но, все-таки, я была первой и принесла замечательную медальку из серебра. Папа тоже наградил меня новенькой монеткой в четыре су. Я положила ее в копилку, которой теперь предстояло почти каждый четверг пополняться монеткой, одного и того же достоинства... (Если на какой-нибудь большой праздник мне хотелось из собственных средств подать милостыню на дело распространения веры и тому подобное, я черпала из этой копилки). Обрадованная успехами своей маленькой ученицы, Полина, чтобы вдохновить ее оставаться такой же прилежной, преподнесла ей в подарок чудесный обруч. Малышка Тереза действительно нуждалась в этих семейных радостях, без которых жизнь в пансионе была бы слишком суровой.

После обеда по четвергам у нас было время отдыха, но теперь оно не было похоже на Полинины выходные, и я не оставалась на бельведере вместе с папой. Мне нравилось, когда я играла с Селиной, оставаясь с ней наедине, а приходилось играть с моими двоюродными сестрами и Моделондами. Это стало для меня настоящим наказанием: ведь не умея играть, как все, я не была хорошей подружкой, хотя и безуспешно старалась подражать другим. Особенно сильно я скучала, когда все послеобеденное время приходилось танцевать кадрили. Единственное, что мне нравилось, так это ходить в парк Звезды.* (Парк в форме звезды, недалеко от Бюиссоне.) Там я всегда была первой, потому что умела находить самые красивые цветы и собирала их в огромном количестве, вызывая зависть у подружек...

А еще мне нравилось, когда случайно мы оставались вдвоем с младшей Марией, которая, если не было поблизости Селины Моделонд, вовлекавшей ее в обыкновенные игры, предоставляла свободу выбора мне, и я находила что-то совершенно новое. Мария и Тереза становились двумя отшельницами, не имеющими ничего, кроме бедной хижины, небольшого хлебного поля и кое-каких овощей. Их жизнь протекала в непрерывной созерцательной молитве и, если нужно было заниматься делами житейскими, одна отшельница сменяла другую. Все делалось в полном согласии, молчании и точно так, как подобает монашествующим. Когда тетя приходила за нами, чтобы вести нас гулять, игра продолжалась даже на улице. Обе отшельницы вместе молились по четкам, пользуясь при этом пальцами, дабы не обнаружить своего благочестия перед нескромной публикой. И все-таки однажды младшая отшельница забылась, и получив пирожное, прежде чем съесть его, осенила себя широким крестным знаменем, что насмешило всех невежд века сего...

У нас с Марией всегда было одинаковое мнение и одни и те же вкусы в такой мере, что как-то раз наше единодушие перешло все границы. Возвращаясь вечером из монастыря, я сказала Марии: "Веди меня, а я закрою глаза." — "Я тоже хочу закрыть глаза," — ответила она. Сказано — сделано. Без дальнейших обсуждений каждая поступила, как хотела... Экипажей можно было не бояться, мы шагали по тротуару. Через несколько минут такой приятной прогулки, вкусив наслаждение от движения вслепую, обе легкомысленные девчонки разом

упали на ящики, выставленные у входа в магазин, или, вернее, уронили эти ящики. Вышел разгневанный продавец и стал подбирать свой товар; добровольные же слепые без посторонней помощи скоренько поднялись и пошли быстрым шагом, с широко открытыми глазами, выслушивая справедливые упреки Жанны, рассерженной не менее продавца! В качестве наказания она решила разлучить нас, и с того дня Мария ходила вместе с Селиной, в то время, как я отправлялась с Жанной. Это положило конец нашему чрезмерному единодушию и оказалось полезным для старших, которые, в отличие от нас, никогда не были согласны друг с другом и спорили всю дорогу. Таким образом, установился полный мир.

Я еще ничего не сказала о наших близких отношениях с Селиной и, если бы пришлось рассказывать все, то я не смогла бы закончить...

В Лизье роли переменялись: Селина стала хитрой шалунишкой, а Тереза — ласковой, но крайне плаксивой девочкой... Но это не мешало Селине с Терезой все сильнее любить друг друга. Порою они немного спорили, правда, не очень серьезно, и, по большому счету, всегда были согласны друг с другом. Могу сказать, что моя сестренка никогда не огорчала меня, и, подобно солнечному лучику, всегда приносила радость и утешение... Нет слов описать отвагу, с какой она защищала меня в монастыре, стоило кому-нибудь упрекнуть меня. Она так заботилась о моем здоровье, что порой это просто досаждало. Зато мне никогда не надоедало смотреть, как она развлекалась: рассаживала всех наших кукол и, как заправская учительница, давала им урок, с единственной заботой, чтобы ее девочки всегда вели себя хорошо, в отличие от моих, которые из-за плохого поведения часто выставлялись за дверь... Она рассказывала мне все новое, чему ее учили в классе. Это было интересно, и я смотрела на нее, как на кладезь премудрости. Меня прозвали "Селининой дочкой", и когда она сердилась, то наивысшей мерой ее недовольства было сказать мне: "Ты больше мне не дочка, все кончено, я всегда буду помнить об этом!" И тогда мне оставалось лишь заливаться горючими слезами, умоляя ее все-таки считать меня своей дочкой, и вскоре она уже обнимала меня и обещала ничего не вспоминать. Для утешения она брала какую-нибудь куклу и говорила ей: "Поцелуй тетю, дорогая". Однажды, стараясь понежнее поцеловать меня, кукла засунула обе ручки мне в нос... Селина сделала это не нарочно и ошеломленно смотрела на куклу, свисающую из моего носа, но *тетя*, недолго думая, отклонила слишком нежные объятия *племянницы* и от всего сердца посмеялась над происшествием.

Но забавнее всего было видеть, как, старательно прячась друг от друга, мы покупаем на базаре подарки. На десять су необходимо было купить не менее пяти или шести разных красивых вещиц. В восторге от своих покупок, мы с нетерпением ждали наступления первого дня нового года, чтобы, наконец-то, преподнести друг другу эти великолепные дары. Та, что просыпалась раньше, спешила пожелать другой счастливого нового года; потом мы обменивались подарками, и каждая восхищалась сокровищами, приобретенными за десять су!

Эти маленькие сувениры приносили нам столько же радости, что и роскошные дядины дары; к тому же, веселье только начиналось. В тот день мы быстро одевались, и каждая была наготове первой повиснуть у папы на шее, как только он выйдет из своей комнаты. Весь дом оглашался восторженными криками, и, казалось, папа был счастлив видеть нас такими довольными... Подарки, полученные младшими сестрами от Марии с Полиной, не представляли большой ценности, но тоже вызывали большую радость. Да, в этом возрасте мы еще не были пресыщены; душа расцветала во всей своей свежести, подобно цветку, который радуется утренней росе... Одно дуновение покачивало наши венчики, и то, что радовало или огорчало одну, так же действовало на другую. Да, наши радости, действительно, были общими, я хорошо почувствовала это в день первого причастия Селины. Мне было только семь лет, и я еще не ходила в монастырь, но, тем не менее, сохранила в своем сердце трогательные воспоминания о том, как вы, дорогая матушка, готовили Селину. Каждый вечер вы сажали ее на колени и говорили о предстоящем великом событии. Мне тоже хотелось подготовиться, и я с жадностью слушала, но довольно часто вы просили меня выйти, так как я

была еще слишком мала. Тогда сердце мое сжималось, и я думала, что четыре года — не очень-то много, чтобы подготовиться к принятию Господа Бога...

Однажды вечером, услышав, как вы говорили, что после первого причастия надо начать новую жизнь, я тотчас решила, не дожидаясь этого дня, начать ее одновременно с Селиной... Никогда я не думала, что так люблю Селину, как во время ее трехдневного ретрета; первый раз в жизни я была далеко от нее, не спала в ее кровати... В первый день, забыв, что она не вернется, я приберегла купленную папой веточку с вишнями, чтобы съесть их вместе с ней. Однако она не пришла, и я сильно опечалилась. Папа утешал меня, говоря, что завтра же мы сходим в монастырь повидаться с Селиной, и я смогу преподнести ей другую вишневую веточку! День первого причастия Селины произвел впечатление похожее на то, которое я испытала в день своего первого причастия. Проснувшись утром совершенно одна в огромной постели, я почувствовала себя переполненной радостью. "Это сегодня! Великий день наступил...", — не переставая, повторяла я. Мне казалось, что это я буду сегодня впервые причащаться. Думаю, что в этот, один из самых прекрасных дней моей жизни я тоже удостоилась великой благодати...

Но я немного вернулась назад, чтобы вспомнить это чудесное событие. Теперь нужно рассказать о мучительном испытании, разбившем сердце маленькой Терезы, когда Господь забрал у нее дорогую маму, нежно любимую Полину!

Как-то раз я сказала Полине, что хотела бы стать отшельницей и уйти вместе с ней в далекую пустыню. Она отвечала, что ее желание совпадает с моим, и она *подождет*, пока я подрасту, чтобы можно было уйти вдвоем. Конечно, это было сказано несерьезно, только маленькая Тереза приняла это всерьез, и как же больно ей было однажды услышать, что ее дорогая Полина говорила с Марией о своем скором поступлении в Кармель... Я не знала, что такое Кармель, но понимала, что Полина покидает меня ради поступления в монастырь, понимала, что она не *подождет* меня, что я теряю свою вторую маму... Как описать ужас, охвативший мое сердце? В одно мгновение я поняла, что такое жизнь. До сих пор она не казалась мне столь грустной, теперь же я познала ее во всей суровой действительности, увидела, что это — одно лишь страдание и постоянная разлука. Я горько плакала, ибо еще не понимала той радости, которую приносит жертвенность; я была слаба, так слаба, и считаю великой милостью, что смогла пережить испытание, казавшееся гораздо выше моих сил! Если бы я постепенно узнавала об уходе Полины, то, вероятно, не так бы страдала, но весть, пришедшая неожиданно, пронзила мое сердце, подобно оружию.

Никогда не забуду, с какой нежностью вы, дорогая матушка, утешали меня... Вы рассказали мне о жизни в Кармеле, и она показалась мне такой замечательной! Перебирая в памяти все, что вы говорили, я почувствовала, что Кармель был той пустыней, где Господу Богу будет угодно укрыть и меня... Я ощутила это с такой силой, что в моем сердце не осталось ни малейшего сомнения. Это не было мечтой, увлекшей ребенка, но уверенностью призвания Божия; я хотела уйти в Кармель не ради Полины, но ради Одного Господа Иисуса Христа... Я много думала о том, что нельзя выразить словами, но что оставило глубокий мир в моей душе.

На следующий день я открыла свою тайну Полине, которая, усмотрев в моем желании волю Божию, сказала, что скоро мы вместе сходим к матери настоятельнице, и тогда надо будет рассказать ей о том, что Господь Бог дал мне почувствовать... Для этого торжественного визита было выбрано воскресенье. Велико же было мое замешательство, когда я узнала, что со мной останется моя двоюродная сестра Мария, так как она еще достаточно мала и тоже может видеть кармелиток* (Дети, не старше определенного возраста, могут входить внутрь Кармеля без особого разрешения.). Теперь надо было найти способ остаться одной, и вот что пришло мне в голову: я сказала Марии, что, удостоившись чести повидать мать настоятельницу, мы должны быть очень вежливыми и любезными, а для этого необходимо поведать ей свои тайны. Поэтому каждая, в свою очередь, должна на некоторое время выйти, чтобы оставить другую наедине с матушкой. Несмотря на жгучее нежелание доверять тайны, которых у нее не было, Мария поверила мне на слово; и мы, одна за другой, остались наедине

с матерью Марией де Гонзаг. Выслушав *великое откровение*, добрая матушка поверила в мое призвание, но сказала, что девятилетних послушниц не принимают, и нужно ждать, когда мне исполнится 16 лет... Я безропотно смирилась, невзирая на горячее желание как можно скорее поступить в монастырь и первый раз причаститься в день пострига Полины... В этот день мне во второй раз в жизни сделали комплимент. Придя взглянуть на меня, сестра Т. св. Августина стала без устали говорить, какая я хорошенькая. Я же никак не рассчитывала прийти в Кармель за комплиментами, и после всех этих разговоров не переставала твердить Господу Богу, что только ради Него Одного хочу стать кармелиткой.

Я старалась полностью использовать те несколько недель, в течение которых моя дорогая Полина еще оставалась в миру. Каждый день мы с Селиной покупали ей пирожные и конфеты, думая, что очень скоро она не сможет их есть; мы были все время рядом и не давали ей ни минуты отдыха. Наконец, настало 2 октября, день слез и благословений, когда Господь Иисус сорвал первый цветок; именно ему предстояло стать матерью тех, которые присоединились к нему всего лишь через несколько лет.

Словно сейчас вижу то место, где Полина последний раз поцеловала меня. Затем тетя повела нас на мессу, а папа поднялся на гору Кармель, чтобы принести свою первую жертву... Вся семья, входя в церковь, так обливалась слезами, что многие с удивлением смотрели на нас. Мне это было безразлично и совсем не мешало плакать. Я думаю, что если бы все вокруг меня внезапно обрушилось, я не обратила бы на это никакого внимания. Я смотрела на чистое голубое небо и удивлялась тому, что солнце может так ярко светить, когда душа объята печалью! Может быть, дорогая матушка, вы найдете преувеличенным то горе, что я испытала? Я хорошо отдаю себе отчет в том, что оно вовсе не должно было быть таким великим, ведь у меня оставалась надежда вновь обрести вас в Кармеле. Однако, душа моя была так далека от зрелости, и мне еще предстояло пройти сквозь горнило больших испытаний, прежде чем достичь столь желанной цели...

Второго октября так же начинались занятия в пансионе, и, несмотря на мое горе, мне надо было туда идти. После полудня тетя пришла за нами, чтобы отправиться в Кармель, где я увидела мою дорогую Полину за решетками. Как же страдала я во время этого свидания! И, если уж я пишу историю моей души, то должна рассказать все моей дорогой матушке, должна признаться в том, что мои страдания до ее поступления — ничто, по сравнению с теми, что были потом... Каждый четверг мы всей семьей ходили в Кармель, и я, привыкшая беседовать с Полиной с глазу на глаз, с большим трудом получала в самом конце свидания две-три минуты, которые, разумеется, проводила в слезах и уходила с разбитым сердцем... Я не понимала, что из уважения к тете вы разговариваете дольше с Жанной и Марией вместо того, чтобы общаться с вашими девочками. Я не понимала и в глубине сердца говорила: "Полина потеряна для меня!" Мой ум, погруженный в страдания, стал удивительным образом развиваться, и дошло до того, что я заболела.

Поразившая меня болезнь исходила, несомненно, от дьявола, разгневанного вашим поступлением в Кармель. Он хотел выместить на мне тот ущерб, который наша семья должна была нанести ему в будущем, но не знал, что Царица Небесная оберегала Свой хрупкий цветок, что Она улыбалась ему с высоты и готова была остановить бурю в тот самый миг, когда цветок мог безвозвратно погибнуть...

Под конец года у меня появилась непрерывная головная боль, но она почти не причиняла страданий, и я могла продолжать свои занятия. Никто за меня не беспокоился, и все это тянулось до Пасхи 1883 года. Папа с Марией и Леони уехали в Париж, а нас с Селиной взяла тетя. Однажды вечером дядя увел меня к себе; он стал вспоминать о прошлом и говорил о маме с добротой, которая растрогала меня и довела до слез. Тогда он сказал, что у меня слишком наболело на сердце, что хорошо было бы развеяться. Вместе с тетей они решили всячески развлекать нас во время пасхальных каникул. Однажды вечером мы должны были идти на занятия в церковный кружок, но найдя, что я переутомилась, тетя уложила меня. Когда я раздевалась, меня охватила странная дрожь, и, решив, что я замерзла, тетя положила горячие бутылки и укутала меня одеялами, но ничто не уменьшило озноб, продолжавшийся

почти всю ночь. Когда дядя вернулся вместе с моими двоюродными сестрами и Селиной, он очень удивился, увидев меня в таком состоянии, и расценил его, как крайне опасное. Но он не стал говорить об этом, чтобы не испугать тетю. На следующий же день он пошел за доктором Нотта, который, как и мой дядя, нашел болезнь очень опасной и никогда не развивающейся у детей моего возраста. Все были потрясены, тете пришлось оставить меня у себя, и она ухаживала за мной с истинно материнской заботой. Когда папа с сестрами вернулся из Парижа, Эме встретила их с таким грустным лицом, что Мария подумала, будто я уже умерла... Но болезнь эта была не к моей смерти. Скорее, подобно болезни Лазаря, она была послана для прославления Бога... И Он был прославлен удивительным смирением папы, который думал, что "его дочь останется умалишенной или умрет". Он был прославлен также смирением Марии. Как она страдала из-за меня! Как я благодарна ей за заботу, которой она окружила меня с такой самоотверженностью! Сердце подсказывало ей, в чем я нуждалась. И верно, материнское сердце чувствует гораздо лучше, чем сердце врача; оно умеет угадывать то, что необходимо больному ребенку...

Марии пришлось переехать к дяде, так как было совершенно невозможно перевозить меня в Бюиссонне. Между тем приближался день пострига Полины, о чем при мне избегали говорить, зная, насколько я буду огорчена, если не смогу пойти. Я же говорила об этом довольно часто, заявляя, что буду чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы повидать мою дорогую Полину. И действительно, Господу Богу было угодно не отказать мне в таком утешении, или, скорее, Ему было угодно утешить Свою невесту, так сильно страдавшую из-за болезни ее девочки. Я заметила, что Господь не хочет испытывать Своих невест в день помолвки, этот праздник должен быть безоблачным, как предвкушение райской радости. Разве не показал Он это уже пять раз? Итак, я смогла поцеловать мою дорогую матушку, сесть к ней на колени и осыпать ласками. Я могла любоваться ею, такой красивой в белоснежном уборе невесты. Да, это был прекрасный день во время тяжкого испытания, но он прошел очень быстро. И вскоре мне пришлось сесть в экипаж, которому предстояло увезти меня далеко от Полины... далеко от любимого мною Кармеля. По приезде в Бюиссонне, несмотря на мои утверждения, что я совершенно здорова и больше не нуждаюсь в уходе, меня уложили в постель. Увы, я была только в самом начале испытания! На другой же день болезнь возобновилась в такой тяжелой форме, что по человеческим понятиям я не должна была поправиться... Не знаю, как описать столь странную болезнь. Теперь я уверена, что это было дело рук дьявола, но долгое время после выздоровления мне казалось, будто я заболела нарочно, в этом-то и состояло настоящее мучение моей души.

Я рассказала об этом Марии, и она с присущей ей добротой изо всех сил утешала меня. Я рассказала об этом на исповеди, и священник постарался успокоить меня, говоря, что притвориться больной в такой мере невозможно. Господу Богу, несомненно, было угодно очистить меня и, в особенности, смирить. Он оставил мне эту тайную муку до самого поступления в Кармель, где отец наших душ* (Священник Альмир Пишон, духовник Кармеля.) снял, как рукой, все сомнения, и с тех пор я совершенно спокойна.

Мои опасения, будто я изображала из себя больную, не будучи ею, вовсе не удивительны, ибо я делала и говорила то, чего не думала. Казалось, я непрерывно бредила, произносила бессмысленные слова; и все же я уверена, что мой разум ни на минуту меня не оставил... Часто казалось, что я в обмороке, поскольку не могла даже пошевелиться, и тогда можно было делать со мною все, что угодно, можно было даже убить, но в то же время я слышала все, что говорили вокруг. Я и сейчас все это помню.

Однажды я долго не могла открыть глаза и сделала это, когда осталась одна...

Думаю, дьявол получил надо мной внешнюю власть, но не смог приблизиться ни к моей душе, ни к разуму. Он внушал мне сильные страхи к некоторым вещам, например, к лекарствам, которые тщетно пытались заставить меня принять. Но если Господь Бог попустил дьяволу приблизиться ко мне, Он же послал мне и ангелов в человеческом облике. Мария всегда была у моей постели, ухаживая за мной и утешая с материнской нежностью; она ни разу не выразила ни малейшего неудовольствия, несмотря на то, что я причиняла ей кучу

неприятностей, так как не выносила ее отсутствия. Между тем, ела она вместе с папой, и все время, пока ее не было рядом, я не переставала звать, и Виктория, которая присматривала за мной, порою была вынуждена идти за моей "мамой", как я называла ее. Когда Мария хотела выйти из дома, я допускала это только в том случае, если она собиралась на мессу или же повидать Полину; тогда я ничего не говорила...

Дядя и тетя тоже были очень добры ко мне. Тетя каждый день навещала меня и приносила множество гостинцев. Заходили и другие знакомые, но я умоляла Марию сказать им, что не хочу принимать гостей. Мне было неприятно "смотреть на людей, усаживающихся в ряд вокруг моей кровати и рассматривающих меня, как забавную зверюшку". Только дядя и тетя были всегда желанны.

Не могу выразить, сколь возросла моя любовь к ним во время этой болезни. Я поняла лучше, чем когда-либо, что они для нас — не просто родственники. И папа был прав, когда часто повторял нам то, о чем я только что написала. Позднее он на собственном опыте убедился в том, что не ошибся, и теперь, конечно, охраняет и благословляет тех, кто заботился о нем с такой преданностью... Я же пока пребываю в изгнании и, не зная как выразить им свою признательность, пользуюсь одним-единственным средством для облегчения сердца — молитвой за родных, которых люблю, которые были и остаются такими добрыми ко мне!

Леони тоже была очень добра ко мне. Она старалась развлечь меня изо всех сил, я же порою огорчала ее, ибо она хорошо понимала, что заменить Марию невозможно...

А Селина, чего только не делала она ради своей Терезы?! По воскресеньям вместо прогулки она проводила долгие часы взаперти рядом с несчастной девочкой, похожей на умалишенную; надо было действительно любить, чтобы не сбежать. Да, дорогие мои сестрички, сколько вы выстрадали из-за меня! Никто не принес вам столько горя, и никто не получил столько любви, сколько вы дали мне. К счастью, чтобы отблагодарить вас, у меня будет Небо, мой Жених безмерно богат, и я почерпну в Его сокровищницах любви, дабы воздать вам сторицею все, что вы выстрадали из-за меня.

Самым большим утешением во время болезни было письмо от Полины. Я читала его и перечитывала, пока не выучила наизусть. Однажды, дорогая матушка, вы прислали мне песочные часы и куклу, одетую кармелиткой... радость мою описать невозможно. Дядя был недоволен и говорил, что вместо того, чтобы давать мне повод думать о Кармеле, было бы лучше отвлечь меня от этих мыслей. Я же, наоборот, чувствовала, что именно надежда стать в один прекрасный день кармелиткой давала мне силы жить. Какой радостью для меня было сделать что-нибудь для Полины, и я мастерила небольшие поделки из бристольского картона. Но главным занятием было плетение венков из маргариток и незабудок для Пресвятой Богородицы. Стоял прекрасный месяц май, природа, надев свой цветочный убор, дышала радостью, и только один цветок чахнул и, казалось, совсем увял... Между тем, рядом с ним светило солнце. Этим солнцем была чудотворная статуя Пресвятой Богородицы, которая уже два раза говорила с мамой, и часто, очень часто цветок обращал свой венчик к этому благословенному светилу. Однажды папа вошел в комнату Марии, где я лежала; с печальным видом он протянул ей горсть золотых монет и попросил написать в Париж, чтобы заказать девятидневные мессы в храме Божией Матери Победительницы о здравии его девочки. Как я была тронута любовью и верой моего дорогого короля. Как хотела сказать ему, что здорова. Но я уже столько раз радовала его впусую, и не моими желаниями могло совершиться чудо, ибо именно оно требовалось для моего исцеления... Было необходимо чудо, и его совершила Божия Мать Победительница. В воскресенье (попавшее в эти девять дней) Мария вышла в сад, оставив меня с Леони, которая читала у окна. Через несколько минут я стала едва слышно звать: "Мама... мама". Леони, привыкшая постоянно слышать, что я так зову, не обратила на меня никакого внимания. Это продолжалось довольно долго, тогда я стала звать громче и, наконец, пришла Мария. Я прекрасно видела, как она вошла, но не могу сказать, что узнала ее, и продолжала звать еще громче: "Мама...". Я сильно страдала от этой вынужденной и необъяснимой борьбы. Мария страдала тоже, может быть, даже больше меня. После тщетных усилий убедить меня, что она рядом, Мария вместе с Леони и Селиной встала на колени возле

моей кровати и обратилась к Пресвятой Богородице, молясь с жаром матери, испрашивающей жизнь своему ребенку. И Мария получила то, чего так жаждала... Не чая уже никакой помощи на земле, Тереза тоже обратилась к своей Небесной Матери. Она просила Ее от всего сердца сжалиться, наконец, над ней... Внезапно Пресвятая Богородица показалась мне прекрасной, такой прекрасной, что ничего подобного я никогда не видела. Ее лицо дышало неизъяснимой нежностью и добротой, а пленительная улыбка пронзила мою душу, доставая до самых глубин. Сразу же все горести куда-то исчезли, и две крупные слезы, выкатившись из-под ресниц, тихо текли по щекам, но это уже были слезы безоблачной радости... "Пресвятая Богородица улыбнулась мне, — подумала я, — как же я счастлива... да, но я никому не скажу об этом, иначе счастье мое исчезнет". Безо всякого усилия я опустила глаза и увидела Марию, с любовью смотрящую на меня; она была взволнована и, казалось, догадывалась о милости, которую мне ниспослала Богородица... Только благодаря ей и ее проникновенным молитвам я удостоилась благодатной улыбки Царицы Небесной. Увидев, что взгляд мой сосредоточен на Пресвятой Богородице, она сказала сама себе: "Тереза исцелилась!" Да, цветок возвращался к жизни. Согревший его луч света не оставлял своих благодетелей; он действовал не сразу, но постепенно, ласково возрождая Свой цветок и так укрепил его, что через пять лет тот уже расцветал на плодородной горе Кармель.

Как я сказала, Мария догадалась, что Пресвятая Богородица одарила меня благодатью, поэтому как только мы остались наедине, она стала допытываться о том, что я видела. Я не смогла устоять перед ее вопросами, такими ласковыми, такими настойчивыми, и удивленная тем, что тайна раскрыта без признаний с моей стороны, полностью доверила ее Марии... Увы! Как я и предполагала, моему счастью суждено было исчезнуть и превратиться в горечь; и в течение четырех лет воспоминание о полученной благодати причиняло мне невыносимые душевные муки. И только у ног Божией Матери Победительницы мне предстояло вновь обрести свое счастье. Оно было возвращено мне во всей полноте... Но об этой второй милости Пресвятой Богородицы я поведаю чуть позже. Теперь, дорогая матушка, мне следует рассказать вам, каким образом радость моя претворилась в печаль. Выслушав искреннее и наивное признание о "моей благодати", Мария попросила разрешения рассказать об этом в Кармеле. Отказать я не могла. Во время первого же посещения Кармеля, я с радостью увидела Полину в одеянии Пресвятой Богородицы. Какое это было чудеснейшее мгновение для нас обеих! Нам так много о чем было рассказать друг другу, что я ничего не могла вымолвить: сердце мое было переполнено. Матушка М. де Гонзаг тоже была там и осыпала меня бесчисленными знаками внимания; я видела и других сестер, которые в ее присутствии расспрашивали меня о благодати, которой я удостоилась. Они спрашивали, держала ли Пресвятая Богородица на руках Младенца Иисуса, много ли было света и т.д. Все эти вопросы смущали и расстраивали меня, и я могла сказать лишь одно: "Пресвятая Богородица показалась мне *очень красивой*... и я видела, как Она *улыбнулась мне*". Меня поразило только Ее облик, но видя, что кармелитки представляют себе все совершенно иначе, мне показалось, что я сказала неправду (на почве болезни уже начинались мои душевные муки)... Разумеется, сохрани я мою тайну, я сохранила бы и мое счастье, но Пресвятая Богородица допустила это мучение на благо моей души. Без него, возможно, вместо смирения, ставшего моим уделом, у меня появились бы тщеславные мысли, и я смогла бы смотреть на себя без отвращения. Только на Небе я смогу рассказать о том, что выстрадала!

ГЛАВА 4

Первое причастие — в пансионе (1883-1886)

Чтение и картинки. — Первое причастие. — Конфирмация (миропомазание). — Угрызения совести. — Госпожа Папино. — Дитя Девы Марии. — Новые расставания.

Рассказывая о встрече с кармелитками, я припомнила свое первое посещение монастыря вскоре после поступления туда Полины. Такую подробность упустить нельзя. Утром того дня, когда мне предстояло идти на свидание, я предавалась размышлениям в постели (ибо именно там возносила самые сокровенные молитвы и, в отличие от невесты из "Песни песней", всегда находила своего Возлюбленного), я спрашивала себя о том, какое имя дадут мне в Кармеле; я знала, что там уже есть одна сестра Тереза Иисуса, и все-таки лишиться такого замечательного имени как Тереза было невозможно. Внезапно я вспомнила о Младенце Иисусе, Которого очень любила, и подумала: "Как я была бы счастлива, если б меня назвали Терезой Младенца Иисуса!" Во время свидания я ничего не сказала о мечте, посетившей меня после пробуждения, но добрейшая мать Мария де Гонзаг стала спрашивать у сестер, какое имя следовало бы мне дать, и ей самой пришло в голову назвать меня так, как я мечтала... Велика же была моя радость, и это счастливое совпадение мыслей показалось мне знаком любви Младенца Иисуса.

Я забыла также о некоторых мелочах моего детства, когда вы еще не поступили в Кармель, и ничего не рассказала о своей любви к картинкам и чтению... Между тем, дорогая матушка, красочным картинкам, которые вы показывали, поощряя меня, я обязана одной из самых больших радостей и одному из самых сильных впечатлений, побуждавших меня к упражнениям в добродетели... Рассматривая их, я не чувствовала течения времени. Например, "Маленький цветок Божественного Узника"* (Картинка, подаренная Селиной 8 мая 1884 года.) говорил мне так много, что я погружалась в глубокое созерцание. Когда я увидела под цветком имя Полины, мне захотелось, чтобы Тереза тоже была там, и я предала себя в руки Господа Иисуса, дабы стать Его маленьким цветком... Я не умела играть, но очень любила читать и провела бы за этим занятием всю жизнь. К счастью, мною руководили земные ангелы; они подбирали такие книги, которые, развлекая, давали пищу и уму и сердцу. К тому же, я должна была проводить за чтением лишь ограниченное время, и это было огромной жертвой, так как зачастую приходилось прерываться на самом увлекательном месте... Такая привязанность к чтению продолжалась до моего поступления в Кармель. Невозможно перечислить все книги, прошедшие через мои руки, но Господь ни разу не позволил мне прочитать хотя бы одну, способную принести вред. Конечно, читая некоторые рыцарские романы, я не сразу понимала скрытые в них истинные ценности. Но Господь вскоре дал мне почувствовать, что истинна только та слава, которая длится вечно, и для ее достижения нет надобности совершать блестящие подвиги, нужно только незаметно упражняться в добродетели так, чтобы левая рука не знала, что делает правая... И вот, когда я читала о подвигах французских героинь, особенно, о Жанне д'Арк, у меня появлялось большое желание подражать им. Мне казалось, что я ощущаю в себе то же горение, то же небесное дыхание, что воодушевляло их. Именно тогда мне была дана благодать, которую я расцениваю, как одну из величайших в жизни. В том возрасте я еще не могла вместить столько света, как сейчас, когда переполнена им. Я думала, что рождена для славы и искала пути к ее достижению. И вот Господь навел меня на размышления, о которых я только что написала. Он дал мне еще понять, что слава моя не откроется смертному взору, и будет состоять в том, чтобы стать великой святой! Желание это может показаться дерзким, особенно, если принять во внимание, сколь немоцна и несовершенна я была и продолжаю оставаться после семи лет, проведенных в монастыре. И тем не менее, я постоянно ощущаю дерзновенное желание стать великой святой, потому что, не имея никаких собственных заслуг, я и не полагаюсь на них, но уповаю лишь на Того, Кто есть сама Добродетель и сама Святость. Только Он Один, довольствуясь моими слабыми усилиями, вознесет меня до Себя и, облакая в Свои бесконечные достоинства, сделает святой. Тогда я еще не думала, что ради достижения святости нужно много страдать, но Господь Бог не замедлил мне открыть это, посылая испытания, о которых я говорила выше... Теперь же я возвращаюсь к моему повествованию, к тому месту, где оставила его. Через три месяца после моего исцеления папа устроил нам поездку в Алансон. В первый раз я возвращалась туда, и радость переполняла

меня при виде мест, где протекало мое детство, но, особенно, от того, что я могла помолиться на могиле мамы, могла попросить ее постоянно хранить меня...

По милости Божьей я узнала мир лишь в той мере, чтобы презреть его и уйти из него. Я могла бы сказать, что первый мой выход в свет произошел во время пребывания в Алансоне. Все вокруг было пронизано счастьем; меня радостно принимали и лелеяли, мною восхищались, — одним словом, моя жизнь в течение пятнадцати дней была просто усыпана цветами. Признаться, такая жизнь была мне приятна. Права Премудрость, говоря: "Обаяние суетности обольщает даже дух, далеко отстоящий от зла". (см. Прем. 4, 12) В десять лет сердце легко поддается обольщению, посему я считаю великой милостью то, что мы не остались в Алансоне; наши алансонские друзья были слишком от мира сего и слишком хорошо умели сочетать земные радости со служением Господу. Они недостаточно много размышляли о смерти, а между тем, смерть посетила уже многих, кого я знала, молодых, богатых, счастливых! Мне нравится мысленно возвращаться в те прекрасные места, где они жили, спрашивая себя, где же они теперь, зачем им дворцы и парки, в которых у меня на глазах они наслаждались земным комфортом? И я вижу, что все под солнцем — суета и томление духа. Что единственное благо — от всего сердца любить Бога и быть на земле нищей духом...

Может быть, Господу было угодно показать мне мир сей прежде, чем Он впервые вошел в меня, чтобы я свободно выбрала путь, по которому обещала бы Ему следовать. Пора моего первого причастия осталась в сердце как безоблачное воспоминание, и я, кажется, не могла быть подготовленной лучше, чем тогда. Душевные скорби оставили меня уже почти год назад. Господь пожелал дать мне вкусить самой совершенной радости, какая возможна в этой долине слез...

Помните, дорогая матушка, ту чудесную книжечку, которую вы сделали для меня за три месяца до первого причастия? Именно она помогла мне последовательно и быстро подготовить свое сердце. Я готовила его уже давно, но необходимо было вдохнуть в него новый порыв, наполнить свежими цветами, чтобы Господу было приятно там отдохнуть... Каждый день я совершала множество духовных упражнений, приносивших эти цветы; я стремилась к большему, чем вы мне предписывали на каждый день, и такие деяния любви порождали новые бутоны...

Каждую неделю вы писали мне приветливое письмецо, наполнявшее душу глубокими мыслями и помогавшее упражняться в добродетели; это утешало вашу несчастную девочку, которая и так принесла большую жертву, смирившись с тем, что вы не готовили ее, как Селину, сажая к себе на колени каждый вечер. Полину заменила Мария; я усаживалась к ней и жадно слушала то, что она говорила. Мне казалось, что все ее сердце, такое большое и щедрое входило в меня. Словно прославленный воин, обучающий своего сына военной науке, она говорила со мной о жизненных битвах и о пальмовой ветви, достающейся победителю. Еще Мария рассказывала о нетленных сокровищах, которые нетрудно накапливать ежедневно, и о несчастьи пройти мимо, не желая утрудить себя протянуть руку, чтобы взять их. Потом она показала мне, как, сохраняя верность даже в самом незначительном, можно стать святой, и дала листок: "Об отречении", над которым я с радостью молитвенно размышляла...

Как красноречива была она, моя дорогая крестная! Я так жалела, что оказалась единственной ее слушательницей. Чувствуя себя сильно растроганной, я по простоте своей думала, что даже большие грешники были бы тронуты и сразу оставили бы свои преходящие богатства, желая заполучить сокровища на небесах... В то время никто не объяснял мне, как совершать умную молитву; я же, тем не менее, имела к тому огромное желание, но Мария, находя меня достаточно набожной, разрешала читать только обычные молитвы. Однажды в монастыре одна из наставниц спросила меня, что я делаю в выходные дни, когда остаюсь одна. Я отвечала, что ухожу за кровать, туда, где пустое пространство, которое несложно закрыть пологом, и там "думаю". — "О чем же вы думаете?" — спросила она. — "Я думаю о Господе Боге, о жизни... о вечности, словом, я *думаю!*" Добрая монахиня долго смеялась, а позже любила напоминать мне о том времени, когда я думала, спрашивая, думаю ли я еще... Но

теперь-то я понимаю, что, сама того не ведая, творила умную молитву, и Господь тайно наставлял меня.

Три месяца приготовлений быстро прошли, и вскоре должен был начаться ретрет. Теперь мне предстояло стать старшей ученицей и оставаться ночевать в монастыре. Не могу выразить, какие чудесные воспоминания остались у меня от этого ретрета. Воистину, если я и вытерпела многое в пансионе, то отплачено мне было сполна невыразимым счастьем этих нескольких дней, проведенных в ожидании Господа Иисуса... Не думаю, что подобную радость возможно вкусить где-нибудь вне монашеской общины. Так как девочек было немного, — заниматься каждой в отдельности было проще — наставницы расточали нам материнские заботы. Со мной они занимались больше, чем с другими, и каждый вечер старшая наставница подходила с фонариком к моей постели, чтобы поцеловать меня. Однажды вечером, растроганная ее добротой, я сказала, что хочу доверить ей одну тайну. С загадочным видом я достала из-под подушки свою драгоценную книжицу и с блестящими от радости глазами показала ей... Мне очень нравилось утром, когда нас будили, смотреть, как встают другие ученицы, и делать все, как они. Однако, я не была приучена самостоятельно одеваться. Здесь не было Марии, которая меня причесывала, и я была вынуждена подойти к монахини, ответственной за гардеробную, застенчиво протягивая ей свою расческу. Она рассмеялась при виде взрослой девочки одиннадцати лет, не умеющей привести себя в порядок. Тем не менее, она причесала меня, правда, не так ласково, как Мария, я же не решалась кричать, что случалось ежедневно, несмотря на ласковые руки моей крестной. В течение ретрета я на собственном опыте осознала, что была взлелеянным, окруженным вниманием ребенком, каких на земле немного, особенно, среди детей лишенных матери... Каждый день ко мне приходили Мария и Леони вместе с папой, который задаривал меня гостинцами. Поэтому я не страдала от разлуки с семьей, и ничто не омрачало прекрасного неба моего ретрета.

Я внимательно слушала наставления аббата Домена, и даже вкратце записывала их; что касается моих мыслей, то мне не хотелось записывать ни одной, ведь я полагала, что хорошо их запомню. Так и оказалось... Каким счастьем было ходить на все службы вместе с монахинями. Среди учениц я выделялась, благодаря большому кресту — подарку Леони, который, наподобие миссионеров, затыкала за пояс. Это распятие вызывало интерес и у монахинь: они думали, что я носила его, подражая своей сестре-кармелитке. Да, действительно, к ней устремлялись мои мысли. Я знала, что у Полины, как и у меня, проходил ретрет, но она готовилась не к тому, чтобы Господь Иисус отдал ей Себя, а к тому, чтобы полностью предать Ему себя, и поэтому мое одиночество, проведенное в ожидании, было дорого вдвойне...

Помню, как однажды утром меня отвели в медицинский кабинет, потому что я сильно кашляла (с тех пор, как я заболела, все наставницы внимательно следили за мной, и чуть только у меня заболела голова или я казалась им бледнее обычного, меня отправляли на прогулку или отдыхать в медицинский кабинет). Селина пришла повидаться со мной. Несмотря на ретрет, она получила разрешение навестить меня и принести картинку, которая доставила мне огромное наслаждение — "Маленький цветок Божественного Узника". Как дорог был этот подарок из рук Селины! Сколько всего я передумала о любви, благодаря ей!

Накануне того великого дня надо мной во второй раз была прочитана разрешительная молитва. Исповедь за всю жизнь оставила в душе глубокий мир, и Господь Бог не позволил поколебать его. После обеда я просила прощения у всей семьи, которая пришла навестить меня. Я была так взволнована, что не могла говорить и только плакала... Полины не было, но, тем не менее, я чувствовала, что всем сердцем она со мной. Через Марию она передала мне красивую картинку, которой я не переставала любоваться, заставляя восхищаться ею всех вокруг. Как-то я написала добрейшему отцу Пишону о желании вверить себя его молитвам, добавляя, что скоро стану кармелиткой, и тогда он сможет стать моим духовным руководителем. (Это, действительно, произошло через четыре года, ибо именно в Кармеле я открыла ему свою душу.) И Мария принесла мне письмо от него. Как же я была рада! Словно все счастливые мгновения слились воедино. В его письме особенно дорога мне была такая

фраза: "Завтра я взойду к святому алтарю ради вас и Полины!" Восьмого мая Полина и Тереза стали еще крепче связаны друг с другом, ибо Господь, казалось, уже не различал их, переполняя Своими милостями...

Наконец, наступил тот самый прекрасный день. Какие непередаваемые воспоминания оставили в моей душе самые незначительные подробности этого дня! Радостное пробуждение зари, почтительные и нежные поцелуи наставниц и старших подруг... Огромная комната, полная снежных хлопьев, в которые по очереди облекали каждую девочку... Но особенно, вхождение в церковь и прекрасное утреннее песнопение: "О, святой престол, окруженный ангелами!"

Однако, мне бы не хотелось вдаваться в подробности. Есть вещи, которые теряют благоухание, стоит их вынести на воздух. Это мысли, которые нельзя передать земным языком, не теряя глубинного смысла, словно тот "Белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает". (Откр. 2, 17) Как же сладок моей душе был этот первый поцелуй Господа!

Это был поцелуй любви. Я чувствовала себя любимой и говорила: "Я люблю Тебя и вверяю Тебе себя навеки". Не было ни прошений, ни борьбы, ни жертв; уже давно Господь Иисус и маленькая Тереза, взглянув друг на друга, поняли все... Этот день принес не обмен взглядами, а слияние, когда больше не было двух, и Тереза исчезла словно капля воды, потерявшаяся в океанских глубинах. Остался Один Господь, Он был Царь и Владыка. Разве Тереза не просила Его избавить ее от свободы, ибо эта свобода пугала ее? Она чувствовала себя такой немощной, такой хрупкой, что хотела навеки соединиться с божественной Силой! Радость Терезы была больше и глубже, чем она могла вместить, и счастливые слезы вскоре захлестнули ее к огромному удивлению подружек, которые позже переговаривались между собой: "Почему она плакала? Наверное, что-то беспокоило ее? — Нет, скорее из-за того, что рядом с ней не было матери или ее сестры-кармелитки, которую она так любит". Они не понимали, что когда сердце, живущее в изгнании, бывает залито небесной радостью — оно не может без слез. Нет, отсутствие матери в день первого причастия не огорчало меня, ибо Небо обитало в моей душе; а мама, не поселилась ли она там уже давно? Тогда, принимая Господа Иисуса, я принимала и мою любимую маму, которая благословляла меня, радуясь моему счастью... Отсутствие Полины тоже не было причиной слез. Конечно, я была бы счастлива видеть ее рядом, но давно уже моя жертва была принята. В этот день только радость переполняла сердце, и я соединялась с Полиной, безвозвратно вверявшей себя Тому, Кто с такой любовью отдавал Себя мне!

После обеда я читала текст посвящения Пресвятой Богородице. По справедливости именно я говорила от лица своих подруг с Небесной Матерью, ибо так рано лишилась земной... От всего сердца говорила я с Ней и предавала себя Ей, словно дитя, бросившееся на руки к матери с мольбой, чтобы та уберегла ее. Мне кажется, Пречистая смотрела на Свой цветок и улыбалась, ведь это Она исцелила его Своей, такой явной улыбкой... И не Она ли вложила в чашечку этого цветка Своего Иисуса, полевой Цветок и Лилию долин? (см. Песн. 2, 1)

Вечером я вернулась в свою семью, хотя уже утром после мессы обняла папу и всех родных. Но настоящее единение наступило тогда, когда папа взял за руку свою принцессу и отправился с ней в Кармель... Там я увидела Полину, ставшую Христовой невестой, увидела ее в таком же, как и у меня, белоснежном покрывале с венком из роз... С какой неомраченной радостью я надеялась вскоре присоединиться к ней, чтобы вместе достичь Неба! Вечером на семейном торжестве, устроенном в честь моего причастия, я тоже не оставалась равнодушной. Мне очень понравились часики — подарок моего короля, но радость была спокойной, и ничто не нарушало мой внутренний мир. Вслед за этим прекрасным днем наступила ночь, и Мария взяла меня к себе, потому что после самых лучезарных дней всегда наступает мрак, и только день первого, единственного и вечного Небесного причастия останется без заката!

Следующий день еще оставался прекрасным, но уже был подернут грустью. Купленные Марией красивые наряды и все полученные подарки не заполняли мое сердце. Только Господь мог насытить меня, и я уже устремлялась к тому мгновению, когда смогла бы

принять Его во второй раз. Перед Вознесением, примерно через месяц после первого причастия, я пошла исповедоваться и осмелилась попросить разрешения приступить к причастию. Вопреки ожиданиям, аббат позволил мне причаститься, и я была счастлива встать на колени между папой и Марией у престола. Какие чудесные воспоминания сохранились у меня от этого второго посещения Господа! Опять с неизъяснимой радостью потекли слезы, и я беспрестанно повторяла себе слова апостола Павла: "Уже не я живу, но живет во мне Христос!" (Гал. 2, 20) После этого причастия мое желание принимать Господа становилось все больше и больше, и я получила разрешение причащаться по всем большим праздникам. Вечером, накануне этих счастливых дней Мария сажала меня к себе на колени и готовила так же, как и к первому причастию. Помню, однажды, говоря о страдании, она сказала мне, что я, вероятно, не пойду по этому пути, потому что Господь Бог будет всегда носить меня на руках, словно малое дитя...

В первый же день после причастия я вспомнила эти слова Марии; я почувствовала, как в сердце рождается огромная жажда страдания и глубокая уверенность в том, что Господь уготовал мне множество крестов. Я ощутила, что утешение переполняет меня, и считаю это одной из величайших милостей в жизни. Страдание влекло меня, в нем было нечто, еще не знакомое мне, что восхищало. До сих пор я страдала, но не любила страдание; с этого дня я почувствовала настоящую любовь к нему. Я почувствовала также желание любить Одного только Бога, лишь в Нем находя радость, и часто во время причастия повторяла слова из "Подражания Христу": "Боже мой, неизреченная сладость, обрати мне в горечь всякое плотское утешение!" (Кн. 3, гл. 26,3) Эта молитва исходила из моих уст легко и непринужденно, и мне казалось, что я повторяю ее не по своей воле, но как ребенок, который произносит слова, подсказанные другом... Позже я расскажу вам, дорогая матушка, каким образом Господу было угодно исполнить это желание, как Он навсегда стал для меня Единственной неизреченной сладостью. Но, если я расскажу об этом прямо сейчас, придется забежать вперед, в то время, когда я была уже девушкой; мне же нужно поведать вам еще много подробностей моей детской жизни.

Вскоре после первого причастия, должен был опять состояться ретрет перед миропомазанием. Я очень старательно готовилась к принятию Святого Духа. Мне было непонятно, почему этому таинству Любви не уделялось должного внимания и полагался всего лишь один день ретрета. Но в назначенный день епископ приехать не смог, и я утешилась двумя днями уединения. Чтобы дать нам возможность немного развеяться, наставница повела нас к холму Монтекассин, где я нарвала много крупных маргариток к празднику Тела Господня. Как радовалась моя душа! Подобно апостолам, с огромным счастьем я ожидала сошествие Святого Духа... Я радовалась от мысли, что скоро стану совершенной христианкой и, особенно, от того, что на моем челе навсегда останется таинственный крест, запечатленный епископом при совершении таинства... Наконец наступило это счастливое мгновение. Во время сошествия Святого Духа я не почувствовала порыва сильного ветра, скорее это был тот легкий ветерок, веяние которого слышал пророк Илия на горе Хорив... В этот день я обрела силы, чтобы страдать, ибо уже скоро должны были начаться мои душевные муки... Вместо крестной была Леони; взволнованная, она на протяжении всего таинства не могла сдерживать слез. Мы вместе приступили к причастию, потому что и это счастье —соединиться с Господом в такой прекрасный день — выпало на мою долю.

После этих чудесных и незабываемых праздников все возвращалось в привычное русло, и мне пришлось возобновить тягостную жизнь ученицы. Как хорошо было во время первого причастия находиться с ровесницами, полными добрых пожеланий, принявшими, подобно мне, решение серьезно упражняться в добродетели. Теперь мне предстояло общаться с совершенно разными ученицами, легкомысленными, не желавшими соблюдать установленный порядок, что делало меня совершенно несчастной. Несмотря на веселый нрав, я не умела отдаваться свойственным моему возрасту играм, и часто на переменах предавалась серьезным размышлениям, прислонясь к дереву и рассеянно глядя перед собой! Я придумала игру, которая мне нравилась: хоронить мертвых птичек, которых мы находили

под деревьями. Многие ученицы стремились мне помогать, и наше кладбище, засаженное деревцами и цветами, соразмерными маленьким пернатым, имело весьма симпатичный вид. Еще я любила рассказывать истории, которые придумывала по мере того, как они приходили мне в голову. Тогда меня поспешно окружали подружки, к которым иногда присоединялись старшие ученицы. Одна и та же история могла тянуться несколько дней, так как мне нравилось делать ее все более и более занимательной в зависимости от того впечатления, которое она производила на подружек, отражаясь на их лицах. Но вскоре наставница запретила мне упражняться в ремесле оратора, предпочитая видеть нас болтающими ногами, а не языком...

Я легко запоминала смысл того, что учила, но заучивание слово в слово давалось мне с трудом. Поэтому целый год перед первым причастием я почти ежедневно просила разрешения учить катехизис на переменках, и мои усилия увенчались успехом, — я всегда была первой. Если же, случайно, из-за одного забытого слова я теряла свое место первой ученицы, мое горе выплескивалась горячими слезами, которые аббат Домен не знал как остановить... Он был доволен мной (конечно не тогда, когда я плакала) и из-за моего имени* (Намек на св. Терезу Авильскую.) называл меня *маленьким учителем Церкви*. Однажды, сидящая за мной ученица не смогла задать своей подруге вопрос из катехизиса.* (Вопросы и ответы катехизиса нужно было заучивать наизусть.) Тогда аббат, безрезультатно обойдя всех, вернулся ко мне и сказал, что посмотрит, заслуживаю ли я своего места первой ученицы. Только этого я и ждала *с глубочайшим смирением*; я с уверенностью встала и к всеобщему изумлению сказала то, что требовалось, не сделав ни единой ошибки... Мое усердие в обучении катехизису продолжалось и после первого причастия вплоть до выхода из пансиона. В учебе я успевала хорошо, почти всегда была первой, но самые большие успехи у меня были по истории и по сочинениям. Все наставницы находили меня очень умной, однако, вовсе не так было у дяди, где я скорей походила на не лишённую здравого смысла маленькую невежу, добрую и ласковую, но неспособную и неумелую...

Меня совсем не удивляет, что мои дядя и тетя так думали и, конечно же, продолжают думать обо мне. Будучи крайне застенчивой, я почти всегда молчала, а писала как курица лапой и не всегда грамотно, что вряд ли могло кого-нибудь прельстить... На взгляд наставниц у меня неплохо выходили небольшие работы по шитью и вышивке, но занималась этим я так неумело и неуклюже, что вполне оправдывала то невыгодное мнение, которое существовало обо мне. Я расцениваю это, как милость, ибо Господь, возжелав, чтобы мое сердце принадлежало лишь Ему Одному, уже исполнял мою молитву, "обращая в горечь всякое земное утешение", в котором я так нуждалась и не осталась бы безразличной к похвалам. При мне часто хвалили других за ум, меня же — никогда. Из этого я заключила, что неумна, и безропотно с тем смирилась...

Мое чувствительное и любвеобильное сердце легко отдало бы себя, найди оно другое, способное его понять... Я попыталась подружиться с двумя девочками моего возраста. Я полюбила их, и они со своей стороны полюбили меня насколько были способны; но, увы, как узко и непостоянно человеческое сердце! Вскоре я увидела, что моя любовь осталась непонятой. Одна из подружек была вынуждена уехать домой и вернулась только через несколько месяцев. Во время ее отсутствия, бережно храня подаренное ею колечко, я думала о ней. Как велика была моя радость, когда я снова увидела свою подругу, но, увы, она лишь равнодушно посмотрела на меня... Моя любовь осталась непонятой, я чувствовала это и не выпрашивала привязанности, в которой мне отказали. Но Господь наделил меня столь преданным сердцем, что, раз оно полюбило по-настоящему, значит, — полюбило навсегда. И я продолжаю любить мою подругу и молюсь о ней... Видя, что Селина полюбила одну из наших наставниц, я захотела последовать ее примеру, но не зная, как завоевать расположение людей, не смогла добиться успеха. Счастливое неведение! От скольких бед оно отвратило меня! Как я благодарна Господу, что Он позволял мне находить "лишь горечь в земных привязанностях". С таким сердцем, как у меня, я бы позволила себя поймать и дала бы подрезать крылья. Как тогда бы я смогла "улететь и успокоиться?" (Пс. 54, 7) Как может

сердце, отдающееся земной любви, тесно соединиться с Господом? Я чувствую, что это невозможно. Я знаю, что не могу ошибиться, хотя и не пила из чаши, отравленной чересчур пылкой земной любовью. Я видела столько душ, обольщенных этим ложным светом; они летели словно бабочки и обжигали крылья, но потом возвращались к истинному свету любви, который давал им новые крылья, блестящие и легкие, чтобы лететь к Господу Иисусу, тому Божественному Огню, "который горит не сгорая". (Исх. 3, 2) Да, я чувствую, что Господь знал, что я слишком слаба для искушения. Если бы сияние обманчивого света возникло перед моими глазами, вероятно, я позволила бы ему сжечь себя полностью... Но этого не произошло; я встречала лишь горечь там, где сильные души находили радость и ради верности отрекались от нее. Итак, никакой моей заслуги нету в том, что я не отдала себя земной любви, ибо великое милосердие Божие сохраняло меня от этого! Я сознаю, что без Него могла бы пасть так же низко, как св. Мария Магдалина и с большой нежностью храню в душе проникновенное слово Господа, обращенное к Симону... Да, я знаю, что "кому меньше прощается, тот меньше любит". (см. Лк. 7, 47) Но я знаю еще, что Господь простил мне больше, чем св. Марии Магдалине, ибо простил заранее, не позволив пасть. Как бы мне хотелось суметь объяснить то, что я чувствую! Вот пример, который хоть немного передаст мою мысль. Предположим, что сын некоего искусного врача спотыкается на дороге о камень, падает и что-то ломает. Его отец тотчас приходит, с любовью поднимает его, лечит раны, используя при этом все свое знание; и вскоре полностью выздоровевший сын выражает отцу свою признательность. Несомненно, он имеет полное основание любить своего отца! Но я делаю другое предположение. Допустим, отец, узнав, что на пути сына лежит камень, опережает его и незаметно убирает камень. Будучи предметом такой предусмотрительной любви, сын не знает, от какого несчастья отец оградил его. Поэтому он не выразит ему своей благодарности и будет любить его меньше, чем будь он им исцелен... Но, если он узнает об опасности, которой избежал, не полюбит ли отца еще больше? Так вот, я — то дитя, тот предмет предусмотрительной любви Отца, Который послал Слово Свое искупить не праведников, но грешников (см. Мф. 9, 13). Он хочет, чтобы я любила Его, потому что Он простил мне не много, а все (см. Лк. 7, 47). Он не ждал, когда я подобно св. Марии Магдалине возлюблю Его много, Ему было угодно, чтобы я поняла, что Он возлюбил меня любовью неизъяснимой и предусмотрительной, и полюбила Его до безумия! Я слышала о том, что не приходилось еще встречать чистую душу, любящую больше, чем душа кающаяся. О, как бы мне хотелось, чтобы это оказалось неправдой!

Я замечаю, что сильно отклонилась от темы, посему спешу вернуться к ней. Почти целый год после первого причастия прошел без внутренних испытаний. Однако, во время ретрета перед вторым причастием* (Годовщина первого причастия.) меня стала одолевать ужасная болезнь, связанная с угрызениями совести. Невозможно выразить, что я вытерпела за полтора года. Чтобы лучше это понять, надо пройти через подобное мучение. Самые простые мысли и поступки становились поводом для смущения, и я успокаивалась только после того, как рассказывала о них Марии. Это было очень непросто, т.к. я считала себя обязанной поведать ей свои самые сумасбродные мысли о ней же самой. Как только бремя спадало, я наслаждалась мгновением мира, но мир этот проходил с быстротой молнии, и опять начиналось мучение. Каким терпением должна была обладать Мария, чтобы выслушивать меня, никогда не выказывая и малейшего признака скуки! Едва я приходила из монастыря — она тотчас принималась завивать мне волосы к завтрашнему дню (чтобы сделать приятное папе, ведь у принцессы каждый день должны быть завитые локоны к немалому удивлению ее подруг и, особенно, наставниц, не знавших родителей, которые так лелеяли своих детей). Все это время я не переставала плакать, рассказывая об угрызениях совести. К концу года Селина закончила обучение и вернулась домой, а бедная Тереза, вынужденная приступить к учебе в одиночестве, не преминула заболеть. Ведь единственное, что привлекало и удерживало ее в пансионе, было соседство с неразлучной Селиной; без нее "дочка" никогда не смогла бы там остаться... Таким образом, в 13 лет я покинула монастырь, но продолжала свое образование: брала несколько раз в неделю уроки у госпожи Папино. Это была добрая, очень образованная

дама с манерами старой девы. Жила она вместе с матерью, и было забавно наблюдать как они вели свое небольшое хозяйство втроем (ибо кошка тоже была членом семьи, мне же оставалось терпеть, когда она мурлыкала, лежа на моих тетрадках или восхищаться ее внешностью). Я была счастлива познакомиться с уютной жизнью этого семейства; для ног моей немолодой учительницы наш дом находился слишком далеко, и она попросила, чтобы я приходила заниматься к ней. Обычно, когда я входила, меня встречала престарелая госпожа Кошен. Она смотрела на меня своими большими выцветшими глазами, а потом размеренным менторским голосом звала: "Госпожа Папино... Ма...дмуазель Те...реза здесь!" Детским голоском ее дочь проворно отвечала: "Вот и я, мама". И вскоре начинался урок. Эти уроки (в придачу к образованию) приносили еще одну пользу — помогали мне узнавать мир. Кто мог бы поверить! В этой комнате со старинной мебелью, среди тетрадок и книжек, я часто оказывалась в обществе таких разнообразных гостей, как священники, дамы, барышни и т.д. Госпожа Кошен прилагала все усилия, чтобы вести разговоры самостоятельно, давая возможность дочери проводить урок. Но в такие дни было сложно что-либо выучить: уткнувшись носом в книгу, я слышала все разговоры, даже те, что мне было бы лучше не слышать вовсе, ведь тщеславие так легко проскальзывает в сердце! Одна дама сказала, что у меня красивые волосы. Другая, думая, что ее не услышат, спросила, уходя, кто это такая хорошенькая девочка. И эти слова, еще более лестные от того, что не были произнесены при мне, оставили в душе приятное впечатление, которое ясно показывало, насколько я была самолюбива. Какое сочувствие вызывают во мне гибнущие души! Так просто заблудиться на усыпанных цветами тропинках этого мира! Несомненно, для души, стремящейся к вышнему, ко всем сладостям примешана горечь, а необъятная пустота желаний не может быть заполнена мимолетной похвалой. Если б мое сердце не было обращено к Богу от самого рождения, если б мир улыбался мне с момента вступления в жизнь, кем бы я стала? Дорогая матушка, с какой благодарностью воспеваю я милосердие Господне! Разве не была я, по слову Премудрости, "восхищена от мира прежде, чем злоба его изменила мой разум, а обманчивая видимость прельстила душу"? (см. Прем. 4, 11). Да и Пресвятая Богородица тоже оберегала Свой цветок. Она не хотела, чтобы он поблек от соприкосновения с земным, и еще до того, как он стал расцветать, забрала его на Свою гору... Пока же этот счастливый миг не наступил, маленькая Тереза возрастала в любви к своей небесной Матери. И чтобы доказать Ей эту любовь, она совершила одно немало стоившее ей деяние, о котором, несмотря на его длительность, я расскажу в нескольких словах...

Почти сразу как я стала ходить в монастырь, меня приняли в общество "Дети святых ангелов". Мне очень нравились духовные упражнения, которые там предлагались и, особенно, молитва небесным Духам, в частности тому, кого Господь Бог дал мне в моем изгнании в спутники. Через некоторое время после первого причастия лента, выдаваемая тем, кто готовился стать "Детьми святых ангелов", была заменена лентой "Детей Девы Марии". Однако, так и не вступив в общество "Дети Девы Марии", я ушла из пансиона. Признаться, эта привилегия не вызывала у меня никакой зависти, но войти в эту организацию как бывшая ученица, так и не завершившая обучения, я не имела права. Поразмыслив о том, что все мои сестры побывали "Детьми Девы Марии", я побоялась быть меньше, чем они, дочерью моей небесной Матери, и поэтому с большим смирением пошла (несмотря на все трудности) просить разрешения быть принятой в это общество в монастыре. Старшая наставница отказывать мне не хотела, но поставила условие: два раза в неделю во второй половине дня ходить на занятия, показывая этим, что я достойна быть принятой. Это не очень радостное для меня условие обошлось мне крайне дорого. У меня не было любимой наставницы, как у других бывших учениц, с которой можно было бы проводить по несколько часов подряд, поэтому я ограничивалась тем, что здоровалась с наставницей, а потом молча работала до конца урока рукоделия. Никто не обращал на меня внимания, и я поднималась на хоры в церкви, оставаясь перед Святыми Дарами до тех пор, пока папа не приходил за мной. Это было моим единственным утешением, а Господь, не был ли Он моим Единственным Другом? Только с Ним я умела говорить, а разговоры с людьми, пускай самые благочестивые, утомляли душу. Я чувствовала, что лучше

говорить с Богом, чем о Боге, ибо в духовных беседах бывает много самолюбия! Лишь ради Девы Марии ходила я в монастырь... Порою я чувствовала себя одинокой, такой же одинокой, как во дни моей ученической жизни, когда, я, тоскующая и больная, бродила по огромному двору и повторяла слова, которые всегда умиротворяли и придавали силы моему сердцу: "Жизнь — это твой корабль, а не пристанище!" * (Из поэмы Ламартина.) Эти слова возвращали мне, совсем еще маленькой, мужество, и даже сейчас, несмотря на годы, уносящие ощущения детского благочестия, образ корабля все еще очаровывает душу, помогая ей переносить изгнание... Разве не гласит Премудрость, что "жизнь, как корабль, идущий по волнующейся воде и не оставляющий никакого следа от своего быстрого прохождения?" (см. Прем. 5, 10) Когда я думаю об этом, душа моя погружается в бесконечность, и мне кажется, что я уже касаюсь вечных берегов. Кажется, что Господь уже заключает меня в Свои объятия. Я вижу мою Небесную Матерь: Она идет мне навстречу вместе с папой... мамой... четырьмя маленькими ангелами... Тогда мне верится, что уж теперь-то я навсегда смогу насладиться истинной, вечной жизнью в семейном кругу...

Но прежде, чем увидеть семью, воссоединившуюся на небесах в Отчем доме, мне предстояло еще пройти через множество разлук; в том году, когда меня приняли в число "Детей Девы Марии", Богородица забрала у меня Марию* (Мария поступила в Кармель города Лизье 15 октября 1886 года.), единственную опору моей души. Ведь именно Мария руководила мною, утешала, помогала упражняться в добродетели и была моей единственной советницей. Конечно, в глубине сердца всегда оставалась Полина, но она была далеко, так далеко от меня! Привыкая жить без нее, видеть между нами непреодолимые стены, я сильно мучилась. И в конце концов я признала печальную реальность: Полина была потеряна для меня почти так же, как если б она умерла. Конечно, она продолжала любить меня, молиться обо мне, но для меня Полина стала святой, которой уже не нужно было понимать земное, а все мои невзгоды должны были, узнай она о них, удивить ее и помешать любить Терезу... Кроме того, даже если бы мне захотелось, как в Бюиссонне поведать ей свои мысли, у меня все равно ничего бы не вышло, потому что встречалась она только с Марией. Нам же с Селиной было позволено приходить к концу свидания, и времени хватало лишь на то, чтобы сжалось сердце... Таким образом, у меня была только Мария. Она была мне необходима: с ней одной я говорила о своих угрызаниях совести, и лишь ей была настолько послушна, что даже духовник никогда не узнал о моей скверной болезни, ведь я исповедовалась ему только в том, что разрешала Мария. Поэтому я вполне могла сойти за душу, менее всех на земле подверженную угрызням совести, несмотря на то, что находилась на последней стадии этого недуга... Итак, Мария знала все, что происходило в моей душе; она знала также и о моих устремлениях к Кармелю, я же любила ее настолько, что не могла без нее жить. Каждый год тетя приглашала всех нас по очереди к себе в Трувилль. Мне очень нравилось ездить туда, но только вместе с Марией. Когда же ее не было, я сильно скучала. И все же, однажды в Трувилле я получила огромное удовольствие. Это было в тот год, когда папа ездил в Константинополь. Чтобы немного развлечь меня и Селину (мы очень грустили от мысли, что папа так далеко), Мария отправила нас на две недели к морю. Тетя пыталась доставить нам всевозможные удовольствия: мы катались на ослике, удили рыбу и т.д. Несмотря на свои двенадцать с половиной лет я была еще совсем ребенком. Помнится, я так обрадовалась красивым голубым лентам для волос, подаренным тетей; помнится так же, как я пошла на исповедь в Трувилле и исповедовалась даже в этом детском удовольствии, которое показалось мне грехом... Однажды вечером я провела один эксперимент, результат которого меня сильно удивил. Мария (Герен), часто страдающая головной болью, все время хныкала. Тетя ласкала ее, называя самыми нежными именами, но моя двоюродная сестричка продолжала, рыдая, говорить, что у нее болит голова. У меня тоже почти каждый день болела голова, но я на это не жаловалась. Как-то вечером мне захотелось последовать примеру Марии: я уселась в кресло в углу гостиной и начала хныкать. Вскоре Жанна и тетя засуетились вокруг меня, спрашивая, что со мной. Я отвечала, как Мария: "У меня болит голова". По-видимому, мне совсем не шло жаловаться, я так и не смогла убедить их в том, что меня заставила плакать

головная боль. Вместо того, чтобы приласкать, со мной заговорили, как со взрослой, и Жанна упрекнула меня в недоверии к тете, потому что думала, что меня беспокоит совесть... В конечном итоге, твердо решив никогда больше не подражать другим, я не осталась в накладе и поняла смысл басни "Осел и собачка"* (Басня Лафонтена.). Я была тем ослом, который, видя расточаемые собачке ласки, положил на стол свое тяжелое копыто, дабы получить порцию поцелуев. Увы! Если, подобно бедному животному, я и не заработала удара палкой, то тем не менее отплатили мне той же монетой, и это вылечило меня навсегда от желания привлекать к себе чье-либо внимание, единственная предпринятая попытка стоила слишком дорого!

На следующий год, когда моя дорогая крестная покинула нас, тетя снова пригласила меня, на этот раз одну. Я чувствовала себя настолько выбитой из колеи, что по прошествии двух-трех дней заболела. Пришлось переправлять меня в Лизье. Все опасались, что болезнь серьезна, но это оказалась просто ностальгия по Бюиссонне. Стоило мне только переступить порог дома, как болезнь прошла... И вот у этого-то ребенка Господь Бог собирался забрать единственную опору в жизни!

Узнав о намерении Марии, я сразу же решила не искать более никаких радостей на земле. После ухода из пансиона я устроилась в Полининой мастерской, где навела порядок по своему вкусу. Это был настоящий кавардак: разные "реликвии" и диковинки, сад и птичья клетка... В самой глубине, на стене выделялся большой крест из черного дерева и несколько нравившихся мне рисунков; на другой стене висела корзинка, украшенная кисеей и розовыми лентами, с травами и цветами; наконец, еще на одной стене одиноко царил портрет десятилетней Полины. Под этим портретом стоял стол, на котором размещалась *огромная* клетка, с *огромным* количеством птиц, чье мелодичное щебетание раскалывало головы посетителей, но только не маленькой хозяйки, бережно их лелеявшей... Там был небольшой белый комод, набитый учебниками, тетрадками и т.п., на нем стояла статуя Пресвятой Богородицы с подсвечниками и вазами, всегда полными живых цветов, а вокруг множество статуэток разных святых, корзиночек из ракушек, коробочек из бристольского картона! В довершении всего, у окна был мой садик (из редкостных цветов, какие только удавалось разыскать), который я добросовестно разводила в горшочках; посередине этого "музея" находилась жардиньерка, куда я помещала свое любимое растение... Перед окном стоял покрытый зеленой скатертью стол с песочными часами, статуэткой св. Иосифа, портмоне, корзинками с цветами, чернильницей и т.д. Всю обстановку завершали несколько хромоногих стульев и восхитительная кукольная кровать Полины. Эта бедная мансарда, действительно, была для меня целым миром, и подобно г-ну де Местру я могла бы написать книгу, озаглавленную: "Прогулка по моей комнате". В этой комнате я любила часами оставаться одна, заниматься и созерцать прекрасный вид, простиравшийся перед глазами... Но когда я узнала об уходе Марии, моя комната утратила свое очарование. Ни на мгновение мне не хотелось покинуть любимую сестру, которой предстояло улететь так скоро. Как же я заставляла ее упражняться в терпении! Всякий раз, проходя мимо двери в ее комнату, я стучала до тех пор, пока она не откроет, и от всего сердца целовала ее. Мне хотелось запастись поцелуями на все то время, когда я буду их лишена.

За месяц до поступления Марии в Кармель папа свозил нас в Алансон, но эта поездка была совсем непохожа на первую: она была печальной и горькой. Невозможно выразить, сколько слез я пролила на маминой могиле из-за того, что забыла привезти туда букет васильков, собранных для нее. Меня, действительно, огорчало все! Какой контраст с тем, что происходит сейчас, ибо теперь Господь Бог дарует мне благодать не удручаемым ничем преходящим. Когда я вспоминаю о былых временах, моя душа переполняется благодарностью при виде милостей, полученных свыше. Во мне произошла такая перемена, что я стала неузнаваемой... Это правда, что я жаждала милости "абсолютно властвовать над своими поступками, быть хозяйкой над ними, а не рабыней". (см. "Подражание Христу" 3, 38, 1) Эти слова "Подражания" глубоко трогали меня, но мне предстояло купить эту бесценную благодать ценою собственных желаний. Я была всего лишь дитя, которое, казалось, всегда подчинялось

чужой воле, и это позволяло некоторым знакомым в Алансоне говорить, что у меня слабый характер. Во время этой поездки Леони попробовала войти в общину сестер-кларисс. Я была огорчена таким необычным и быстрым поступлением, потому что очень любила ее, но не успела даже поцеловать ее перед уходом.

Никогда не забуду добродушие и смущение папы, когда он пришел сообщить нам, что Леони уже в облачении клариссы... Как и мы, он находил это чрезвычайно странным, но заметив, как недовольна Мария, не стал ничего говорить. Он повел нас в эту обитель, и там я почувствовала как сжалось мое сердце. Никогда при виде монастыря я не чувствовала ничего подобного: он произвел на меня совсем другое впечатление, чем Кармель, где все радовало душу... Облик монахинь отнюдь не приводил меня в восторг и не возникало искушения остаться среди них. И все-таки Леони была довольно мила в своем новом одеянии. Она просила нас хорошенько рассмотреть ее глаза, ибо никогда больше мы не должны были их видеть (клариссы могут показываться только с опущенными глазами). Но Господь Бог принял только два месяца такой жертвенности, Леони вернулась и показывала нам свои голубые глаза, частенько мокрые от слез... Я уезжала из Алансона, думая, что она останется с клариссами, и, удаляясь от унылой улицы Полумесяца* (Улица, где был расположен монастырь.), ощущала тоску в сердце. Нас оставалось только трое, и уже скоро Марии тоже предстояло покинуть нас. Пятнадцатое октября стало днем разлуки! От веселой и многочисленной семьи в Бюиссонне остались лишь две младшие дочери... Голубки улетели из отчего гнезда, а те, кто еще оставались, хотели следовать за ними, но их крылья еще не окрепли, чтобы взлететь...

Господь Бог, Которому было угодно призвать к Себе самую младшую и самую немощную, уже спешил укрепить ее крылья. Ему нравится являть Свою доброту и всемогущество, пользуясь наименее достойными, и Ему было угодно призвать меня раньше Селины, которая, несомненно, больше заслуживала этой милости. Но Господь знал, насколько я немощна, и из-за этого первой укрыл меня в расщелине скалы.

Когда Мария поступила в Кармель, я еще терзалась угрызениями совести. Не имея больше возможности доверять себя ей, я обратилась к Небесам. Я обратилась к четырем ангелам, опередившим меня, ибо думала, что их невинные души, никогда не ведавшие смущений и страха, должны сжалиться над несчастной сестричкой, страдающей на этой земле. Я говорила с ними с простотой ребенка, уверяя, что меня, как самую младшую в семье, мои сестры любили больше всех и больше всех осыпали всевозможными нежностями, и, если б они тоже остались с нами на земле, то, конечно же, проявляли свою любовь ко мне... Их уход на небо не представлялся мне достаточным предлогом, чтобы забыть меня. Напротив, имея возможность черпать из Божественных сокровищниц, они должны были стяжать мир и для меня, показывая этим, что и на Небе умеют любить! Ответ не заставил себя ждать: сладостными волнами мир стал заполнять мою душу, и я поняла, что, если я была любима на земле, то тем более любима на Небе... С этого времени благоговение к моим маленьким братьям и сестрам лишь возрастает, и я часто беседую с ними, рассказывая о горестях изгнания... о своем желании поскорее присоединиться к ним в Небесной Отчизне!

ГЛАВА 5

Благодать Рождества (1886-1887)

Кровь Иисуса Христа. — Пранцини, мой первенец. — "Подражание" и Арменжон. — Желание поступить в Кармель. — Доверительная беседа с отцом. — Перемена в решении дяди. — Возражение настоятеля. — Поездка в Байе.

Если небо и осыпало меня милостями, то вовсе не потому, что я их заслуживала. Я была еще очень несовершенна. Правда, у меня было большое желание упражняться в добродетели, но осуществляла я это довольно странным образом. Например, так: будучи в семье самой

младшей я не была приучена прибираться за собой; Селина убирала комнату, в которой мы спали, я же ничего не делала по хозяйству; после поступления Марии в Кармель я иногда предпринимала попытку застелить постель, желая порадовать Господа, или же вечером, в отсутствие Селины, пойти и занести ее цветочные горшки. Все это я делала только ради одного Господа Бога и потому не должна была ожидать людской благодарности. Увы! Все получалось иначе. Если, к несчастью, Селина всем своим видом не являла удивление и радость, вызванные моими небольшими услугами, я оставалась недовольной, лишней раз подтверждая это слезами... Я была, действительно, невыносима из-за своей чрезмерной чувствительности. Если мне невольно случалось огорчить любимого человека, то вместо того, чтобы взять себя в руки и не плакать, только усугубляя вину, я рыдала горючими слезами. Едва успокоившись от самого проступка, я продолжала рыдать из-за того, что рыдала... Любые доводы были бесполезны, и мне никак не удавалось избавиться от этого скверного недостатка. Не знаю, как я могла тешить себя мыслями о поступлении в Кармель, пребывая еще в таком младенческом возрасте! Господу было необходимо совершить небольшое чудо, чтобы я смогла возрасти в одно мгновение. Он совершил это чудо в день Рождества, в ту светозарную ночь, которая осветила любовь Пресвятой Троицы. Крохотным Младенцем, Которому исполнился всего лишь час, Иисус претворил ночь моей души в потоки света... Этой ночью Он, слабый и страдающий, из любви ко мне сделал меня сильной и смелой. Он облек меня в Свое всеоружие, и, начиная с этой благословенной ночи, я не была побеждена ни в одном сражении. Наоборот, я шла от победы к победе и начала, так сказать, "бег исполина"! (см. Пс. 18, 3) Источник слез иссяк и открывался лишь изредка, да и то с трудом, подтверждая когда-то сказанное мне: "Ты столько плачешь в детстве, что потом у тебя уже не останется слез!"

25 декабря 1886 года я, по милости Божьей, вышла из детства, иными словами, обрела благодать полного обращения. Мы возвращались с полуночной мессы, где мне посчастливилось приобщиться Богу сильному и крепкому (см. Пс. 23, 8). Придя в Бюиссонне, я с радостью пошла забирать свои башмачки из камина. Этот старинный обычай доставлял нам в детстве столько веселья, что Селине еще хотелось считать меня ребенком, ведь я была в семье самой маленькой. Папе тоже нравилось видеть меня счастливой и слышать мои радостные крики при извлечении каждого предмета из волшебных башмачков, а веселье моего дорогого короля еще больше увеличивало это счастье. Но Господу было угодно показать мне, что я должна избавляться от детских недостатков, и Он лишил меня этих невинных радостей, позволив папе, уставшему после полуночной мессы, выразить скуку при виде башмачков в камине и произнести слова, пронзившие мое сердце: "К счастью, это наконец-то в последний раз!" Я тогда поднималась по лестнице, чтобы снять шляпку. Зная мою чувствительность, Селина при виде слез, заблестевших на моих глазах, готова была тоже расплакаться, потому что сильно любила меня и понимала мое горе. "Тереза! — сказала она, — не спускайся, тебе сейчас будет очень горько заглядывать в твои башмачки". Но Тереза была уже не та. Господь изменил ее сердце! Преодолевая слезы, я быстро спустилась по лестнице и, сдерживая колотящееся сердце, взяла свои башмачки, поставила их перед папой и со счастливым видом, стала радостно доставать подарки, как королева. Папа смеялся. Он снова повеселел, а Селина думала, что видит сон! К счастью, это была реальность: маленькая Тереза вновь обрела душевную силу, которую потеряла в четыре с половиной года, и теперь уже навсегда должна была ее сохранить!

В эту светлую ночь начался третий, самый прекрасный период моей жизни, исполненный более других Небесной благодати... В одно мгновение Господь совершил то, что мне не удавалось на протяжении десяти лет, посчитав, что моей доброй воли, никогда не подводившей меня, вполне достаточно. Подобно Его апостолам я могла бы сказать: "Наставник! я трудилась всю ночь и ничего не поймала" (см. Лк. 5, 5). Но ко мне Господь был милосерднее, чем к Своим ученикам: Он Сам взял сеть, закинул ее и вытащил полную... Он сделал меня ловцом душ человеческих, я ощутила огромное желание трудиться ради обращения грешников, желание, которое раньше не ощущала так живо... Одним словом, я

почувствовала, что любовь к ближнему вместе с потребностью забыть о себе, чтобы радовать других, вошла в мое сердце, и с тех пор я счастлива! Однажды в воскресенье я рассматривала репродукцию с изображением Господа Иисуса Христа на Кресте и была поражена видом крови, стекавшей с одной из Его рук. Какое страдание испытала я при мысли, что эта кровь стекает на землю, и нет никого, кто поспешил бы собрать ее. Тогда я решила мысленно встать у подножия Креста и собирать эту Божественную росу, чтобы потом отдать ее людям. В моем сердце все время звучал вопль Господа на Кресте: "Жажду!" (Ин. 19, 28) Эти слова зажигали во мне неведомое доселе пламя. Мне хотелось дать моему Возлюбленному пить, я тоже чувствовала себя жаждущей спасения душ человеческих. Пока еще не души священников, а души великих грешников притягивали меня, и я сгорала от желания вырвать их из вечного огня...

Чтобы возбудить усердие, Господь показал, что мои желания угодны Ему. Я слышала, как говорили о страшном преступнике* (Генри Пранцини, задушил двух женщин и маленькую девочку.), приговоренном к смерти за ужасные преступления, и все шло к тому, что он умрет нераскаянным. Любой ценой я хотела помешать ему попасть в ад и для достижения этого использовала все мыслимые средства. Чувствуя, что сама по себе ничего не могу, я предложила Богу все бесконечные достоинства нашего Господа Иисуса Христа и все сокровища Церкви. Наконец, я попросила Селину заказать особую мессу, не осмеливаясь действовать самостоятельно из-за боязни признаться, что все это — ради Пранцини, страшного преступника. Мне не хотелось говорить об этом даже Селине, но она стала так лаского и настойчиво расспрашивать меня, что я доверила ей свою тайну. Без тени насмешки, она попросила разрешения помогать мне обращать *моего грешника*. Я с благодарностью согласилась, ибо желала, чтобы все творение соединилось со мной и вымолило пощаду виновному. В глубине сердца я ощущала уверенность в том, что наши желания будут выполнены. Но, чтобы придать самой себе мужества продолжать молиться за грешников, я сказала Господу Богу, что совершенно уверена в том, что Он простит несчастного Пранцини, а я настолько доверяю милосердной любви Иисуса Христа, что буду верить в это, даже если он не исповедуется и не подаст никакого признака раскаяния. Но я прошу у Него лишь "*знак*" покаяния, просто так, для моего утешения... Моя молитва была исполнена буквально! Несмотря на то, что папа запрещал нам читать какие-либо газеты, я не считала заслушивание чтение тех мест, которые рассказывали о Пранцини. На следующий день после казни мне под руку попадает газета "*La Croix*" * ("*La Croix*" — "Крест" — католическая газета, издающаяся и поныне.). С поспешностью открываю ее и что же вижу? Слезы выдали мое волнение, и я была вынуждена спрятаться. Без исповеди Пранцини взошел на эшафот и уже собирался просунуть голову в мрачную дыру, когда вдруг, охваченный внезапным озарением, он оборачивается, хватая протянутое ему священником Распятие, и три раза прикладывает к нему... А затем душа его отправилась получать милосердный приговор Того, Кто говорит, что на небе более радости об одном кающемся грешнике, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии! (см. Лк. 15, 7)

Я получила просимый знак, и это было верным подтверждением тех милостей, которые Господь ниспослал мне, чтобы привлечь к молитве за грешников. Разве жажда спасения душ не проникла в мое сердце при созерцании ран Господа и Его истекающей Божественной Крови? Мне хотелось дать им испить этой Крови, которая должна была очистить их от всякой скверны, и уста "*моего первенца*" припали к Его ранам! Какой неизъяснимо кроткий ответ! После такой исключительной милости мое желание спасти души возрастало с каждым днем. Казалось, Господь говорит мне, как самарянке: "Дай Мне пить!" (Ин. 4, 7). Это был истинный обмен в любви: я подавала душам Кровь Христову, а Господу преподносила те же души, обновленные Божественной росой. Я думала, что таким образом смогу утолить Его жажду, но чем больше я давала Ему пить, тем больше возрастала жажда моей маленькой души. И эта палящая жажда, подаваемая мне Господом, была подобна самому прекрасному напитку Его любви...

В короткое время Господь помог мне выбраться из круговерти, в которой я находилась, не зная, как оттуда вырваться. Велика была моя признательность при виде пути, по которому Он меня повел. Но было необходимо, чтобы и я этому соответствовала, и если решающий шаг уже сделан, значит, мне предстояло еще многое оставить позади. Стал развиваться мой ум, освобожденный от угрызений совести и чрезмерной чувствительности. Я всегда любила величие и красоту, но в этот период меня охватило сильное желание познавать. Не находя достаточными уроки и домашние задания, которые давала моя учительница, я стала сама старательно заниматься историей и естествознанием. Другие предметы оставляли меня равнодушной, но эти притягивали внимание, и через несколько месяцев я приобрела знаний больше, чем за все годы учебы. Но было это лишь суетой и томлением духа... (см. Екк. 4, 16) Мне часто приходила на ум та глава "Подражания", где говорится о науках, но я все-таки продолжала занятия, говоря себе, что нет ничего плохого в учебе, если заниматься ею в том возрасте, когда все это делают. Не думаю, что я огорчила Господа Бога (тем более, что сознаю огромную потерю времени), ибо использовала для этого лишь определенные часы и не хотела выходить за их рамки, чтобы умертвить свое уж слишком живое стремление к знаниям. Я находилась в самом опасном для девушек возрасте, но Господь сделал для меня то, о чем возвещает Иезекииль в своих пророчествах: "Проходя мимо, Господь увидел меня, и вот это было время мое, время любви, и вступил в союз со мною, и я стала Его... Он простер воскрилия риз Своих на меня, Он омыл меня водою и помазал елеем, Он надел на меня узорчатое платье, положил на руки мои запястья и на шею мою ожерелье... Он питал меня в изобилии хлебом из лучшей пшеничной муки, медом и елеем... и была я чрезвычайно красива и достигла царственного величия". (см. Иез. 16, 8-13)

Да, Господь сделал все это для меня, я могла бы взять каждое слово из написанного и показать, как оно исполнилось мне во благо. Но те милости, о которых я говорила выше, — уже достаточное доказательство, и я расскажу лишь о пище, которую Он расточал мне "в изобилии". С давних пор я питалась "хлебом из лучшей пшеничной муки", содержащимся в "Подражании". Это была единственная книга, приносившая мне пользу, потому что тогда я еще не нашла сокровища, скрытые в Евангелии. Я знала наизусть почти все "Подражание" и никогда не расставалась с этой книжечкой; летом я носила ее в кармане, зимой — в муфте, а моя тетя любила раскрывать ее наугад, заставляя меня пересказывать наизусть любую главу, попавшуюся на глаза. При моем стремлении к знаниям в четырнадцать лет Господь Бог нашел нужным прибавить "к хлебу из лучшей пшеничной муки" еще "меда и елея в изобилии". Мед и елей Он помог мне отыскать в лекциях аббата Арменжона о конце света и тайнах будущей жизни. Эту книгу дали почитать папе сестры-кармелитки, и вопреки обыкновению (ибо я никогда не читала папиных книг) я попросила ее.

Чтение этой книги стало еще одной великой милостью в моей жизни. Я читала у окна в комнате для занятий, и испытываемое мною впечатление было слишком глубоко и неуловимо, чтобы суметь передать его...

Все истины веры, все тайны вечности погружали мою душу в неземное блаженство... Уже предвосхищая то, что Господь уготовал любящим Его, я видела (не человеческими глазами, но очами сердца), что награды совершенно несравнимы с легкими жертвами этой жизни, и я желала любить, страстно любить Господа, подавая Ему множество знаков любви, пока я могу это делать... Я переписала кучу отрывков о совершенной любви и о встрече, которую Господь Бог устроит Своим избранным в тот миг, когда Он Сам станет их великой и вечной наградой; я беспрестанно повторяла слова любви, воспламенявшие мое сердце... Селина стала ближайшей наперсницей моих размышлений; после той Рождественской ночи мы стали понимать друг друга, больше не существовало разницы в возрасте, потому что я повзрослела телом и, особенно, духом... А до того я часто жаловалась, что ничего не знаю о секретах Селины. Она говорила мне, что я еще слишком мала, что мне надо вырасти выше "уровня табуретки", и тогда она сможет положиться на меня. Я любила взбираться на эту спасительную табуретку и, становясь одного роста с Селиной, предлагала ей сокровенно побеседовать, но затея моя оказывалась бесполезной: что-то еще разделяло нас!

Господу было угодно, чтобы мы вместе продвигались вперед, и Он сотворил в наших сердцах узы более крепкие, чем кровные. Он сделал нас сестрами по духу, в нас осуществились слова из гимна св. Иоанна Креста (говоря о Женихе, невеста восклицает): "Спеша за Тобой по следам, юные девы легко пробегают свой путь. Прикосновение искры к ним и крепкопряное вино рождает в них божественно благоуханные порывы". Да, мы шли очень легко по стопам Христа, и искры любви, которые Он полными горстями сеял в наших душах, дивное и крепкое вино, которое Он давал нам испить, устраняли все преходящее, а из наших уст исходили вдохновенные Им воздыхания любви. Какие чудесные беседы вели мы каждый вечер на бельведере! Взгляд устремлялся вдаль, и мы созерцали бледную луну, медленно встающую за большими деревьями... серебристые отблески, отбрасываемые ею на уснувшую природу, яркие звезды, сверкающие в глубокой синеве... легкий порыв вечернего ветерка, развевающий снежные тучи, — все возносило наши души к Небу, прекрасному Небу, но пока мы видели его как бы снаружи...* (Намек на стихотворение Альфреда Бесса.)

Не знаю, ошибаюсь ли, но мне кажется, что мы переживали нечто подобное тому, что произошло со св. Моникой и ее сыном* (Св. Августин.), когда у ворот Остии они замерли в восторге при виде чудес Творца! Мне кажется, что мы получали такие же милости, что и великие святые. Как сказано в "Подражании": "Одним Бог сладостно является в знамениях и образах, а другим во свете открывает многие таинства" (Кн. 3; 43, 4), именно так благоволил Он явиться и нашим душам, но как же прозрачна и легка была завеса, скрывающая Господа от наших взглядов! Уже было невозможно сомнение, уже стали ненужными вера и надежда, ибо любовь помогала нам найти на земле Того, Кого мы искали. "Тогда встретили Его одного, и Он целовал нас, и нас не осуждали бы". (см. Песн. 8, 1)

Такие большие милости не могли оставаться без обильных плодов, и упражнение в добродетели стало для нас приятным и естественным; вначале мое лицо еще выдавало борьбу, но мало-помалу это исчезло, и отречение стало казаться легким, даже в первый момент. Господь сказал так: "Всякому имеющему дастся и приумножится." (Мф. 25, 29) За одну достойно принятую милость Он подавал мне множество других... Он Сам отдавал мне Себя в Евхаристии чаще, чем я смела надеяться. Я взяла себе за правило: не пропускать причастие каждый раз, когда разрешал духовник, предоставить ему самому определять число причастий и никогда не просить у него об этом. Если бы тогда я обладала таким дерзновением, как сейчас, то поступала бы иначе, ибо совершенно уверена в том, что душа должна говорить своему духовнику о стремлении принять Бога. Не для того Он каждый день сходит с Неба, чтобы оставаться в золотой дароносице, но для того, чтобы обрести иное небо, которое Ему бесконечно дороже первого, небо нашей души, сотворенное по образу Его, живой храм Пресвятой Троицы!

Господь, видевший мое желание и прямоту сердца, устроил так, что в мае духовник позволял мне причащаться четыре раза в неделю, а по прошествии этого прекрасного месяца добавлял пятое причастие каждый раз, когда был какой-нибудь праздник. При выходе из исповедальни из моих глаз текли слезы умиления, и мне казалось, что Господь Сам хотел отдать Себя мне, так как я проводила мало времени на исповеди и никогда ни слова не говорила о своих внутренних переживаниях. Путь, по которому я шла, был такой прямой, такой светлый, что у меня не было необходимости в ином наставнике, кроме Господа. Я сравнивала духовных руководителей с зеркалом, верно отражающим Господа в душах, и говорила, что по отношению ко мне Господь Бог не прибежал к посреднику, а действовал непосредственно...

Садовник окружает всяческими заботами плод, который хочет довести до созревания раньше обычного, вовсе не для того, чтобы он остался висеть на дереве, но чтобы подать его на богато убранный стол. С подобным намерением Господь расточал Свои благодатные дары маленькому цветку... Он, радостно воскликнувший во дни Своей земной жизни: "Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам" (Лк. 10, 21), пожелал явить на мне Свою милосердную любовь. Он снизошел ко мне, так как я была мала и слаба, и тайно наставлял меня в делах Своей любви. И если бы ученые, которые провели всю жизнь в научных исследованиях, пришли бы расспросить меня,

то, несомненно, удивились бы при виде четырнадцатилетнего ребенка, понимающего тайны совершенства. Те тайны, которые вся их наука не может им открыть, ибо для того, чтобы овладеть ими, надо стать нищим духом!

Как говорит св. Иоанн Креста: "Ни вождя, ни света не знала иного, кроме того, что блистал в моем сердце, и тем светом была я ведома вернее лучей полуденного солнца туда, где ждал меня Тот, Кто знал меня совершенно." (3 и 4 строфы) Этим местом был Кармель, но прежде чем "отдохнуть в тени Того, Кто мне сладок" (см. Песн. 2, 3), мне предстояло еще пройти через множество испытаний. Божественный призыв был таким настойчивым, что, даже, если бы понадобилось пройти сквозь пламень, я сделала бы это ради верности Господу. Лишь у одной души я нашла поддержку в моем призвании — у моей матушки... Ее сердце отозвалось моему сердцу, и без нее, несомненно, я никогда не достигла бы того благословенного берега, напоенного небесной росой, который уже пять лет давал ей приют... Да, уже целых пять лет я была удалена от вас, моя дорогая матушка, и думала, что потеряла вас, но в час испытаний ваша рука указала мне путь. Такое утешение было необходимо, ибо свидания в Кармеле становились для меня все тягостней и тягостней. Я не могла говорить о своем желании поступить в монастырь, не чувствуя противления. Считая меня слишком юной, Мария делала все возможное, чтобы помешать моему поступлению; и даже вы, матушка, в качестве испытания, несколько раз пытались умерить мой пыл. Словом, не будь это действительно моим призванием, я остановилась бы в самом начале, встретив препятствия сразу же, как только стала отвечать на призыв Господа. Мне не хотелось говорить Селине о желании так рано поступить в Кармель, и это заставляло меня страдать еще больше, потому что было крайне сложно что-либо от нее скрывать... Но такое страдание продолжалось недолго, и уже скоро Селина узнала о моем решении. Она не пыталась отворотить меня и с удивительным мужеством согласилась на жертву, которую Господь Бог испрашивал у нее. Чтобы понять, сколь велика была эта жертва, надо было знать до какой степени мы были близки... Одна душа, если можно так выразиться, жила в нас; на протяжении нескольких месяцев мы обе наслаждались такой приятной жизнью, о какой девушки только могут мечтать. Все вокруг отвечало нашим вкусам, нам была дана полная свобода. Наконец, я бы сказала, что наша жизнь была идеалом счастья на земле... Едва лишь мы вкусили от него, как пришлось добровольно его отвергнуть, но моя дорогая Селина не протестовала ни минуты. У нее были все основания жаловаться, потому что Господь, все-таки, не ее призвал первой... А ведь у нее было то же призвание, и уходить следовало ей! Но как во времена мучеников, те, кто еще находился в тюрьме, утешая себя мыслями, что они, быть может, оставлены для более великих битв, с радостью давали поцелуй мира братьям, которые первыми уходили сражаться на арены, так и Селина позволила Терезе удалиться и осталась одна для славного и кровопролитного сражения, к которому Господь готовил ее, как избранницу Своей любви!

Итак, Селине яверяла о своих сражениях и страданиях; она принимала в них такое же участие, как если бы это касалось ее собственного призвания. Сопротивления с ее стороны я не опасалась, но совершенно не знала, какой способ избрать, чтобы сообщить об этом папе... Как сказать о разлуке с его принцессой, ему, уже принесшему в жертву трех старших дочерей? Сколько я выстрадала, прежде чем почувствовала в себе мужество заговорить! Между тем, надо было решаться. Вскоре мне должно было исполниться четырнадцать с половиной лет. Только шесть месяцев отделяло нас от чудесной рождественской ночи, и я решила поступить в монастырь в тот же самый час, когда в прошлом году обрела "свою благодать". Для признания в моей великой тайне я выбрала день Пятидесятницы. Весь день я умоляла апостолов молиться обо мне и внушить те слова, которые предстояло произнести... И, действительно, не они ли должны были помочь робкому ребенку, которому Бог предназначал стать апостолом апостолов через молитву и жертву? Только во второй половине дня, уже после возвращения с вечерни, мне представился удобный случай поговорить с папой. Он пошел посидеть у водоема, и там созерцал дивное величие природы. Солнце, чьи лучи уже утратили свой жар, золотило верхушки высоких деревьев, на которых птицы радостно воспевали свою вечернюю молитву. На красивом папином лице было небесное выражение, и

я чувствовала, что мир наполнял его сердце. Не говоря ни слова, с уже мокрыми от слез глазами, я подошла и села рядом. Он с нежностью посмотрел на меня, прижал мою голову к сердцу и сказал: "Что у тебя, моя принцесса? Доверь мне..." Потом, встав, словно для того, чтобы скрыть волнение, начал медленно ходить, продолжая удерживать мою голову у своего сердца. Сквозь слезы я поведала ему о своем желании поступить в Кармель. Тогда его слезы смешались с моими, но он не сказал ни слова, чтобы отвлечь меня от призвания, посчитав нужным только заметить, что я еще слишком молода для принятия такого серьезного решения. Но я, защищаясь, так настаивала, что при своем простом и прямолинейном характере, он вскоре и сам убедился, что желание мое исходило от Господа. Тогда он с глубокой верой воскликнул, что Господь Бог оказывает ему великую честь, призывая к Себе его детей. Мы еще долго гуляли, и я, успокоенная добротой, с которой отец встретил такое откровенное признание, медленно изливала ему свою душу. Казалось, папа наслаждался тихой радостью от принесенной жертвы. Он говорил со мной как святой. Мне бы хотелось вспомнить его слова и написать их здесь, но у меня сохранилось лишь непередаваемое воспоминание. Зато мне очень хорошо запомнилось его символическое действие, о смысле которого он не догадывался. Подойдя к невысокой стене мой дорогой король показал мне на белые цветы, похожие на лилии в миниатюре. Сорвав один, он протянул его мне и объяснил с какой заботой Господь Бог сотворил его и сохранял до сего дня; внимая ему, я думала, что слышу свою собственную историю, столько сходства было с тем, что Господь сделал для маленького цветка и маленькой Терезы... Я приняла этот цветок как святыню. Я видела, как папа вытянул его, не повредив ни одного корешка. Казалось, он предназначен жить на другой почве, более плодородной, чем мягкий мох, где протекла его ранняя пора... За несколько мгновений до этого нечто подобное папа совершил и со мной, позволив мне покинуть тихую долину, свидетельницу первых шагов жизни, и взойти на гору Кармель.

Я вложила этот белый цветок в "Подражание", в главу: "О любви ко Иисусу превыше всего", он и сейчас еще там, только стебелек сломался у самого корня. Похоже, Господь говорит мне этим, что скоро разорвет пути Своего цветка, не давая ему увянуть на земле!

Получив папино согласие, я подумала, что могу, ничего больше не опасаясь, упорхнуть в Кармель, но моему призванию предстояло еще пройти через весьма мучительные испытания. С большим трепетом я поведала дяде о принятом мною решении. Он осыпал меня всевозможными знаками любви, но разрешения поступить в монастырь все-таки не дал. Напротив, он запретил говорить с ним о моем призвании раньше, чем мне исполнится семнадцать лет. Это противоречит человеческому благоразумию, говорил он, пятнадцатилетней девочке поступить в Кармель, ведь в глазах всего мира жизнь кармелитки — это жизнь философа, и позволить неопытному ребенку погрузиться в такую жизнь означало бы нанести большой урон монашеству... Все об этом станут говорить, и т.д. и т.п. Он даже сказал, что для того, чтобы позволить мне поступить, необходимо чудо. Я поняла, что любые доводы бесполезны, и удалилась с сердцем, повергнутым в самую глубокую горечь. Единственным моим утешением была молитва, и я умоляла Господа совершить требуемое чудо, ибо только такой ценой могла ответить на Его призыв. Прошло довольно продолжительное время, прежде чем я осмелилась снова заговорить с дядей. Мне было очень трудно подойти к нему, что же до него, то казалось, будто он вовсе не думает о моем призвании. Однако позже я узнала, что именно мое печальное состояние склонило его в мою сторону. Перед тем, как озарить мою душу лучом надежды, Господу было угодно послать мне довольно мучительное испытание, длившееся три дня, во время которого мне стала понятна скорбь Девы Марии и Иосифа, разыскивавших Отрока Иисуса. Я оказалась в унылой пустыне или, скорее, моя душа напоминала хрупкий челнок, без кормчего, брошенный на произвол бушующих волн. Я знала, что Господь был рядом и дремал в моей лодочке, но ночь была так темна, что невозможно было Его разглядеть, ничто не давало света, и даже молния не прорезала черные тучи. Конечно, слабый отблеск молнии весьма печален, но все же, если бы гроза разразилась явно, я смогла бы хоть на мгновение увидеть Господа. Это была ночь, глубокая ночь души... Подобно Господу в Гефсиманском саду, я чувствовала себя одинокой и

не находила утешения ни на земле, ни на небе. Казалось, Господь Бог совсем оставил меня! Природа тоже как будто принимала участие в моем горьком унынии: на протяжении трех дней солнце не послало ни одного луча, шел проливной дождь. (Я подметила, что при всех серьезных обстоятельствах моей жизни, природа была отражением моей души. В дни печали небо плакало вместе со мной, в дни радости солнце обильно расточало свои лучи, и ничто не омрачало небесной синевы.)

Наконец, на четвертый день, это была суббота — день, посвященный Царице Небес, я пошла повидаться с дядей. Каково же было мое удивление, когда я его увидела! Он посмотрел на меня и повел за собой в кабинет, хотя я ничем не выражала своего желания. Он начал ласково упрекать меня за то, что я, по-видимому, побаиваюсь его, потом сказал, что больше нет необходимости просить о чуде, что стоило ему лишь помолиться Господу о ниспослании "простого вразумления сердца", как это было исполнено... Итак, теперь мне не надо было больше искушать себя молитвой о чуде, ибо чудо было уже мне даровано: мой дядя стал другим. Без единого намека на "человеческое благоразумие" он сказал мне, что я — тот маленький цветок, который Господу угодно сорвать, он же больше не будет этому противиться!

Такой решительный ответ был, действительно, достоин его. В третий раз этот христианин старой закалки позволял одной из своих приемных дочерей уйти и скрыться от мира. Тетя тоже была на редкость нежна и благоразумна. Я не припомню, чтобы во время моего испытания она сказала хотя бы слово, которое могло бы усугубить его. Я видела, что она сильно жалела бедняжку Терезу. Поэтому, лишь только я получила дядино согласие, она сразу же дала свое, однако не без того, чтобы множеством способов показать, что мой уход доставит ей огорчение... Увы! Как далеки были наши дорогие родственники от мысли о принесении такой жертвы еще два раза... Но руку, постоянно протянутую для прошения, Господь Бог не оставляет пустой, и самые любимые друзья Его могут черпать там в изобилии силы и мужество, столь необходимые им... Мое сердце увлекло меня довольно далеко от темы, и почти неохотно я возвращаюсь к ней. Вы понимаете, матушка, с какой легкостью после дядиного ответа я отправилась в Бюиссонне — под дивным небом, на котором облака абсолютно развеялись! Закончилась ночь и в моей душе. Господь, пробуждаясь, вернул мне радость, шум волн утих; вместо ветра испытаний легкий ветерок надувал мой парус, и я думала, что уже скоро приплыву к благословенному берегу, который, казалось, совсем близко. И правда, он был невдалеке от моей лодочки, но впереди была еще не одна гроза, которая, скрывая из виду свет маяка, должна была испугать ее тем, что она безвозвратно удалилась от желанного берега...

Через несколько дней после того, как я получила дядино согласие, я отправилась повидать вас, дорогая матушка, и с радостью поведала о том, что все испытания уже позади. Каково же было мое удивление и огорчение, когда я услышала, что настоятель Кармеля* (Жан-Батист Делатроетт, настоятель церкви св. Иакова, опекал кармелитский монастырь в Лизье.), не соглашается на то, чтобы я поступила до того, как мне исполнится двадцать один год...

Никто не подумал об этом, самом непреодолимом препятствии. Все же, не теряя мужества, вместе с папой и Селиной я пошла к настоятелю, чтобы попытаться растрогать его, убедив, что поступить в Кармель — действительно мое призвание. Он принял нас очень холодно, и напрасно папа присоединял свои настоятельные просьбы к моим. Ничто не могло изменить решения настоятеля. Он говорил, что время терпит, что я могу вести жизнь кармелитки дома, что если у меня и не будет строгого распорядка, то не все еще потеряно и т.д. и т.п. В конце концов он добавил, что он только представитель монсиньора, и если тот пожелает разрешить мне поступить в Кармель, ему больше нечего будет сказать. Я вышла от него в слезах, но, к счастью, меня закрывал зонтик. Лил проливной дождь. Папа не знал, как меня утешить... Он пообещал свозить меня в Байе сразу же, как только я захочу, поскольку я решила добиться своего и заявила, что дойду до Святого Отца, если монсиньор не позволит мне в пятнадцать лет поступить в Кармель. До поездки в Байе произошло немало событий. Внешне жизнь казалась такой же; я училась, вместе с Селиной брала уроки рисования, и учительница

находила во мне большие способности к своему предмету. Особенно я возрастала в любви к Богу. Я ощущала в своем сердце неведомые доселе порывы, порою у меня бывали настоящие восторги любви. Однажды вечером, не зная, как выразить Господу Иисусу свою любовь, свое желание, чтобы Он был любим и прославляем повсюду, я с болью подумала, что из глубин ада Он никогда не получит ни одного признания в любви. Тогда, чтобы порадовать Его, я сказала Господу Богу, что охотно согласилась бы туда погрузиться, дабы Он был вечно любим в этом богохульном месте... Я знала, что это не может Его прославить, ибо Он хочет лишь нашего счастья, но когда любят, испытывают потребность говорить множество глупостей; и если я так говорила, то вовсе не потому, что Небо не привлекало меня. У меня просто не было иного неба, кроме любви, и я чувствовала, подобно апостолу Павлу, что ничто не сможет отлучить меня от Божественного предмета любви!

Прежде чем я оставила мир, Господь утешил меня, раскрыв предо мною *детскую душу*. В семье я была самой младшей, и до сих пор мне так и не посчастливилось знать, что это такое. Вот при каких печальных обстоятельствах это произошло: одна бедная женщина, родственница нашей няни, умерла в расцвете сил, оставив троих совсем маленьких детей. Во время ее болезни мы взяли к себе домой двух девочек. Старшей не было еще и шести лет. Я целый день занималась с ними, и большой радостью для меня было видеть, как искренне верили они всему, что я им говорила. Как же необходимо, чтобы крещение заронило в душу зародыш веры, надежды и любви; чтобы они проявлялись уже с самого детства, а упования на будущие блага оказалось бы достаточно, чтобы согласиться на жертвы. Когда мне хотелось видеть обеих девочек в полном согласии друг с другом, вместо того, чтобы обещать игрушки и конфеты той, которая уступит сестре, я рассказывала им о наградах, которые Младенец Иисус дает добрым детям на Небе. Старшая, чей ум уже начинал развиваться, смотрела на меня блестящими от радости глазами и задавала множество забавных вопросов о Младенце Иисусе и Его прекрасном Небе. Она с воодушевлением обещала всегда уступать сестре и говорила, что никогда в жизни не забудет того, что рассказала ей "взрослая барышня", как она меня называла. Наблюдая вблизи эти чистые души, я поняла, каким несчастьем может обернуться неправильное их развитие с самого пробуждения, когда они столь сходны с мягким воском, на котором можно оставить отпечаток как добра, так и зла. Я уразумела то, что сказал Господь в Евангелии: "Кто соблазнит одного из малых сих,... тому лучше было бы, если бы... потопили его во глубине морской." (Мф. 18, 6) Сколько душ достигло бы святости, если бы их верно направляли!

Я знаю, что Господь Бог ни в ком не нуждается для свершения Своих деяний. Но ведь Он допускает искусного садовника выращивать редкостные хрупкие растения, наделяет его для этого необходимыми знаниями, оставляя за Собой попечение о плодородии, точно так же Господу угодно, чтобы Ему помогали во взращивании душ.

Что могло бы случиться, если б неумелый садовник неправильно прививал деревья? Если б он не мог распознать природу каждого и захотел, чтобы на персиковом дереве расцвели розы? Он погубил бы хорошее дерево, которое, между тем, само по себе способно приносить плоды. Именно так надо уметь распознать с самого детства то, что Господь хочет от души, и оказывать содействие Его благодати, никогда не опережая и не приостанавливая ее.

Подобно тому, как птенцы учатся петь, слушая своих родителей, — дети учатся премудрости добродетели, этому возвышенному пению Божественной любви, рядом с душами, взявшими на себя ответственность за их воспитание.

Помнится, среди моих птичек была одна восхитительно певшая канарейка. Была также и конопляночка, которой я расточала материнские заботы, ибо взяла ее прежде, чем она смогла насладиться свободой. У маленькой пленницы не было родителей, которые обучили бы ее пению. С утра и до вечера она слышала только канарейку, выводившую веселые рулады, и хотела подражать ей... Это было весьма затруднительно для коноплянки, чей нежный голосок лишь с большим трудом мог подстроиться к вибрирующему голосу ее учительницы музыки. Было забавно наблюдать за усилиями бедняжки, но они все-таки увенчались успехом, так как ее пение, полностью сохранив свою нежность, стало совершенной копией пения канарейки.

Дорогая матушка! Это вы научили меня петь. Ваш голос зачаровывал меня с самого детства, и теперь в утешение себе я слышу, как говорят о моем сходстве с вами. Я знаю, насколько я несовершенна, но надеюсь, несмотря на немощи, вечно вторить вашему пению!

Перед поступлением в Кармель я на собственном опыте узнала многое о жизни и о невзгодах этого мира, но такие подробности уведут меня слишком далеко, и я возвращаюсь к рассказу о моем призвании. 31 октября была назначена поездка в Байе. С сердцем, полным надежды, я отправилась вместе с папой, хотя и была немало взволнована от мысли, что побываю в доме епископа. В первый раз в жизни мне предстояло нанести визит одной, без сестер, и визит этот был к епископу! До сих пор мне никогда не приходилось говорить, кроме как в ответ на вопросы, теперь же надо было самой объяснить цель визита, изложить причины, побудившие меня добиваться поступления в Кармель. Одним словом, я должна была обосновать мое призвание. Чего мне стоила эта поездка! Необходимо было, чтобы Господь ниспослал мне совершенно особую милость, и я смогла бы преодолеть свою застенчивость. Как это правильно, что "Любовь никогда не рассуждает о невозможности, потому что на все дерзает". (Подражание, кн. 3 — 5, 4) Действительно, одна только любовь Господа могла заставить меня преодолеть эти и последующие трудности, ибо Ему было угодно, чтобы я обрела свое призвание ценой довольно больших испытаний...

Сегодня, когда я наслаждаюсь уединением Кармеля (отдыхая в тени Того, Кого так горячо желала (см. Песн. 2, 3)), я нахожу, что заплатила совсем недорого за свое счастье, и была бы готова перенести гораздо большие скорби для его приобретения, если бы еще не обладала им! Когда мы приехали в Байе, лил проливной дождь. Папе не хотелось, чтобы его принцесса вошла в епископские апартаменты в совершенно промокшем наряде. Он усадил ее в омнибус и отвез к собору. Здесь и начались мои неприятности. Монсиньор и весь клир принимали участие в богатых похоронах. Церковь была полна дам в трауре, и все стали глазеть на меня, на мое светлое платье и белую шляпку. Мне хотелось выйти из церкви, но из-за дождя об этом не могло быть и речи, а для большего смирения Господь позволил папе со всей его простотой заставить меня подняться до самого верха собора. Не желая его огорчать, я охотно подчинилась и доставила это развлечение славным жителям Байе, с которыми никогда не хотела бы познакомиться... Наконец, в часовне, расположенной за главным алтарем, я смогла вздохнуть с облегчением. Я долго пробыла там и усердно молилась в ожидании того, что дождь прекратится и позволит нам выйти. На обратном пути папа пытался обратить мое внимание на красоту собора, который, опустев, стал еще больше, но лишь одна мысль занимала меня, и ничто не было мне в радость. Мы пошли прямо к аббату Реверони, который знал о нашем приезде, сам назначив этот день. Но его не было дома. Нам пришлось слоняться по улицам, которые показались мне такими унылыми; затем мы вернулись к дому епископа, и папа повел меня в прекрасную гостиницу, где я не оказала должного внимания искусному повару. Как невероятно ласков ко мне был папа! Он говорил, что не стоит огорчаться, что монсиньор, конечно же, согласится на мою просьбу. После небольшого отдыха мы снова отправились к аббату Реверони; какой-то господин пришел одновременно с нами, но викарий вежливо попросил его подождать и пропустил нас в кабинет первыми (у бедного господина хватило времени соскучиться, ибо визит наш оказался продолжительным). Реверони казался очень приветливым, но думаю, причина нашей поездки сильно удивила его; поглядев на меня с улыбкой и задав несколько вопросов, он сказал: "Я представлю вас монсиньору. Будьте добры, следуйте за мной". Заметив блестящие на моих глазах слезы, он добавил: "О! Я вижу алмазы... Не следует их показывать монсиньору!" Викарий провел нас через множество просторных гостиных, украшенных портретами епископов. В этих огромных комнатах я казалась себе несчастным муравьишкой и задавалась вопросом, что же осмелюсь я сказать монсиньору. А он гулял вместе с двумя священниками по галерее, и я видела, как аббат Реверони сказал ему несколько слов и вернулся вместе с ним. Мы ждали в кабинете, где перед камином, в котором потрескивал огонь, стояли три огромных кресла. При входе его преосвященства папа встал рядом со мной на колени, чтобы получить благословение, затем монсиньор усадил папу в кресло и сел напротив него. Аббат Реверони указал мне на кресло,

которое стояло посредине. Я вежливо отказалась, но он настаивал, предлагая продемонстрировать мои способности к послушанию. Я тут же, не подумав, села, но была смущена, видя, что сам он садится на стул, в то время как я погрузилась в кресло, которое подошло бы четвертым таким, как я (им было бы даже лучше, ибо я не испытывала никакого удобства!). Я надеялась, что говорить будет папа, но он велел мне самой объяснить монсеньору причину нашего посещения. Я сделала это со всем доступным мне красноречием. Его преосвященство, привычный к красноречию, не казался сильно растроганным моими соображениями; вместо них мне бы гораздо больше помогло одно слово настоятеля Кармеля, но к несчастью, он был против, и это никак не говорило в мою пользу...

Монсеньор спросил меня, давно ли я хочу поступить в Кармель.

— О, да! Монсеньор, уже очень давно...

— Полноте, — перебил, смеясь, аббат Реверони, — все-таки, вы не можете сказать, что имеете такое желание уже пятнадцать лет.

— Это правда, — ответила я, тоже улыбаясь, — но и не так уж много лет можно убавить, потому что я хотела стать монахиней с того часа, как пробудился мой разум. И я захотела поступить в Кармель, как только получше узнала о нем, потому что нашла, что именно здесь будут исполнены все мои желания.

Не знаю, матушка, такими ли точно были те слова. Думаю, они были еще нескладнее, но, в конце концов, таков был их смысл.

Монсеньор, думая сделать папе приятное, попробовал оставить меня рядом с ним еще на несколько лет и поэтому был слегка *удивлен и вразумлен*, когда увидел, что папа занял мою сторону, ходатайствуя о том, чтобы я получила разрешение поступить в пятнадцать лет. Однако, все было бесполезно. Монсеньор сказал, что перед принятием окончательного решения, необходимо поговорить с настоятелем Кармеля. Ничего более огорчительного я не могла услышать, потому что знала о категорическом отказе настоятеля. Поэтому, не принимая в расчет совет викария, я не только показала монсеньору алмазы, но и подарила их ему! Я видела, что он был растроган. Обняв меня, он прижал мою голову к своему плечу и приласкал меня; казалось, что до сих пор он еще ни к кому не относился с такой нежностью. Он говорил мне, что не все потеряно, что он очень рад моей предстоящей поездке в Рим, во время которой я смогу укрепиться в своем призвании, и что вместо того, чтобы плакать, я должна радоваться. Потом он добавил, что на следующей неделе ему придется поехать в Лизье, и он поговорит обо мне с настоятелем собора св. Иакова, и я, несомненно, получу его ответ в Италии. Я поняла, что бесполезно возобновлять просьбы; к тому же, мне больше нечего было сказать, все запасы красноречия были исчерпаны.

Монсеньор проводил нас до сада. Папа сильно позабыл его, рассказав, что для того, чтобы казаться старше, я зачесала волосы наверх. (Это не было забыто, поскольку монсеньор не говорит о "своей девочке", не рассказав истории с волосами.) Аббат Р. пожелал проводить нас до конца сада и сказал папе, что никогда еще ничего подобного не было видано: "Отец так же спешит отдать свое дитя Господу Богу, как и само это дитя — принести себя в жертву!".

Папа попросил его дать некоторые разъяснения насчет паломничества и, среди прочего, как надо быть одетым, чтобы предстать перед Святым Отцом. У меня до сих пор стоит перед глазами, как он поворачивается перед аббатом Реверони: "Вот так, этого достаточно?" Он также сказал монсеньору, что если тот не позволит мне поступить в Кармель, я буду просить этой милости у самого Папы Римского. Он был так прост в словах и манерах, мой дорогой король, так прекрасен. В нем было природное благородство, которое должно было понравиться монсеньору, привыкшему к общению с людьми, знакомыми с правилами салонного этикета, но не с самим *королем Франции и Наварры и его принцессой*...

Когда я оказалась на улице, у меня снова хлынули слезы, но не столько из-за горя, сколько при виде бедного папы, предпринявшего бесполезную поездку. Он предвкушал, как пошлет в Кармель телеграмму с известием о благоприятном ответе монсеньора. Вместо этого ему пришлось вернуться ни с чем. Как же я была огорчена! Мне казалось, что будущее навсегда

разбито, и чем ближе к цели я подходила, тем более запутанными казались дела. Моей душе было горько, но был в ней и мир, ибо я искала только воли Божией.

Приехав в Лизье я тотчас отправилась искать утешения в Кармеле и обрела его возле вас, моя дорогая матушка. Нет! Я никогда не забуду всего того, что вы претерпели ради меня. Если бы я не боялась осквернить те слова, с которыми Господь обратился к апостолам вечером накануне Своих Страданий, то могла бы сказать: "Но вы пребыли со Мною в напастях Моих". (Лк. 22, 28) И мои любимые сестры тоже ласково утешали меня...

ГЛАВА 6

Поездка в Рим (1887)

Париж: Божия Матерь Победительница. — Швейцария. — Милан, Венеция, Болонья, Лоретто. — Колизей и катакомбы. — Аудиенция у Льва XIII. — Неаполь, Ассизи, возвращение во Францию. — Три месяца ожиданий.

Через три дня после поездки в Байе мне предстояло совершить еще одну, более дальнюю, поездку в вечный город. Какое это было путешествие! Оно дало мне больше, чем все долгие годы учебы; оно показало мне тщетность всего преходящего, показало, что все под солнцем — томление духа. (см. Екк. 2, 11) Но тем не менее, созерцая чудесные памятники искусства и христианской культуры, я увидела много прекрасного, особенно, когда ступала по той же земле, что и апостолы, земле, орошенной кровью мучеников, когда душа моя возрастала от соприкосновения со святынями.

Я очень счастлива, что побывала в Риме. И я понимаю тех людей, которые полагали, что папа устроил это дальнейшее путешествие для того, чтобы изменить мои мысли о монашеской жизни; там, действительно, было от чего пошатнуться неокрепшему призванию.

Мы с Селиной никогда не вращались в высшем обществе. Здесь же мы оказались в дворянской среде, к которой принадлежали почти все наши паломники. Все эти титулы совсем не приводили нас в восхищение и казались дымом... Издалека это пускало немного пыли в глаза, но вблизи я увидела, что "не все золото, что блестит" и поняла слова из "Подражания": "Да не будет тебе заботы ни о великой славе, тенью мелькающей, ни о близком знакомстве со многими, ни о тесном содружестве людском." (Подражание кн. 3 — 24, 2)

Я поняла, что истинное величие в душе, а не в имени, ибо, как говорит пророк Исайя: "Господь Бог назовет избранных Своих иным именем" (см. Ис. 65, 15), а апостол Иоанн продолжает: "Побеждающему дам белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает" (Откр. 2, 17)". Итак, только на Небе мы узнаем наше дворянское звание, "...и тогда каждому будет похвала от Бога" (1 Кор. 4, 5) согласно его заслугам, и тот, кто на земле пожелал быть самым бедным, самым забытым ради любви к Господу, тот станет первым, самым благородным и самым богатым!

Второе, что я узнала на опыте, касается священников. Так как я никогда не жила среди них, то никак не могла понять основную цель реформы Кармеля. Меня восхищала молитва за грешников, но казалось странным молиться за души священников, которые мне представлялись прозрачнее кристалла!

Суть своего призвания я поняла в Италии, и не так уж это далеко для такого полезного знания...

Целый месяц я жила в окружении священников и видела, что, если высокий сан и возносит их выше ангелов, то сами они остаются слабыми и немощными людьми... И если священники, которых Господь в Евангелии называет "солью земли", всем своим поведением показывают, что они крайне нуждаются в молитвах, стоит ли говорить о тех, кто "не горяч и не холоден"?

Не говорил ли Господь еще: "Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?" (Мф. 5, 13)

Матушка! Как прекрасно призвание, которое сберегает соль, предназначенную душам — призвание Кармеля, ибо единственная цель наших молитв и жертв в том, чтобы быть *апостолами апостолов*, молясь за них, когда они обращают души к Евангелию своим словом и, особенно, своим примером. Мне надо остановиться. Если я продолжу говорить на эту тему, то никогда не закончу!

Я собираюсь рассказать вам, дорогая матушка, о моем путешествии с некоторыми подробностями. Простите, если их будет слишком много. Я не думаю перед тем, как пишу, и из-за небольшого количества свободного времени занимаюсь этим от случая к случаю. Простите, если мой рассказ покажется вам скучным... Меня утешает мысль о том, что на Небе я снова поведаю вам о полученных мною милостях, но тогда уже смогу воспользоваться совсем иными словами. Тогда ничто не сможет прервать наши беседы, и вы все поймете с одного взгляда. Увы, сейчас мне еще приходится пользоваться языком печальной земли, но я постараюсь делать это с простотой младенца, который уверен, что мать любит его!

Паломничество отправлялось из Парижа 7 ноября, но папа привез нас туда несколькими днями раньше, чтобы осмотреть его.

В три часа утра я проезжала через спящий Лизье, и множество чувств сменилось в моей душе. Я понимала, что иду навстречу неизвестному, и там меня ждет великое... Папа был весел; как только поезд тронулся, он запел старую песенку: "Катись, катись, мой дилижанс, уже мы на большой дороге". Утром мы приехали в Париж и сразу же стали осматривать его. Чтобы доставить нам удовольствие, папа сильно утруждал себя, и очень скоро мы пересмотрели все чудеса столицы. Меня же восхитило лишь одно — "Божия Матерь Победительница". Не могу выразить, что ощутила я у Ее ног. Благодать, которой я удостоилась, так глубоко тронула меня, что только слезы могли передать мое счастье, как в день первого причастия... Пресвятая Богородица дала почувствовать, что это действительно Она тогда улыбнулась мне и исцелила меня. Я поняла, что Она хранит меня, что я — Ее дитя, и отныне могу называть Ее "Мамой": мне показалось, что это нежнее, чем "Матерь". С каким усердием я молила Ее всегда хранить меня и поскорее исполнить мою мечту, укрыв под сенью Своего девственного покрова! Это было одно из моих первых детских желаний. По мере возрастания я поняла, что лишь в Кармеле смогу обрести покров Пресвятой Богородицы, и все мои желания устремились к этой плодородной горе...

Еще я молила Божию Матерь Победительницу отдалить от меня все, что могло бы запятнать мою чистоту. Я понимала, что в таком путешествии встретится многое, способное смутить. Я боялась встретиться со злом, особенно, из-за того, что не была с ним знакома и не проверила на собственном опыте, что "для чистых все чисто" (Тит. 1, 15), что простая и правдивая душа ни в чем не видит зла, ибо, в конечном итоге, зло существует только в нечистых сердцах, а не в предметах, лишенных чувств... Еще я просила святого Иосифа Обручника хранить меня; с самого детства я почитала и любила его вместе с Пресвятой Богородицей. Каждый день я читала молитву: "О святой Иосиф, отец и покровитель дев" и поэтому безо всякого страха отправилась в дальнейшее путешествие. Я была так хорошо защищена, что мне казалось просто немислимым чего-либо бояться.

В понедельник утром после того, как в базилике на Монмартре нас посвятили Святому Сердцу Иисуса, мы выехали из Парижа. Вскоре мы познакомились с участниками паломничества. Я, настолько застенчивая, что обычно едва осмеливалась говорить, почувствовала, что избавлена от этого стесняющего недостатка; к великому своему изумлению я свободно беседовала со знатными дамами, священниками и самим монсеньором Кутанским. Казалось, я жила в этом обществе всегда. Думаю, что нас все полюбили, и папа, наверное, гордился своими дочерьми. Но если он и гордился нами, то мы — в равной степени им, ибо среди паломников не было более красивого и благородного господина, чем мой дорогой король. Ему нравилось находиться в нашем с Селиной окружении и, зачастую, когда мы выходили из экипажа, а я несколько удалялась от папы, он звал меня, чтобы взять за руку, как в Лизье.

Аббат Реверони внимательно следил за всеми нашими действиями, — я часто замечала, как он издали поглядывал на нас. Когда за столом я садилась не напротив него, он находил способ повернуться так, чтобы видеть меня и слышать, о чем я говорила. Несомненно, ему хотелось получше узнать меня, чтобы понять, действительно ли я способна стать кармелиткой. Полагаю, что результат такого экзамена удовлетворил его, потому что к концу путешествия он казался уже более расположенным ко мне, хотя в Риме и был далек от содействия, как я сейчас расскажу. Прежде, чем мы приехали в вечный город к цели нашего паломничества, нам дали возможность увидеть многие чудеса. Сначала это была Швейцария с ее горами, вершины которых терялись в облаках, с живописными водопадами, искрящимися на тысячи ладов, с глубокими долинами, покрытыми гигантскими папоротниками и розовым вереском. Дорогая матушка, какое благотворное воздействие на мою душу оказало такое обилие красоты! Как возносило оно к Тому, Кто щедро разбросал все это по земле изгнания, которой и не просуществовать-то дольше одного дня... Мне не хватало глаз, чтобы смотреть. Стоя у окна я почти теряла дыхание, мне хотелось одновременно быть с двух сторон вагона, ведь, поворачиваясь, я видела волшебные пейзажи, совершенно не похожие на те, что простирались передо мной.

Иногда мы оказывались на самой вершине горы, и тогда пропасть, лежащая под ногами, чью глубину невозможно было измерить взглядом, хотела, казалось, поглотить нас... А вот уютная деревенька с аккуратными швейцарскими домиками и колокольной, над которой мягко покачиваются белоснежные облака... чуть дальше — огромное озеро, вызолоченное последними лучами заходящего солнца; спокойные прозрачные воды, вобравшие в себя небесную синеву, сливающуюся с огнем заката, представляли нашему изумленному взору самое прекрасное зрелище, которое только можно увидеть... На горизонте виднелись горы. Их неясные очертания могли бы ускользнуть от нашего взгляда, если б не снежные, сверкающие на солнце вершины, которые придавали еще большее величие чудесному озеру...

Вся эта красота рождала в моей душе возвышенные мысли. Мне казалось, что я уже постигаю величие Бога и чудеса Неба... Монашеская жизнь виделась мне такой, какая она есть, со всей ее строгой подчиненностью и незаметно приносимыми небольшими жертвами. Я понимала, как просто замкнуться, забыть о высокой цели своего призвания, и говорила себе: "Позже, в час испытания, в заключении Кармеля, когда я смогу созерцать лишь уголок звездного неба, я вспомню то, что вижу сегодня. Эта мысль придаст мужества, и мне будет проще забыть о своих жалких интересах при виде величия и могущества Бога, ибо только Его я хочу любить и не стану привязываться к мишуре теперь, когда "мое сердце предвосхищает то, что приготовил Бог любящим Его!" (см. 1 Кор. 2, 9).

Налюбовавшись могуществом Божиим, я смогла увидеть какими возможностями Он наделил Свои создания. Первым итальянским городом, который мы посетили, был Милан. Его кафедральный собор из белого мрамора с таким количеством статуй, что они составляли целый народ, был осмотрен нами до мельчайших подробностей. Мы с Селиной были неутомимы и везде первыми следовали за монсиньором, чтобы видеть и слышать все, что касалось мощей святых; когда же монсиньор совершал Евхаристию на могиле святого Карла, мы вместе с папой стояли рядом с алтарем, склонив головы к раке. Так было повсюду, за исключением тех мест, куда монсиньору не позволял взбираться епископский сан; тогда мы спокойно отходили от его преосвященства. И пускай боязливые дамы, вскарабкавшись на первые колоколенки, венчающие собор, закрывали лицо руками, — мы шли по стопам самых отважных паломников. Поднявшись до верха последней колокольной, мы с радостью увидели раскинувшийся у наших ног Милан, многочисленные жители которого напоминали небольшой муравейник... Спустившись оттуда, мы в экипажах отправились на прогулку, которой предстояло продлиться целый месяц и навсегда насытить мое желание кататься без усталости! Кампо Санто восхитил нас более, чем собор. Как хотелось утешить эти статуи из белого мрамора, словно ожившие под резцом гения и разбросанные по огромному кладбищу с некоторой небрежностью, что, на мой взгляд, придавало им только больше очарования. Выражение их лиц так правдиво, а скорбь так тиха и смиренна, что нельзя не признать, что

сердце скульптора, высекавшего эти шедевры, наполняли мысли о бессмертии. Вот ребенок, бросающий цветы на могилу родителей. Кажется, мрамор стал невесомым, и нежные лепестки скользят между пальцами, а ветер подхватывает их; он колышет легкую вуаль вдов и ленты, украшающие волосы девушек. Папа был восхищен так же, как и мы; в Швейцарии он выглядел уставшим, но потом веселость вернулась к нему. Его душа художника наслаждалась этим прекрасным зрелищем, что было заметно по выражению восторга на его лице. Один пожилой господин (француз), несомненно, не имевший столь поэтической натуры, краешком глаза следил за нами и, всем своим видом выказывая сожаление, с раздражением говорил, что не способен разделить нашего восхищения: "Ах! как восторженны эти французы!" Мне кажется, этому бедному господину лучше было бы остаться дома: он совсем не производил впечатления человека, довольного путешествием. Он часто оказывался рядом с нами, и всегда из его уст исходили жалобы; он был недоволен экипажами, гостиницами, людьми, городами — словом, всем... Папа с присущим ему великодушием старался утешить его, уступал свое место и т.д., он-то чувствовал себя хорошо всегда и везде, являя собою полную противоположность своего нелюбезного соседа... Каких только человеческих типов мы не рассмотрели, как интересно изучать мир, когда готовишься его оставить!

В Венеции картина совершенно изменилась. Вместо шума большого города в тишине были слышны только выкрики гондольеров да плеск волны, поднимаемой веслами. Венеция не лишена очарования, но мне этот город показался грустным. Дворец дождей с его просторными залами, в которых выставлены напоказ картины знаменитых художников, ценные изделия из золота, дерева и мрамора, великолепен, но все-таки тоже печален. Давно уже в гулких сводах залов, по которым мы проходили, не звучали голоса правителей, выносивших смертные приговоры. Закончились страдания несчастных узников, которых дожи заключали в подземные каменные мешки. При посещении этих ужасающих тюрем мне казалось, что я живу во времена мучеников, и мне хотелось остаться там, чтобы подражать им! Однако пришлось быстро выйти оттуда и пройти по Мосту Вздохов, названному так из-за вздохов облегчения осужденных, избавленных от ужасов подземелий, которым они предпочитали смерть...

После Венеции мы отправились в Падую, где поклонились частице мощей святого Антония; затем в Болонью, где видели святую Екатерину, сохранившую след поцелуя Младенца Иисуса. Я могла бы вдаваться во множество интересных мелочей по поводу каждого города и незначительных подробностей нашего путешествия, но тогда я никогда не закончу, и поэтому буду описывать лишь основное.

Я покидала Болонью с радостью. Этот город стал для меня невыносимым из-за студентов, которыми он переполнен. Если, к несчастью, нам приходилось идти пешком, они выстраивались в ряд. Особенно неприятным было столкновение, произошедшее между мной и одним из них, и я была счастлива отправиться в Лоретто. Я не удивилась тому, что Пресвятая Дева выбрала это место и перенесла сюда Свой дом* (Как и большинство католиков своего времени, Тереза ни на минуту не усомнилась в достоверности легенды о чудесном перенесении в Лоретто дома Пресвятой Богородицы и Иосифа Обручника.). Там безраздельно царили мир, радость и бедность; все было просто и примитивно, женщины сохранили свой грациозный итальянский наряд и не переняли парижскую моду подобно обитательницам других городов. Словом, Лоретто меня очаровал! Что рассказать о доме? Я была глубоко взволнована, оказавшись под тем же кровом, что и Святое Семейство. Я смотрела на стены, где Господь останавливал Свой взор, ступала по земле, которую орошал своим потом святой Иосиф Обручник, где Пресвятая Богородица держала на руках Иисуса, после того, как выносила Его в Своем девственном чреве... Я видела ту комнатку, где ангел явился Пресвятой Деве Марии. И положила свои четки в мисочку Младенца Иисуса... Как восхитительны эти воспоминания!

Но самым большим утешением стала возможность принять Самого Господа в Его доме и сделаться Его живым храмом в том самом месте, которое Он удостоил Своим присутствием. Согласно итальянскому обычаю дароносица хранится в каждой церкви только на одном

престоле, и только там можно причаститься. Этот престол находился в той же базилике, что и дом, заключенный, словно драгоценный алмаз, в оправу из белого мрамора. Но не в этом было счастье — мы хотели причаститься в самом алмазе, а не в оправе... Папа, со свойственной ему кротостью, поступил как все, а мы с Селиной пошли к священнику, сопровождавшему нас повсюду, который как раз собирался, по особому разрешению, служить мессу в Санта-Каза. Он попросил две маленькие hostии, которые положил на патену рядом с большой, и вы понимаете, дорогая матушка, весь наш восторг от того, что мы обе причастились в этом благословенном доме! Это было небесное счастье, которое не передать словами. Что же будет, когда мы станем причащаться в обители Царя Небесного? Тогда радости нашей не будет конца, не будет грусти расставания, а для того, чтобы унести с собой что-нибудь на память, не нужно будет украдкой скоблить стены, ибо Его дом станет нашим на веки вечные... Он не желает отдать нам Свой земной дом и довольствуется лишь тем, что показывает его, чтобы мы полюбили бедность и скромность; нам же Он уготовал Свой чертог славы, где мы увидим Его уже не скрытого в облике Младенца или под видом белой hostии, но, как Он есть — во всем Его великолепии!

Теперь остается рассказать только о Риме — цели нашего путешествия, где я думала обрести утешение, но нашла лишь крест! Когда мы приехали, была ночь, и так как мы уснули, то были разбужены криками вокзальных служащих: "Roma, Roma". Это был не сон, я была в Риме!

Наш первый день и, наверное, самый прекрасный день мы провели за городом, где все памятники дышали стариной, в то время как в центре Рима при взгляде на великолепие гостиниц и магазинов можно было подумать, что находишься в Париже. От этой прогулки по окрестностям Рима у меня остались самые приятные воспоминания. Я не стану ничего рассказывать о местах, которые мы посетили, — существует достаточное количество книг с их описанием — но только о главных впечатлениях, пережитых мной. Как я возрадовалась при виде Колизея! Наконец-то я увидела ту арену, где столько мучеников пролило свою кровь за Христа, и уже собиралась поцеловать освященную ими землю, но какое разочарование! Арена представляла собою груды обломков, видом которых паломники должны были удовольствоваться, так как вход туда был закрыт, к тому же никто и не пытался проникнуть в эти развалины... Стоило ли приезжать в Рим, чтобы не спуститься в Колизей? Это мне казалось невозможным, я больше не слушала объяснений гида, и только одна мысль занимала меня: спуститься на арену. Увидев рабочего с лестницей, я дошла до того, что была готова попросить у него эту лестницу. К счастью, я этого не сделала, так как он принял бы меня за сумасшедшую. В Евангелии сказано, что Мария Магдалина стояла у гроба и несколько раз наклонялась, чтобы заглянуть внутрь, пока не увидела двух ангелов (см. Ин. 20, 11-12). Подобно ей, полностью сознавая невозможность исполнить свои желания, я продолжала наклоняться к развалинам; в конце концов, я увидела не ангелов, но то, что искала, и вскрикнув от радости, сказала Селине: "Иди скорей, мы сможем пройти!" Мы быстро преодолели заграждение — в этом месте оно было вровень с обломками — и полезли по развалинам, которые рушились у нас под ногами.

Папа, удивленный нашей смелостью, сперва молча смотрел на нас, потом сказал, чтобы мы вернулись, но беглянки уже ничего не слышали. Как растет мужество воинов среди опасности, так, по мере преодоления трудностей на пути к желанной цели, возрастала наша радость. Селина, более предусмотрительная, чем я, слушала гида и, вспомнив, что он упомянул о небольшом месте с вымощенным крестом, где сражались мученики, принялась искать; найдя его мы встали там на колени. Наши души слились в единой молитве... Мое сердце сильно билось, когда губы приблизились к пыли, обогрелой кровью первых христиан. Я просила о милости тоже стать мученицей за Христа и в глубине сердца почувствовала, что моя молитва услышана! Все это произошло очень быстро; прихватив несколько камешков, мы отправились к развалинам стен, чтобы снова повторить опасное путешествие. Видя, как мы счастливы, папа не стал нас бранить, и я заметила, что он даже гордился нашей смелостью. Господь явно хранил нас, так как паломники ничего не заметили. Они были далеко и занимались осмотром без всякого сомнения великолепных сводов, где гид

обращал внимание на "корнишоны и сидящих на них жадюг"* ("...les petits cornichons et les cupides poses dessus". Тереза подшучивает над гидом в Колизее, который не очень хорошо владел французским. Вероятно, он хотел сказать: "...les corniches et les petits Cupidons..." ("...карнизы и маленькие купидоны...").), поэтому ни он, ни "господа аббаты" не знали о той радости, которая переполняла наши сердца...

Катакомбы тоже произвели на меня сильное впечатление: они оказались такими, какими я их себе представляла, читая жития мучеников. Я провела в них значительную часть послеобеденного времени, но думала, что пробыла там лишь несколько мгновений, настолько их воздух показался мне благоуханным... Из катакомб надо было непременно взять что-нибудь на память, поэтому подождав, когда поломники немного удалятся, Селина с Терезой проскользнули на самое дно бывшей гробницы святой Цецилии и набрали земли, освященной ее присутствием. До поездки в Рим я не очень-то почитала эту святую. Но, посетив переделанный в церковь ее дом и место мученичества, я узнала, что ее именуют царицей гармонии в память о *песне чистой девы*, которую она пропела в своем сердце Небесному Жениху, а вовсе не из-за прекрасного голоса и способностей к музыке. Тогда я почувствовала к ней нечто большее, чем почитание: настоящую нежность подруги. Она стала моей любимой святой и ближайшей наперсницей. Все в ней восхищало меня, особенно, полное самоотречение и безграничное доверие, которые делали ее способной призывать к целомудрию тех, кто никогда не желал иных утех, кроме радостей земной жизни.

Святая Цецилия подобна невесте из Песни песней, в ней я вижу "хор в военном лагере!"* (Песнь песней 7, 1. (См. брюссельское издание Библии на русском языке.)) Ее жизнь — не что иное, как прекрасная песня среди великих испытаний, и это не удивляет меня, потому что "Святое Евангелие покоилось на ее сердце!"* (Цитата из поэмы св. Цецилии.), а в ее сердце покоился Жених...

Посещение церкви святой Агнессы тоже стало для меня большой радостью: туда я пошла навестить *подругу детства* и долго говорила с ней о той, кто так достойно носит ее имя. Я приложила все усилия, чтобы привезти моей дорогой матушке какую-нибудь реликвию от ее небесной покровительницы. Но было невозможно заполучить что-либо кроме красного камешка, отвалившегося от роскошной мозаики времен святой Агнессы, на которую она должна была часто смотреть. Не чудесно ли, что святая благосклонно сама дала то, что мы искали и что запрещено было брать? Я всегда расценивала это, как проявление любви, с которой святая Агнесса взирает на мою любимую матушку и хранит ее!

Шесть дней мы осматривали главные достопримечательности Рима, а на седьмой я увидела наибольшую: Льва XIII. Этот день... Как я стремилась к нему и, одновременно, боялась его. От него зависело мое будущее, поскольку ответ монсиньора, который я должна была получить, еще не пришел. А из вашего, матушка, письма я узнала, что он уже не так хорошо расположен ко мне, поэтому единственным якорем спасения стало разрешение Святого Отца... Но, чтобы получить, надо было испросить его, осмелиться перед всеми обратиться "к Папе". Эта мысль бросала меня в дрожь, и лишь Одному Богу да Селине известно, что я выстрадала перед аудиенцией. Никогда не забуду, как она разделяла со мной все мои испытания. Казалось, мое призвание стало ее призванием. (Наша взаимная любовь была замечена священниками во время паломничества: как-то вечером общество было столь многочисленно, что не хватало стульев; Селина посадила меня к себе на колени, и мы так нежно смотрели друг на друга, что один священник воскликнул: "Как они любят друг друга, эти сестры никогда не смогут расстаться!" Да, мы любили друг друга, но наша привязанность была так чиста и так сильна, что мысль о разлуке не беспокоила нас, ибо мы чувствовали, что ничто, даже океан, не сможет отдалить нас друг от друга... Селина спокойно смотрела, как моя лодочка подплывала к берегам Кармеля, она смирилась с мыслью пребывать в бушующем море этого мира так долго, как будет угодно Господу Богу, уверенная, что в свою очередь причалит к берегу — предмету наших желаний...)

В воскресенье 20 ноября нас одели как полагается в Ватикане (в черное, с кружевным шарфом на голове) и украсили большой, висящей на бело-синей ленте, медалью Льва XIII,

после чего мы вошли в Ватикан, в церковь Папы Римского. Велико было наше волнение, когда в восемь часов мы увидели, как он вошел, чтобы отслужить святую мессу... Благословив многочисленных паломников, собравшихся вокруг него, он взошел по ступеням к алтарю и своим благоговением, достойным заместителя Иисуса Христа, показал, что он, действительно, "Святой Отец". Мое сердце сильно билось, а молитвы пламенели, когда Господь пребывал в руках Его Святейшества. Я была полна доверия, ведь Евангелие того дня содержало дивные слова: "Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам царство" (Лк. 12, 32). Нет, я не боялась, я надеялась, что царство Кармеля скоро будет принадлежать мне. Тогда я не думала о других словах Господа: "И Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство" (Лк. 22, 29), что означает: оставляю вам крест и испытания, только таким образом вы сделаетесь достойными обладать этим царством, по которому вы так томитесь, ибо "не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою" (Лк. 24, 26), и если желаете сесть по правую и по левую сторону от Него, пейте чашу, которую Он Сам испил (см. Мф. 20, 21-23). Эта чаша была преподнесена мне Святым Отцом, и мои слезы смешались с горьким напитком. Аудиенция началась после благодарственной мессы — эта месса следовала за той, которую служил Его Святейшество. Лев XIII сидел в огромном кресле, одетый совсем просто, в белой сутане и короткой накидке того же цвета, на голове его была лишь камилавка. Его окружали кардиналы, архиепископы и епископы, но я видела их смутно, так как была занята Святым Отцом; мы шествовали перед ним, и каждый паломник становился на колени, целовал туфлю и руку Льва XIII, получал благословение, затем два стража касались его согласно церемонии, давая знак подняться с колен (его — паломника, я объясняюсь так плохо, что можно подумать, будто это относится к Папе). Перед тем, как войти в папские апартаменты, я твердо решила говорить, но почувствовала, что мое мужество слабеет, когда справа от Святого Отца увидела аббата Реверони! Почти в то же мгновение нам сказали от его лица, что он запрещает обращаться к Льву XIII, поскольку аудиенция и так продолжается слишком долго... Я повернулась к Селине, чтобы узнать ее мнение. "Говори!" — сказала она. Через минуту я была уже у ног Святого Отца; когда я поцеловала его туфлю, он протянул мне руку, но вместо того, чтобы поцеловать ее, я воскликнула, сложив руки и подняв к его лицу глаза, полные слез: "Ваше Святейшество, прошу у вас великой милости!" Тогда Папа Римский наклонил ко мне голову так, что мое лицо почти касалось его лица. Я увидела черные, глубокие глаза, которые пристально смотрели на меня и, казалось, проникали внутрь души. "Ваше Святейшество, — сказала я ему, — в честь вашего юбилея, позвольте мне поступить в Кармель в пятнадцать лет!"

Разумеется, мой голос дрожал от волнения, поэтому повернувшись к аббату Реверони, который удивленно и недовольно смотрел на меня, Святой Отец произнес: "Я не очень хорошо понимаю". Если бы Господь Бог допустил, то аббату Реверони было бы очень просто получить для меня то, чего я желала, но Господу было угодно даровать мне крест, а не утешение. "Ваше Святейшество, — ответил викарий, — это дитя хочет поступить в Кармель в пятнадцать лет, но настоятели сейчас рассматривают этот вопрос". "Ну что ж, дитя мое, — продолжил Святой Отец ласково глядя на меня, — поступайте так, как скажут вам настоятели". Тогда, положив руки к нему на колени, я сделала последнюю попытку и умоляющим голосом сказала: "О, Ваше Святейшество, если бы вы сказали "да", тогда все были бы согласны!" Он пристально посмотрел на меня и произнес, делая ударение на каждом слове: "Хорошо... Хорошо... Вы поступите, если это угодно Господу Богу..." (В его интонации было нечто столь проникновенное и убедительное, что мне кажется, будто я еще слышу его). Доброта Святого Отца придала мне смелости, я хотела еще что-то сказать, но два стража вежливо прикоснулись ко мне, чтобы я вставала; видя, что этого недостаточно, они взяли меня под руки, а аббат Реверони помог им меня приподнять, так как я все еще продолжала опираться руками о колени Льва XIII, и только силой можно было оторвать меня от его ног... Когда меня таким образом поднимали, Святой Отец приложил свою руку к моим губам, а потом поднял ее, чтобы благословить. Тогда мои глаза наполнились слезами, и аббат Реверони увидел алмазов не меньше, чем в Байе... Два стража отнесли меня, если можно так

выразиться, к двери, а там третий вручил мне медаль Льва XIII. Идущая за мной Селина, взволнованная почти так же, как я, была свидетельницей этой сцены, но у нее, все-таки, хватило мужества попросить Святого Отца благословить Кармель. Аббат Реверони ответил недовольным голосом: "Кармель уже благословили". И Святой Отец ласково повторил: "О, да, его уже благословили". Папа побывал у ног Льва XIII раньше нас (вместе с мужчинами). Аббат Реверони был очень приветлив с ним, представив его, как отца двух кармелиток. В знак особого благоволения Святой Отец положил руку на голову моего короля, видимо, таким образом отметив его таинственной печатью от имени Того, чьим представителем он являлся... Теперь, когда отец четырех кармелиток пребывает на Небе, на сияющем челе этого верного раба покоится уже не рука Папы, предвозвестившего ему мученичество... но рука Царя Славы. И уже никогда эта божественная рука не отстранится от чела, которое она прославила!

Мой дорогой отец очень огорчился, найдя меня в слезах при выходе с аудиенции. Он делал все возможное, чтобы утешить меня, но тщетно... В глубине сердца я ощущала мир и покой, поскольку сделала абсолютно все, что было в моей власти, чтобы ответить на призыв Господа Бога. Но этот мир был в глубине, а душу переполняла горечь, ибо Господь молчал. Казалось, Он отсутствовал, и ничто не являло мне Его присутствия. В этот день солнце еще не решалось сиять, а прекрасное голубое небо Италии, покрытое темными тучами, не переставало плакать вместе со мной. Все было кончено, поездка больше не привлекала меня, потому что цель не была достигнута. Между тем последние слова Святого Отца должны были бы меня утешить: действительно, не являлись ли они настоящим пророчеством? Ведь несмотря на все препятствия, исполнилось именно то, что было угодно Господу Богу. Он не позволил Своим созданиям делать то, что хотели они, но творить волю Его... С некоторых пор я полностью вверила себя в руки Младенца Иисуса, чтобы сделаться Его игрушкой. Я просила Его обращаться со мной, не как с дорогой игрушкой, на которую дети только смотрят, не осмеливаясь прикоснуться, но как с не имеющим никакой ценности мячиком, который Он мог бы бросить на пол, наподдать ногой, проткнуть, оставить в углу или же, если это доставит Ему удовольствие, прижать к Своему Сердцу, — одним словом, мне хотелось позабавить Младенца Иисуса, сделать Ему приятное, отдать себя Его детским прихотям. И Он внял моей молитве.

В Риме Иисус проткнул Свою игрушку, Ему захотелось посмотреть, что у нее внутри, а после того, как увидел и остался доволен Своим открытием, Он уронил мячик и уснул... Что делал Он во время Своего сладкого сна и что стало с брошенным мячиком? Иисусу снилось, что Он еще забавляется со Своей игрушкой: подбрасывает мячик, ловит его, откатывает далеко от Себя, а потом берет и прижимает к Сердцу, не давая больше отдалиться от Своей маленькой Руки...

Вы понимаете, дорогая матушка, как опечалился мячик, увидев себя на полу... И все же я не переставала надеяться вопреки всякой надежде (см. Рим. 4, 18). Через несколько дней после аудиенции у Святого Отца папа отправился навестить брата Симеона и нашел у него аббата Реверони, который был очень любезен. Папа весело упрекнул его, что он не помог мне в моем трудном начинании, а затем рассказал брату Симеону историю своей принцессы. Почтенный старец выслушал его рассказ с большим интересом, что-то даже записал для себя и растроганно сказал: "В Италии такого не увидишь!". Я думаю, что эта встреча произвела хорошее впечатление на аббата Реверони; впоследствии он всякий раз показывал, что убедился, наконец, в моем призвании.

На другой день после памятной аудиенции нам предстояло утром отправиться в Неаполь и Помпею. В нашу честь весь день грохотал Везувий, который вместе с пушечными выстрелами выпустил густой столб дыма. Следы, оставленные им на развалинах Помпеи, ужасны, они являют собой всемогущество Бога, Который: "призывает на землю, и она трясется; прикасается к горам, и дымятся..." (Пс. 103, 32) Мне хотелось одной погулять среди развалин, поразмышлять о недолговечности дел человеческих, но толпы посетителей сглаживали печальное очарование разрушенного города... В Неаполе все было наоборот. Большое количество экипажей в две лошади придали великолепию нашей прогулке в монастырь Сан

Мартино, на высоком холме, нависающем над городом. К несчастью, лошади постоянно закусывали удила, и я не раз думала, что настал мой последний час. Напрасно кучер все время повторял магическое слово итальянских извозчиков: "Аррїрау, аррїрау..." Бедным лошадам хотелось перевернуть экипаж, и, только благодаря помощи наших ангелов-хранителей, мы доехали до великолепной гостиницы. Во время путешествия мы останавливались в шикарных гостиницах; никогда я не жила в такой роскоши. Это тот самый случай, когда можно сказать, что не в богатстве счастье, ибо я была бы счастливее под соломенной крышей с надеждой на Кармель, нежели посреди позолоченной лепнины, лестниц из белого мрамора, шелковых покрывал и с горечью в сердце... Я хорошо почувствовала, что радость не в том, что окружает нас. Она находится в глубине души, и обладать ею можно как в тюрьме, так и во дворце. И вот доказательство: в Кармеле, несмотря на внутренние и внешние испытания, я более счастлива, чем в миру, со всеми его удобствами и, особенно, ласками родительского очага!

Моя душа была повержена в печаль, хотя внешне я оставалась такой же, так как думала, что моя просьба к Святому Отцу сохранилась в тайне. Но вскоре я смогла убедиться в обратном. Оставшись в вагоне наедине с Селиной (остальные паломники во время остановки отправились на несколько минут в буфет), я увидела аббата Легу, викария монсиньора Кутанского, который открыл дверцу, улыбаясь посмотрел на меня, и спросил: "Ну, как поживает наша кармелиточка?" Тогда я поняла, что все паломники знают о моей тайне. К счастью, никто не заговаривал об этом со мною, но по тем благожелательным взглядам, которые на меня бросали, я видела, что моя просьба не произвела плохого впечатления, наоборот... В небольшом городке Ассизи я по воле случая села в экипаж аббата Реверони. Подобная милость не оказывалась ни одной даме на протяжении всего путешествия. Вот как я получила эту привилегию.

Посетив места, отмеченные добродетелями святого Франциска и святой Клары, мы завершали осмотр монастыря святой Агнессы, сестры святой Клары. Там я в свое удовольствие нагладелась на голову святой и, когда уходила одной из последних, обнаружила, что потеряла свой пояс. Я стала искать его среди толпы. Один священник сжалился надо мной и принялся помогать, но после того, как пояс был найден, я увидела, что он ушел. Тогда я одна продолжила поиски, потому что пояс-то у меня был, но его невозможно было надеть: не хватало пряжки... Наконец я увидела, как она блеснула в углу. Поднять и прикрепить ее было недолго, но сами поиски отняли много времени. Велико же было мое удивление, когда я оказалась одна рядом с церковью: все экипажи исчезли, за исключением экипажа аббата Реверони. Что делать? Бежать ли за экипажами, которых уже не видно, рискуя опоздать на поезд, и тем заставить папу волноваться, или же попросить место в коляске аббата Реверони? Я отдала предпочтение последнему. Несмотря на крайнее смущение, я с самым учтивым видом обрисовала ему свое критическое положение, чем смутила его самого, так как экипаж его был полон самыми представительными паломниками, и не было никакой возможности изыскать еще одно место. Но один очень любезный господин поспешил сойти, усадив меня на свое место, а сам скромно сел рядом с кучером. Я была похожа на белку, попавшую в западню. Мне было не по себе в окружении этих больших людей и, особенно, самого грозного, напротив меня... Однако он был очень приветлив и время от времени прерывал разговор с господами, чтобы поговорить со мной о Кармеле. Перед тем, как мы приехали на вокзал, все большие люди вытащили свои большие кошельки, чтобы дать денег кучеру (уже получившему свое). Я решила поступить, как они и достала свой малюсенький кошелек, но аббат Реверони не позволил мне вынуть блестящие маленькие монетки. Он предпочел подать одну большую за нас двоих.

Другой раз я оказалась рядом с ним в омнибусе. Он был еще более приветлив и пообещал сделать все, что сможет, для моего поступления в Кармель... Такие незначачие встречи проливали чуть-чуть бальзама на мои раны, но это не делало наше возвращение таким же приятным, как дорогу в Рим, потому что у меня больше не было надежды "на Святого Отца". Я не находила никакой помощи на земле, казавшейся мне пустыней, иссохшей и безводной (см. Пс. 62,2), вся моя надежда была на одного Господа Бога. Я только что на опыте

убедилась, что лучше прибегать к Нему, чем к Его святым* (Имеются в виду служители Церкви).

Но печаль души не мешала мне живо интересоваться теми святыми местами, которые мы посещали. Во Флоренции я была счастлива увидеть в церкви у кармелиток, открывших для нас главную решетку, мощи святой Магдалины из Пацци. Мы не знали, как этим воспользоваться. Многим хотелось приложить четки к гробнице святой, но только мне удалось просунуть руку сквозь решетку, поэтому все подавали мне четки, я же была очень горда этим служением. Мне всегда надо было найти способ прикоснуться ко всему. Так, в храме Креста Господня (в Риме) мы смогли поклониться частицам настоящего Креста, двум шипам и одному из священных гвоздей, который был помещен в великолепный золотой ковчежец искусной работы, но без стекла, поэтому, поклоняясь святыне, я изыскала способ дотронуться до гвоздя, орошенного кровью Иисуса Христа, просунув свой маленький палец в один из просветов ковчега. Я, действительно, была чересчур дерзновенна! К счастью, Господь, видящий глубины сердца, знает о чистоте моих намерений и о том, что ни за что на свете я не хотела бы быть Ему неприятной. Я вела себя с Ним, как дитя, которое думает, что ему все позволено, и смотрит на сокровища своего Отца, как на свои собственные (см. Лк. 15, 31). Еще я никак не могла понять, почему в Италии женщины могут быть так просто отлучены от церкви: каждую минуту нам говорили: "Сюда не входите... Туда не входите, вы будете отлучены!" Бедные женщины, как их презирают! Хотя их, любящих Господа Бога, гораздо больше, чем мужчин, а во время Крестных Страданий Господа нашего Иисуса Христа женщины оказались смелее апостолов: они не испугались оскорблений солдат и осмелились отереть благословенный Лик Иисуса... Конечно, только ради этого Он допустил, чтобы их участием на земле стало презрение, ибо именно его Он избрал для Себя Самого... На Небе Он сумеет показать, что Его мысли — не мысли мужчин (см. Ис. 55, 8) и тогда "последние будут первыми" (Мф. 20, 16). Не раз во время путешествия у меня не хватало терпения дожидаться Неба, чтобы стать первой... Однажды, в монастыре кармелитов, не удовлетворившись прогулкой с паломниками по внешним галереям, я прошла во внутренний дворик. Внезапно я увидела пожилого кармелита, который издали делал мне знак удалиться, но вместо того, чтобы уйти, я подошла к нему и, показывая на картины внутренней галереи, жестами выразила свое восхищение. Из-за распущенных волос и юного вида, он, несомненно, принял меня за девочку, добродушно улыбнулся и удалился, видя, что перед ним не враг; если бы я могла говорить по-итальянски, то сказала бы ему, что я — будущая кармелитка, но, благодаря строителям Вавилонской башни, это оказалось невозможным.

После осмотра Пизы и Генуи мы возвратились во Францию. На всем пути нас сопровождали великолепные виды. Порой мы ехали вдоль берега моря, где железная дорога проходила так близко, что мне казалось, будто волны вот-вот дойдут до нас (это зрелище было вызвано бурей, а вечер делал картину еще величественней), порой мы ехали по равнинам, покрытым апельсиновыми деревьями со спелыми плодами, зелеными оливами с легчайшей листвой и стройными пальмами... С наступлением вечера мы видели, как озарялись огнями многочисленные небольшие гавани, а на небе загорались первые звезды... Какой поэзией наполнялась моя душа при виде того, на что я смотрела в первый и последний раз в жизни! Без сожаления я видела, как все это исчезает, мое сердце жаждало иных чудес. Оно уже достаточно насмотрелось на земные красоты, теперь предметом его стремлений были красоты небесные, и ради того, чтобы дарить их другим душам, я пожелала стать узницей! Прежде, чем увидеть, как передо мной открываются двери благословенной темницы, по которой я так томилась, мне пришлось еще побороться и пострадать. Я почувствовала это после возвращения во Францию, между тем, доверие мое было велико, и я не переставала надеяться, что мне будет разрешено поступить в Кармель 25 декабря. Едва мы приехали в Лизье, как первым делом отправились в Кармель. Какая же это была встреча! За время разлуки у нас столько всего накопилось, чтобы поделиться друг с другом. За этот месяц, показавшийся мне таким долгим, я узнала больше, чем за многие годы...

Дорогая матушка, как радостно было снова увидеть вас, открыть вам мою израненную душу. Ведь вы так хорошо понимали меня, и одного слова, одного взгляда вам было достаточно, чтобы обо всем догадаться! Я от всего отреклась и сделала все от меня зависящее, вплоть до обращения к Святому Отцу, поэтому не знала, что еще должна сделать. Вы сказали мне написать монсиньору и напомнить о его обещании; я тотчас исполнила это, как могла хорошо, но в выражениях, которые мой дядя нашел слишком простыми, он переделал мое письмо; когда я пошла его отправлять, то получила письмо от вас, в котором мне было сказано не писать и подождать несколько дней. Я сразу же послушалась, так как была уверена, что это наилучший способ не ошибиться. Наконец, за десять дней до Рождества мое письмо было отправлено; совершенно уверенная, что ответ не заставит себя ждать, я каждое утро после мессы ходила вместе с папой на почту, думая найти там разрешение, чтобы улететь, но каждое утро приводило к новому разочарованию, которое, все же не поколебало мою веру... Я просила у Господа разрешить мои узы (см. Пс. 115, 16). Он разрешил их, но совсем иным образом, чем я ожидала. Наступил прекрасный праздник Рождества, а Господь все не просыпался. Он оставил Свой мячик на земле, даже не посмотрев на него...

Когда я собиралась на ночную мессу, мое сердце было разбито. Я уже так рассчитывала присутствовать на ней за решетками Кармеля! Это было огромное испытание для моей веры, но Тот, Чье сердце бодрствует во время сна (см. Песн. 5, 2), дал мне понять, что тем, кто имеет веру с горчичное зерно, Он позволяет передвигать горы (см. Мф. 17, 20), чтобы укрепить эту, столь малую, веру. Но для Своих близких, для Своей Матери, Он не творит чудес, не испытывал предварительно их веры. Не позволил ли Он умереть Лазарю, хотя Марфа и Мария говорили Ему, что тот болен? (см. Ин. 11, 1-4) На браке в Кане Галилейской, когда Пресвятая Дева попросила Господа оказать помощь, не ответил ли Он Ей, что час Его еще не пришел? (см. Ин. 2, 1-11) Но после испытания — какая награда: вода претворяется в вино, Лазарь воскресает! Также поступил Господь и со Своей маленькой Терезой: после длительного испытания Он исполнил все желания ее сердца.

Во второй половине дня этого радостного праздника, прошедшего для меня в слезах, я пошла навестить кармелиток; велико же было мое изумление, когда за открытой решеткой я обнаружила Младенца Иисуса, держащего в Своей руке мячик, на котором было написано мое имя. Кармелитки, вместо Иисуса, еще слишком маленького, чтобы говорить, спели мне написанное матушкой песнопение, каждое слово которого источало утешение для моей души. Я никогда не забуду этой чуткости материнского сердца, которое всегда осыпало меня ласками. Пролитая слезы радости, я поблагодарила и рассказала о подарке, который сделала мне Селина после возвращения с ночной мессы. Я обнаружила в своей комнате тазик с маленьким корабликом, на котором спал Младенец Иисус вместе с мячиком, лежащим рядом. На белом парусе Селина написала: "Я сплю, а сердце мое бодрствует" (Песн. 5, 2), а на суденышке: "Самоотречение!". И даже если Господь не говорил еще со Своей маленькой невестой, если Его глаза еще оставались закрытыми, то, по крайней мере, Он являлся ей через души, несущие в себе всю чуткость и любовь Его сердца...

В первый день 1888 года Господь сделал мне еще один подарок: крест, но на этот раз я должна была нести его в одиночестве; он оказался очень мучительным от того, что остался непонятым... В письме Полина сообщала мне, что ответ монсиньора пришел 28 числа, в праздник избиения Святых Младенцев, но она не дала об этом знать, решив, что мое поступление произойдет только после Великого поста. Я не смогла сдержать слез при мысли о такой длительной отсрочке. Это было для меня совершенно особое испытание. Мои мирские узы были разрешены (см. Пс. 115, 16), я это видела, но ковчег отказывался впустить бедную голубку... Охотно верю, что я могла показаться безрассудной, ибо не соглашалась с радостью на три месяца изгнания. Но еще я думаю, что это, на первый взгляд, простое испытание, было очень большим и позволило мне сильно возрасти в самоотречении и иных добродетелях.

Как прошли эти три благодатных для моей души месяца? Сначала мне пришлось в голову не стеснять себя и вести ту жизнь, к которой я привыкла. Но вскоре я осознала ценность данного мне времени и решила предаться более, чем когда-либо, строгому подвижничеству и

умерщвлению плоти. Когда я говорю "подвижничеству", то пусть не подумает кто-нибудь, будто я совершала покаянные подвиги. Увы! Я никогда не совершила ни одного, будучи очень далека от сродства с высокими душами, которые с детства упражнялись в подвижничестве. Я же не чувствовала к этому никакой тяги; конечно, это шло от моего малодушия, ведь я могла бы, подобно Селине, придумать множество мелочей, чтобы заставить себя страдать. Вместо этого я всегда позволяла лелеять себя и откармливать, подобно птичке, не имеющей нужды в покаянных подвигах... Мое подвижничество заключалось в том, чтобы сломить свою волю, всегда готовую навязать себя, удерживаться от возражений, оказывать небольшие услуги, не оценивая их, совсем не облокачиваться на спинку стула, сидя на нем и т.п... Вот так, упражняясь в *пустыжах*, я готовилась стать Христовой невестой, и не могу выразить, какие дивные воспоминания оставило это время ожидания. Три месяца пролетели быстро, и наступило наконец горячо желанное мгновение...

ГЛАВА 7

Первые годы в Кармеле (1888-1890)

Исповедь отцу Пишону. — Тереза и ее наставницы. — Святой Лик. — Монашеское одеяние. — Болезнь отца. — Малые добродетели.

Для моего поступления был выбран понедельник 9 апреля, когда Кармель праздновал Благовещение, перенесенное из-за Великого поста. Накануне вся семья собралась вокруг стола, за который я села в последний раз. Как разрывают сердце эти встречи в узком семейном кругу! Когда так хотелось бы, чтобы на тебя не обращали внимание, со всех сторон расточаются ласки и нежные слова, которые особенно остро дают почувствовать жертву разлуки. Папа почти не говорил и только смотрел на меня с любовью... Тетя время от времени плакала, а дядя просто рассыпался в комплиментах. Жанна и Мария тоже были очень предупредительны ко мне, особенно Мария, которая, отведя меня в сторону, попросила прощения за причиненные, как ей казалось, неприятности. Леони, несколько месяцев назад вернувшаяся из монастыря Посещения, все время обнимала и целовала меня. И, наконец, Селина, о ней я ничего не сказала, но, дорогая матушка, вы догадываетесь, как прошла последняя ночь, проведенная нами вместе... Утром великого дня, взглянув в последний раз на Бюиссонне, это благодатное гнездо детства, которое мне не придется больше увидеть, я отправилась под руку с моим дорогим королем на покорение горы Кармель. Как и накануне, вся семья собралась, чтобы пойти на мессу и причаститься. С того момента, как Господь вошел в сердца моих родных, я не слышала вокруг ничего, кроме рыданий. Одна я не проливая слез, но чувствовала, что сердце бьется с такой силой, что казалось невозможным двинуться, когда подадут знак подойти к дверям монастыря. Я шла и спрашивала себя, не умру ли я от ударов сердца. Какое это было мгновение! Невозможно понять его, не пережив... Мое волнение не вышло наружу; обняв всех моих родственников, я опустилась на колени перед отцом, испрашивая его благословения; тогда он сам стал на колени и, плача, благословил меня. Ангелы должно быть улыбались при виде такой сцены: старец, отдающий Господу свое дитя в весеннюю пору его жизни! Через несколько мгновений двери закрылись за мной, и тогда меня заключили в объятия любимые сестры, заменявшие мне мать. Отныне я буду подражать им в своих поступках... Наконец мои желания исполнились. Невозможно выразить какой глубокий мир был в моей душе. С тех пор уже семь с половиной лет, как этот внутренний мир стал моим уделом, и он не оставил меня даже среди самых больших испытаний.

Как и всех поступающих в монастырь меня сразу же провели в церковь на хоры, где было сумрачно из-за выставленных на поклонение Святых Даров* (Согласно традиции того времени, на хорах был полумрак, чтобы из церкви не было видно кармелиток, пришедших на поклонение, так как решетки в этот момент были открыты.). Прежде всего меня поразили

глаза матери Женевьевы, задержавшиеся на мне. На мгновение я встала на колени у ее ног, благодаря Господа Бога за ниспосланную мне милость быть знакомой со святой; затем я последовала за матерью Марией де Гонзаг по разным уголкам монастыря. Все мне казалось восхитительным, я думала, что перенеслась в пустыню. Особенно мне понравилась наша маленькая келья* (Каждая кармелитка имеет свою отдельную келью, но так как в монастыре никто не имеет ничего собственного, то предметы, находящиеся в личном пользовании, принято называть "нашими"), но радость была спокойной, и даже легкий ветерок не волновал тихие воды, по которым плыл мой кораблик, а синеву неба не затмевало ни единое облачко... Я была полностью вознаграждена за все испытания. С какой радостью я повторяла слова: "Это навсегда, я здесь навсегда!"

Это счастье не было мимолетным, оно не исчезло вместе с иллюзиями первых дней. Господь Бог оказал мне милость не иметь ни одной иллюзии при поступлении в Кармель. Монашескую жизнь я нашла такой, какой представляла. Ни одна жертва не удивила меня, хотя, и вы это знаете, дорогая матушка, что на первых шагах я встретила больше шипов, чем роз! Да, страдание протянуло ко мне свои руки, и я с любовью бросилась в их объятия. И что я собиралась делать в Кармеле, то провозгласила у ног Иисуса-Хостии на испытании, предварявшем мой постриг: "Я пришла, чтобы спасти души и, особенно, чтобы молиться за священников". Когда хочешь достигнуть цели, надо затратить средства; Господь дал мне понять, что лишь крестом Ему угодно привлекать ко мне души, и мое стремление к страданию возрастало по мере того, как увеличивалось само страдание. Это был мой путь на протяжении пяти лет, но с внешней стороны ничто не выдавало моих страданий, еще более мучительных от того, что о них знала я одна. Как удивимся мы в конце мира, когда прочтем историю человеческих душ! Как изумятся некоторые, увидев путь, по которому была водима моя душа! И, действительно, когда через два месяца после поступления отец Пишон приехал на принятие обетов сестрой Марией Святого Сердца, он был удивлен при виде того, что Господь совершал в моей душе. Он сказал, что видел накануне, как я молилась на хорах, и мое усердие показалось ему совсем детским, а путь — довольно легким. Эта встреча с отцом Пишоном стала для меня большим утешением, хотя и подернутом слезами из-за трудностей, что я испытывала, открывая ему свою душу. Все-таки я исповедалась за всю жизнь. Ничего подобного мне не приходилось делать раньше. В заключение отец утешил мою душу словами: "Пред лицом Господа Бога, Пресвятой Богородицы и всех святых, свидетельствую, что вы никогда не совершили ни одного смертного греха". Потом он добавил: "Благодарите Господа за то, что Он делает для вас. Если б Он вас оставил — вы стали бы бесенком, а не ангелочком". В это нетрудно было поверить. Я чувствовала, что слаба и несовершенна, но мою душу переполняла благодарность. Я так сильно боялась запятнать свои крестильные одежды, что подобное уверение, исшедшее из уст одного из тех духовников, о которых мечтала наша святая мать Тереза, а именно, сочетавшего премудрость с добродетелью, показалось мне исшедшим из уст Самого Господа. Отец Пишон сказал мне слова, которые без труда запечатлелись в моем сердце: "Дитя мое, пусть Господь всегда будет вашим Настоятелем и Руководителем вашего новициата". И Он им действительно стал, сделавшись к тому же и "моим духовным Руководителем". Этим мне вовсе не хочется сказать, что я была закрыта для наставниц. Нет, далекая от этого, я всегда старалась, чтобы моя душа была для них открытой книгой, но у нашей, часто болевшей матушки было так мало времени, чтобы заниматься мной! Я знаю, она меня сильно любила и говорила обо мне только хорошее, хотя Господь Бог попускал, чтобы она, сама того не ведая, была очень строгой. Я не могла с ней встретиться, не поцеловав землю,* (Таков обычай Кармеля, предписывающий целовать землю, когда настоятельница или наставница послушниц выразит порицание за проступок.) как и во время наставлений, которые она изредка давала мне. Какая бесценная милость! Как явно Господь Бог действовал в той, которая была Его представительницей! Что бы из меня вышло, стань я "игрушкой" общины, как это думали в миру? Вместо того, чтобы видеть в своих наставницах Иисуса Христа, я смотрела бы на них, скорее всего, как на обыкновенных людей, а мое сердце, так хорошо сохранившееся в миру, в монастыре оказалось бы во власти симпатий. К счастью,

я была сохранена от этой беды. Разумеется, я очень любила нашу матушку, но это было чистое чувство, возносившее меня к Жениху...

Наша наставница была настоящей святой, совершенным типом кармелитки первых времен. Целый день я проводила вместе с ней, так как она учила меня работать. Ее доброта ко мне была безгранична, и все же, душа моя не раскрывалась... Духовно руководить мною было трудно, потому что я не привыкла говорить о своей душе и не знала, как выразить то, что в ней происходило. Одна пожилая монахиня поняла, что я испытывала, и, смеясь, сказала мне как-то во время рекреации: "Девочка моя, мне кажется, у вас не должно быть ничего особенного, о чем можно поведать вашим наставницам". — "Почему, матушка, вы так говорите?" — "Потому что ваша душа крайне проста, но когда вы будете совершенной, вы станете еще проще. Чем больше приближаешься к Господу Богу, тем проще становишься". Она оказалась права, однако из-за этой простоты мне было трудно открывать свою душу, что стало для меня настоящим испытанием. Теперь я это осознаю, потому что легко выражаю свои мысли, не утратив при этом простоты.

Я сказала, что Господь стал "моим духовным Руководителем". Поступив в Кармель, я познакомилась с тем, кому предстояло стать моим духовником, но едва он принял меня в число своих детей, как отправился в изгнание.* (Отец Пишон был отправлен в Канаду.) Таким образом, я познакомилась с ним для того, чтобы сразу его лишиться... Все свелось к получению одного письма в год в ответ на двенадцать, написанных мною, и мое сердце скоро обратилось к Духовнику всех духовников, и Он наставлял меня в той премудрости, которая утаена от разумных и мудрых, но которую Он благоволил открыть младенцам. (см. Лк. 10, 21) Цветку, пересаженному на гору Кармель, предстояло расцвести под сенью креста. Росой для него стали слезы и кровь Иисуса Христа, а солнцем — подернутый слезами Божественный Лик. Раньше я не замечала те бесценные сокровища, которые таятся в Святом Лике, и только благодаря вам, дорогая матушка, научилась познавать их. Когда-то вы раньше всех нас поступили в Кармель, и вы же первая проникли в тайны любви, сокрытые в Лике нашего Жениха; тогда вы позвали меня, и я поняла... Я поняла, что есть истинная слава. Тот, Чье царство не от мира сего (см. Ин. 18, 36), показал мне, что истинная премудрость заключена в том, чтобы "желать, чтоб не знали тебя и ни во что не вменяли (Подр. 1, 2-3), хвалиться в презрении себя самого (Подр. 3, 49-7)". И мне хотелось, чтобы мое лицо, подобно Лику Иисуса Христа, "было, действительно, сокрыто, чтобы никто на земле меня не узнавал" (см. Ис. 53, 3). Я жаждала страдать и быть забытой...

Какого милосердия исполнен путь, по которому Господь Бог вел меня! Никогда Он не попускал мне желать чего-либо, чтобы не дать этого, и поэтому Его горькая чаша казалась мне такой сладостной...

После светлых праздников месяца мая, принесения обетов и пострига Марии, старшей в семье, которую младшая имела счастье украсить венцом в день ее брака, необходимо было, чтобы нас посетило испытание. За год до того папу разбил приступ паралича, поразивший ноги. Мы очень волновались, но сильный характер моего дорогого короля вскоре одержал верх, и наши опасения исчезли, хотя не раз во время поездки в Рим мы замечали, что он быстро утомляется, и не такой веселый, как обычно. Но особенно я заметила, как папа продвигается по пути совершенства. По примеру святого Франциска Сальского он обуздал свою природную вспыльчивость до такой степени, что казалось, будто у него самая кроткая в мире натура. Все земное почти не занимало его, и он легко преодолевал жизненные неурядицы, к тому же Господь Бог преисполнял его утешениями, и во время ежедневных поклонений Святым Дарам его глаза часто наполнялись слезами, а лицо становилось необыкновенно красивым. Когда Леони вышла из монастыря Посещения, он не скорбел и ни разу не упрекнул Господа за неисполненные молитвы об осуществлении призвания его дочери. Даже с некоторой радостью он поехал ее забирать...

Вот с какой верой папа согласился на разлуку со своей принцессой. Другьям в Алансоне он сообщал об этом так: "Мои дорогие! Тереза, моя принцесса, вчера поступила в Кармель! Один

Бог мог потребовать подобную жертву... Не жалеете меня, потому что мое сердце переполняет радость".

Наступило время, когда верный раб получил награду за свои труды. (см. Мф. 25, 21) И правда, заработанная им плата была похожа на ту, которую Бог дал Своему Сыну. Папа преподнес Богу алтарь* (Людовик Мартен оплатил постройку главного алтаря в соборе св. Петра города Лизье.), и сам стал жертвой, избранной для заклания вместе с непорочным Агнцем. Вы знаете, дорогая матушка, как мы горевали в июне, особенно, 24 июня 1888 года.* (В субботу 23 июня г-н Мартен исчез, никого не предупредив. Селина с родственниками нашла его только 27 июня в Гавре.) Эти воспоминания слишком хорошо запечатлелись в глубине наших сердец, чтобы их нужно было описывать. Матушка! Как мы страдали! Но это было только начало... Между тем подошло время моего облачения в монашеское одеяние; сестры на капитуле* (Собрание монахинь, где принимают в общину, где настоятельница дает указания, делает сообщения, распределяет послушания.) приняли меня, но как помыслить о самой церемонии? Уже стали поговаривать о том, чтобы облечь меня без выхода из затвора* (По традиции в день принятия облачения послушница в подвенечном наряде выходила из затвора, чтобы отпраздновать церемонию среди родных и близких.), но решено было подождать. Вопреки всякой надежде, наш дорогой отец оправился от второго удара, и монсиньор назначил церемонию на десятое января. Ожидание оказалось долгим, но зато — какой прекрасный праздник! Ни в чем не было недостатка, даже в снеге. Не знаю, говорили ли я вам о моей любви к снегу? Меня, еще совсем маленькую, восхищала его белизна; одним из самых больших удовольствий было гулять под падающими снежными хлопьями. Откуда взялось у меня это пристрастие? Возможно, потому что я сама — зимний цветок, и первым убранством природы, которое увидели мои детские глаза был, вероятно, этот белый покров. Словом, я всегда хотела, чтобы в день моего облачения природа, подобно мне, была одета во все белое. Накануне того прекрасного дня я грустно смотрела на серое небо, откуда временами моросил мелкий дождик, температура не опускалась, и я потеряла всякую надежду на снег. На следующее утро небо не изменилось, между тем, праздник был чудесным, и главным его украшением был мой дорогой король. Никогда еще не был он так прекрасен... У всех он вызывал восхищение, этот день стал его *триумфом*, его последним праздником здесь, на земле. Он отдал всех своих детей Господу Богу, ибо когда Селина открыла ему свое призвание, он заплакал от радости и возблагодарил вместе с ней Того, Кто "оказывал ему честь, забирая всех его детей".

В конце торжественного обряда монсиньор запел "Тебя Бога хвалим"; один священник попытался сказать ему, что это песнопение поется только при принесении окончательных обетов, но поскольку начало было положено, то благодарственный гимн пропели до конца. Разве не должен был этот праздник стать совершенным, ибо в нем соединялись все? В последний раз я обняла своего дорогого короля и вернулась в монастырь. Первым во внутренней галерее я встретила "розового Младенца Иисуса", улыбавшегося среди цветов и лампад, затем мой взгляд устремился к снежным хлопьям. Внутренний дворик был совсем белый, как и я. Какое внимание со стороны Господа! Предупреждая желания Своей маленькой невесты, Он дарил ей этот снег. Снег... Найдется ли смертный, пускай самый сильный, который смог бы заставить падать с неба снег, чтобы порадовать свою возлюбленную? Быть может, люди и задавались таким вопросом, но снег в день моего облачения показался им маленьким чудом, и весь город дивился ему. Мою любовь к снегу находили странной... Тем лучше. Это еще больше подчеркивает непостижимую благосклонность Жениха. Того, Кто нежно любит белые, как снег, лилии! После торжественного обряда монсиньор выказывал мне отеческую доброту. Мне кажется, он был горд видеть, что я добила своего, и всем говорил, что я — "его девочка". Всякий раз после этого праздника, когда владыка приходил к нам, он был очень добр ко мне. Особенно мне запомнилось его посещение в день столетия нашего отца святого Иоанна Креста. Владыка обнял меня и приласкал. Еще никогда меня так не чествовали! И тогда Господь обратил мои мысли к тем ласкам, которыми Ему будет угодно осыпать меня пред лицом ангелов и святых,

слабое отражение которых Он подал мне еще в этом мире, и потому велико было мое утешение...

Как только что я сказала, день 10 января стал триумфом моего короля. Я сравниваю этот день со входом Господним в Иерусалим в Вербное воскресенье. Подобно славе Божественного Учителя, его слава была однодневной, за ней последовали мучительные страдания и не только для него одного. Подобно тому, как страсти Господа пронзили сердце Его Божественной Матери, так и наши сердца чувствовали мучения того, кого мы любили сильнее всех на земле. Помню, как в июне 1888 года, когда все только начиналось, я говорила: "Я сильно страдаю, но чувствую, что могла бы вынести еще больше". Тогда еще я не знала о том, что мне уготовано. Я не знала, что 12 февраля, месяц спустя после того, как я надела монашеское облачение, нашему дорогому отцу придется испить чашу, самую горькую и самую унижительную из всех!

Да, в тот день я уже не говорила, что могу страдать еще больше! Наш ужас невозможно выразить словами, и я не буду пытаться его описать. Когда-нибудь на Небе мы охотно поговорим о наших *славных* испытаниях, разве мы не счастливы уже тем, что претерпели их? Эти три года папиных мучений кажутся мне самыми дорогими, самыми плодотворными во всей нашей жизни, и я не променяла бы их на откровения и экстазы, которые переживали настоящие святые. Мое сердце переполняется благодарностью при мысли об этом бесценном сокровище, которое должно вызывать святую зависть у ангелов небесного двора...

Моя жажда страданий была утолена, но влечение к ним не ослабевало, и вскоре душа разделила страдания сердца. Скучность стала моим хлебом насущным, и все-таки, лишенная утешения, я была счастливейшим из существ, потому что все мои желания были удовлетворены...

Дорогая матушка! Каким сладостным оказалось это великое испытание, ибо из наших сердец исходила только любовь и благодарность! Уже мы не шли путями совершенства, мы летели все впятером. Две изгнанницы, находившиеся в Кане,* (Город на западе Нормандии, где находился на лечении Людовик Мартен.) оставались еще в миру, но уже были не от мира. А какие чудеса сотворило это испытание в душе Селины! Все ее тогдашние письма носят печать смирения и любви. Кто сумел бы описать те наши свидания? Решетки Кармеля вовсе не разделяли, но соединяли нас еще крепче; у нас были одни мысли и желания, одна любовь к Господу и к людям. Когда Селина и Тереза разговаривали, к их беседам никогда не примешивалось ни единого словечка о земном. Как когда-то на бельведере, они мечтали о вечном и избирали себе единую участь — "страдание и унижение", чтобы поскорее насладиться бесконечным блаженством.

Итак, время моего обручения миновало. Оно оказалось таким долгим для бедной Терезы! В конце испытательного срока* (Как правило, испытательный срок длился один год.) наша матушка сказала мне и не думать просить о постриге, потому что настоятель, конечно же, отклонит мою просьбу. И мне пришлось ждать еще восемь месяцев... В первый момент было довольно трудно согласиться на такую большую жертву, но вскоре в моей душе воссиял свет. Я тогда молитвенно размышляла над "Основами духовной жизни" отца Сюрена. Однажды во время молитвы я поняла, что к моему горячему желанию принести монашеские обеты примешано много самолюбия; раз уж я отдала себя Господу, чтобы сделать Ему приятное и утешить Его, то не должна вынуждать Его исполнять мою волю вместо Его воли. И еще я поняла, что в день свадьбы невеста должна быть нарядной, я же ничего для этого не сделала... Тогда я сказала Господу: "Боже мой! Я не прошу Тебя о том, чтобы принести Тебе обеты, я буду ждать столько, сколько Тебе будет угодно, одного лишь я не хочу: чтобы мой брак с Тобой отложился по моей вине. Поэтому я приложу все старания, чтобы сделать себе красивое платье с драгоценными камнями, и когда Ты найдешь его достаточно богато украшенным, тогда, я уверена, никто из людей не помешает Тебе снизойти ко мне, чтобы я навеки соединилась с Тобой, мой Возлюбленный!"

После моего облачения многое на пути к монашескому совершенству прояснилось для меня и, главным образом, в отношении обета бедности. Во время испытательного срока мне было

приятно иметь в личном пользовании хорошие вещи и находить под рукой все, что необходимо. "Мой духовный Руководитель" спокойно терпел это, ибо Он не любит показывать душам все сразу. Обычно Он просвещает Своим светом постепенно. (В начале духовной жизни, когда мне было 13-14 лет, я задавалась вопросом о том, чего же еще можно добиться, так как думала, что лучше понимать совершенство невозможно. Но довольно быстро я поняла, что чем больше продвигаешься по этому пути, тем дальше от цели видишь себя, и теперь я смирилась с тем, что все время вижу себя несовершенной, и — обрела в этом радость.) Возвращаюсь к урокам "моего духовного Руководителя". Однажды после повечерия, я тщетно искала свою небольшую лампу на специально отведенных полках; уже наступило время строгого молчания, и было невозможно спросить о ней. Я поняла, что одна из сестер, думая, что берет свою, забрала мою лампу, которая была мне очень нужна. Но вместо того, чтобы расстроиться из-за того, что лишилась ее, я с радостью почувствовала, что бедность заключается в том, чтобы быть лишенной не только приятного, но и необходимого. Вот почему среди внешнего мрака я была освещена внутренним светом. В то время я по-настоящему полюбила самые некрасивые и неудобные предметы и была рада, когда из моей кельи взяли хорошенький кувшинчик, а вместо него поставили большой и выщербленный. Я прилагала также немало усилий, чтобы не оправдываться. Для меня это было довольно сложно, особенно с нашей наставницей, от которой ничего не хотелось скрывать. И вот моя первая победа, она не велика, но далась мне дорого: разбилась вазочка, стоявшая за окном, и наша наставница подумала, что я оставила ее там валяться; она указала на осколки и велела мне быть в другой раз повнимательней. Ничего не ответив, я поцеловала землю, а затем пообещала быть впредь более собранной. Из-за моей скудной добродетели такие небольшие упражнения стоили большого труда, и мне приходилось думать о том, что на Страшном суде все станет явным, потому что я заметила следующее: когда исполняешь порученное тебе и не оправдываешься, то этого никто не замечает, и наоборот, недостатки сразу же становятся явными...

Особенно я старалась упражняться в малых добродетелях, так как не была способна упражняться в больших. Я любила складывать накидки, забытые сестрами и оказывать им всяческие, доступные мне, небольшие услуги.

Мне было также даровано стремление к умерщвлению плоти, и оно все более возрастало, потому что мне ничего не дозволялось для его удовлетворения. Единственное умерщвление, которое я практиковала еще в миру, заключавшееся в том, чтобы, когда сидишь, не опираться о спинку, было мне запрещено из-за врожденной сутулости. Увы, мой пыл, несомненно, оказался бы непродолжительным, если бы меня благословили на покаянные подвиги. Те же, что разрешались без прошения, состояли в умерщвлении самолюбия, что приносило мне больше пользы, чем умерщвление плоти.

Работа в трапезной, ставшая моим послушанием сразу же после облачения, не раз давала возможность поставить мое самолюбие на место, т. е. под ноги. Правда, большим утешением для меня было нести одно послушание с вами, дорогая матушка, и наблюдать вблизи ваши добродетели. Но такая близость принесла страдания. Нужно было соблюдать монастырский устав, поэтому я не могла свободно говорить с вами обо всем, как раньше, не могла открыть вам свою душу. В конце концов, я была в Кармеле, а не в Бюиссонне под кровлей семейного очага!

Тем временем Пресвятая Богородица помогала мне шить платье к свадьбе, и как только оно было готово, препятствия отпали сами собой. Монсеньор прислал разрешение, о котором я ходатайствовала, сестры согласились принять меня, и принесение обетов было назначено на 8 сентября...

Все, что я сейчас вкратце написала, могло бы занять немало страниц, если описывать подробно, но они никогда не будут прочитаны на земле, и уже скоро я обо всем расскажу вам, дорогая матушка, в нашем отчем доме, на Небе, к которому возносятся воздыхания наших сердец!

Подвенечное платье было готово. Его украшали драгоценности, подаренные ранее моим Женихом, но для Его щедрости этого было недостаточно. Ему было угодно подарить мне новый бриллиант с бесчисленными гранями. Прежние драгоценности — это папино испытание со всеми мучительными обстоятельствами, а новым сокровищем стало небольшое, на первый взгляд, испытание, заставившее меня сильно страдать. С некоторых пор наш папа почувствовал себя немного лучше, и его стали вывозить в экипаже. Речь шла даже о поездке по железной дороге, чтобы нас навестить. Конечно, Селина тут же подумала, что хорошо бы выбрать день моего пострига. Она говорила, что не даст ему присутствовать на всей церемонии, чтобы он не устал, а только в самом конце сходит за ним и тихонько подведет прямо к решетке, чтобы Тереза получила его благословение. Как узнаю я в этом мою Селину. Как верно, что "любовь никогда не рассуждает о невозможности, потому что на все дерзает". (см. Подр., 3, 5-4) И наоборот, человеческое благоразумие все время трепещет и не решается, так сказать, и шагу ступить. Поэтому Господь Бог, Которому было угодно испытать меня, воспользовался именно этим благоразумием, и в день брака я, действительно, оказалась сиротой. У меня больше не было отца на земле, но я могла с доверием смотреть на Небо и говорить от всего сердца: "Отче наш, сущий на небесах". (Мф. 6, 9)

ГЛАВА 8

От монашеских обетов к жертве любви (1890-1895)

Постриг. — Мать Женевьева святой Терезы. — Эпидемия гриппа. — Ретрет отца Алексиса. — Настоятельство матери Агнессы. — Смерть отца. — Поступление в монастырь Селины. — Конец рукописи А.

Прежде чем поведать вам об этом испытании, мне следовало бы, дорогая матушка, рассказать о ретрете, предварявшем мой постриг; он вовсе не утешил меня. Абсолютная сухость и почти что оставленность стали моим уделом. Господь, как всегда, дремал в моей лодочке. Я заметила, что очень редко человеческие души дают Ему спокойно поспать у себя. Господь так устал от необходимости обо всем заботиться, что поспешил воспользоваться отдыхом, который я Ему предоставила. Наверное, Он так и не проснется до главного моего ретрета в вечности, но вместо огорчения я испытываю от этого большую радость...

Воистину, я далека от святости. И вот почему — мне следовало бы не радоваться сухости, а приписать ее недостатку усердия и верности; мне бы сокрушаться, что уже на протяжении семи лет я засыпаю на молитве, а я не сокрушаюсь. Я думаю, что уснувшие малые дети так же дороги родителям, как и бодрствующие и что перед операцией врачи не напрасно погружают больных в сон. И, наконец, я думаю, что Господь "знает состав наш, помнит, что мы — персть" (Пс. 102, 14).

Итак, мой ретрет перед принесением обетов был, как и все последующие, ретретом великой сухости. Тем не менее, Господь ясно, но без того, чтобы я это замечала, показывал мне, как стать угодной Ему и упражняться в самых возвышенных добродетелях. Много раз я обращала внимание на то, что Господь не желает ничего давать про запас. Каждое мгновение Он питает меня совершенно новой пищей, и я нахожу ее в себе, не ведая, как она там оказалась. Мне кажется, что Сам Господь, сокрытый в глубине моего сердца, милостиво внушает мне то, что угодно Ему, чтобы я сейчас сделала.

За несколько дней до принесения обетов мне посчастливилось получить благословение Папы Римского. Я просила о нем через брата Симеона еще и ради папы, чтобы таким образом отблагодарить его за поездку в Рим.

Наконец наступил прекрасный день моего бракосочетания. Он был безоблачным, но накануне в моей душе поднялась буря, какой я не знала никогда. Ни разу еще ни одной сомнительной мысли по поводу призвания не приходило мне в голову. Теперь надо было изведать и это испытание. Вечером, когда я совершала крестный путь, мое монашеское

призвание показалось мне сном, несбыточной мечтой. Я находила жизнь в Кармеле замечательной, но бес внушил мне уверенность в том, что это не для меня, что я обману настоятельница, продвигаясь по пути, к которому не призвана. Мрак стал таким, что я уже ничего не видела и не понимала, кроме одного: призвания у меня нет! Как описать томление моей души? Мне казалось (бессмыслица, показывающая, что это искушение), что, если я расскажу свои опасения наставнице, она не позволит мне принести обеты; между тем я хотела исполнять волю Божию (даже если для этого надо вернуться в мир), нежели оставаться, следуя своей воле, в Кармеле. Но я все-таки позвала наставницу и, сильно смущаясь, поведала ей о состоянии моей души. К счастью, она видела яснее, чем я, и полностью меня успокоила. К тому же, проявленное мною смирение обратило беса в бегство; он, наверное, думал, что я не осмелюсь признаться в таком искушении. Как только я закончила говорить — все сомнения рассеялись, но для того, чтобы мое смирение стало еще совершеннее, я пожелала также поведать об этом странном искушении нашей матушке, но она лишь посмеялась надо мной.

Утром 8 сентября меня залили потоки мира, и в этом мире, "который превыше всякого ума" (Фил. 4, 7), я принесла обеты. Мой союз с Господом был заключен не посреди громов и молний или необычайных милостей, но при веянии тихого ветра, похожего на тот, что слышал на горе пророк Илия... Какие только милости не были испрошены мною в тот день! Я, действительно, чувствовала себя царицей и пользовалась этим, чтобы освободить пленников и добиться благосклонности Царя к его неблагодарным поданным. Словом, мне хотелось освободить из чистилища все души и обратить грешников. Я много молилась о маме, о сестрах, обо всей семье, но особенно о папе, таком исстрадавшемся, таком святом. Я предала себя Господу, чтобы Он полностью творил во мне Свою волю, и никто из людей никогда этому не препятствовал...

Этот прекрасный день прошел, как проходят и самые печальные дни, потому что у каждого дня есть свое завтра. Без всякой грусти я положила свой венок к стопам Пресвятой Богородицы. Я чувствовала, что время не унесет моего счастья. Какой праздник — стать невестой Христовой в день рождения Божией Матери! Маленькая Богородица, Которой всего лишь один день, преподносила Свой маленький цветок Младенцу Иисусу. В этот день маленьким было все, кроме полученных мною милостей и мира, кроме тихой радости, которую я ощутила вечером, когда созерцала мерцающие на небосклоне звезды и думала, что скоро моему восхищенному взору откроется прекрасное Небо, и я смогу соединиться с моим Женихом в непрестанном ликовании...

24 сентября состоялось мое облачение в *покрывало*. Этот день целиком был *покрыт* слезами. Папа не пришел благословить свою принцессу. Отец Пишон был в Канаде. Монсиньор, который должен был приехать, а потом отобедать у дяди, заболел и тоже не приехал, словом, все было — печаль и горечь. Тем не менее, на самом дне чаши пребывал мир, неизменный мир. В этот день Господь попустил, чтобы я не смогла удержать своих слез, и они не были поняты. Да, я переносила без слез и большие испытания, но тогда меня поддерживала Божия благодать. 24 сентября Господь предоставил меня собственным силам, и я обнаружила, насколько они малы.

Через восемь дней после моего облачения в покрывало состоялась свадьба Жанны. Невозможно передать вам, дорогая матушка, насколько поучительным был для меня ее пример в том, какие нежности невеста должна расточать своему жениху. Я с жадностью внимала всему, чему могла научиться, потому что стремилась делать для моего возлюбленного Иисуса не меньше, чем Жанна для Франциска, создания, несомненно, вполне совершенного, но, в конце концов, создания!

Я даже немного позабавилась и сочинила приглашение на собственное бракосочетание, чтобы сравнить с приглашением Жанны. Вот как это выглядело:

"Приглашение на бракосочетание сестры Терезы Младенца Иисуса и Святого Лика.

Господь Бог Вседержитель, Творец неба и земли, Верховный Владыка мира и Преславная Дева Мария, Царица небесного Двора, благоволят уведомить вас о бракосочетании Их августейшего Сына Иисуса, Царя царствующих и Господа господствующих, с девицей Терезой

Мартен, ныне Дамой и Принцессой царств, принесенных ей в дар Божественным Женихом, а именно: Младенчества Иисуса и Его Страстей, откуда и взят ее титул: Младенца Иисуса и Святого Лица.

Господин Людовик Мартен, владыка поместий Страдания и Уничужения, и госпожа Мартен, принцесса и благородная дама небесного Двора, благоволят уведомить вас о бракосочетании их дочери Терезы с Иисусом, Словом Божьим, вторым Лицом Пресвятой Троицы, ставшим при содействии Святого Духа Человеком и Сыном Девы Марии, Царицы Небесной.

Не имея возможности пригласить вас на торжественное бракосочетание, назначенное на 8 сентября 1890 года на горе Кармель (допущен только небесный двор), вас просят пожаловать на повторное празднование бракосочетания, которое состоится Завтра, в день Вечности, когда Иисус, Сын Божий, придет на облаках небесных в сиянии Своей славы судить живых и мертвых.

В виду того, что час еще не известен, вас приглашают быть готовыми и бодрствовать".

Что мне осталось рассказать вам, дорогая матушка? Я думала, что уже закончила, но я ничего не рассказала вам о выпавшем мне счастье быть знакомой с матерью Женеьевой. Какая это бесценная милость: Господу Богу, Который уже столько всего ниспослал мне, было угодно, чтобы я жила рядом со святой, обладавшей обычными и незаметными добродетелями, со святой, которой можно подражать. Не раз я получала от нее великие утешения. Однажды в воскресенье я, как обычно, ненадолго зашла, чтобы навестить мать Женеьеву и застала у нее двух сестер. Улыбаясь, я посмотрела на нее и готова была уйти, потому что невозможно находиться втроем рядом с больной, но она по наитию взглянула на меня и сказала: "Подождите, моя девочка, я скажу вам только несколько слов. Каждый раз, когда вы приходите, вы просите меня подарить "духовный букет", так вот, сегодня я дарю вам этот: "Служите Богу в мире и радости, помните, дитя мое, что наш Бог — Бог мира"". Чистосердечно поблагодарив ее, я вышла, взволнованная до слез и уверенная, что Господь открыл ей состояние моей души: в тот день я была крайне удручена, почти в унынии, в таком мраке, что уже не знала, любит ли меня Господь. Вы догадываетесь, дорогая матушка, какую радость и утешение я ощутила!

В следующее воскресенье мне захотелось узнать, какое откровение было матери Женеьеве. Она заверила меня, что не получила никакого. Мое восхищение стало еще больше, когда я увидела, как сильно пребывает в ней Господь, побуждая ее действовать и говорить. Да, вот такая *святость* кажется мне самой настоящей, самой *святой*, и именно к ней я стремлюсь, потому что в ней нет никакого заблуждения...

В день принесения обетов я получила немалое утешение, узнав от матери Женеьевы, что перед ее обетами она прошла через такое же испытание, как и я. А во время наших великих скорбей вы припоминаете, матушка, какие утешения мы обретали подле нее? Словом, мать Женеьева оставила в моем сердце самое светлое воспоминание. В день, когда она ушла на Небеса, я почувствовала себя особенно растроганной. Впервые я присутствовала при смерти, и, воистину, это было удивительно... Я сидела рядом с постелью умирающей святой и прекрасно видела ее самые незаметные движения. Мне казалось, что после двух часов, проведенных таким образом, моя душа должна была бы ощутить себя исполненной усердия. Мною же, наоборот, овладела некая бесчувственность, но в самый момент рождения на Небе нашей святой матери Женеьевы мое внутреннее состояние изменилось. В мгновение ока я почувствовала в себе несказанную радость и горение, словно мать Женеьева поделилась со мной своим блаженством, потому что я совершенно уверена, что она ушла прямо на Небо. Еще при жизни я однажды сказала ей: "Матушка! Вы не попадете в чистилище!" — "Надеюсь," — с кротостью ответила мне она. Конечно же, Господь не мог обмануть надежду, полную такого смирения, и доказательством тому являются все полученные нами милости. Каждая из сестер поспешила попросить себе что-нибудь на память, и вы знаете, матушка, какой святыней мне посчастливилось обладать. Во время агонии матери Женеьевы я заметила слезу, блестящую, как бриллиант у нее на веке. Это слеза, последняя из всех, что она пролила, не упала. Еще в церкви я видела, как она блестяла, и никто не думал ею завладеть.

Тогда, взяв лоскуток тонкого полотна, я решила подойти к ней вечером так, чтобы меня не видели, и собрать как святыню эту последнюю слезу. С тех пор я все время ношу ее в мешочке вместе с моими обетами.

Я не придаю значения снам. К тому же, у меня они редко имеют скрытый смысл, я даже спрашиваю себя, как так получается, что, думая целый день о Господе Боге, я не занимаюсь этим еще больше во сне. Обычно мне снятся леса, цветы, ручьи, море. Почти всегда я вижу детишек, ловлю никогда не виданных мной бабочек и птичек. Вы видите, матушка, если мои сны и имеют поэтический облик, то они далеки от мистических. Однажды ночью, после смерти матери Женеьевы, я увидела нечто более утешительное. Мне снилось, что она составляет завещание и каждой сестре дает что-нибудь из принадлежавшего ей; когда очередь дошла до меня, я думала, что не получу ничего, потому что у нее уже ничего не осталось, но приподнявшись она три раза проникновенно сказала: "А вам я оставляю мое сердце".

Через месяц после кончины нашей святой матери в монастыре началась эпидемия гриппа. На ногах оставались я да еще две сестры. Никогда я не смогу описать всего увиденного: ни того, что показалось мне жизнью, ни того, что проходит...

День моего 19-летия был отпразднован смертью, за которой вскоре последовали еще две. Тогда я осталась одна в ризнице: старшая по послушанию сестра была серьезно больна, и я должна была готовить похороны, открывать решетки во время мессы и т. д. В то время Господь одарил меня многими милостями и дал силы. Сейчас я спрашиваю себя, как я могла без страха делать все, что делала. Смерть царила повсюду; за самыми больными ухаживали те, кто еле волочил ноги, и едва какая-нибудь из сестер выпускала последний вздох, как сразу же приходилось ее оставлять. Однажды утром, когда я вставала, у меня появилось предчувствие, что умерла сестра Магдалина. В дортуаре было темно, и никто не выходил из келий. Тогда я решила пойти к сестре Магдалине, дверь у нее была открыта; и правда, она, одетая, лежала на соломенном тюфяке. Я не испытывала ни малейшего страха. Увидев, что у нее нету свечки, я отправилась за ней, а также за венком из роз.

Вечером того дня, когда умерла помощница настоятельницы, я была одна вместе с сестрой, ухаживающей за больными. Невозможно представить себе печальное состояние монастырской общины в то время. Только те, кто был на ногах, могут иметь об этом некоторое представление, но посреди такой оставленности я чувствовала, что Господь Бог хранил нас. Умиравшие без усилия переходили в лучшую жизнь. Сразу же после смерти на их лицах появлялось выражение мира и радости, напоминающее сладкий сон; и это истинная правда, ибо после того, как образ мира сего пройдет, они пробудятся, чтобы бесконечно наслаждаться радостями, уготованными избранным...

В этот период тяжелых испытаний, выпавших на долю общины, мне довелось обрести несказанное утешение — причащаться каждый день. Как это было чудесно! Господь долго баловал меня, гораздо дольше, чем других Своих невест, ибо позволял, чтобы мне Его преподносили, когда остальные не имели счастья Его принять. Еще я была очень счастлива от того, что прикасалась к священным сосудам, готовила платы* (чистый белый плат, лежащий раскрытым на престоле при совершении мессы), предназначенные принимать Господа Иисуса. Я чувствовала, что мне надлежало быть очень усердной и часто вспоминала слова, которые обращают к дьякону: "Очистите себя, носящие сосуды Господни." (Ис. 52, 11)

Не могу сказать, что я часто получала утешения во время благодарственных молитв, скорее, в эти мгновения их было меньше всего. Я нахожу это совершенно естественным, потому что предала себя Господу не как человек, желающий принять Его ради собственного утешения, но, наоборот, ради удовольствия Того, Кто отдает Себя мне. Я представляю свою душу, как пустую землю, и прошу Пресвятую Богородицу убрать с нее всякий мусор, который мешал бы ей оставаться пустой. Затем я молю Ее, чтобы Она Сама разбила просторный шатер, достойный Небес, и Сама украсила его, потом я приглашаю всех ангелов и святых прийти и устроить самый лучший концерт. Мне кажется, когда Господь сходит в мое сердце, Он радуется, что Его так хорошо принимают, а я — я тоже радуюсь... Все это не мешает

рассеянности и дремоте посещать меня, но когда по окончании благодарственных молитв я вижу, как плохо их возносила, то решаю благодарить Господа весь оставшийся день. Вы видите, дорогая матушка, что я далека от того, чтобы идти путем страха, мне всегда удается найти способ быть счастливой и извлекать пользу из своих немощей. Конечно, это нравится Господу, ведь Он, похоже, поддерживает меня. Однажды, вопреки обыкновению, я была немного смущена, когда подходила к причастию. Мне показалось, что Господь недоволен мною, и я сказала себе: "Если получу сегодня лишь половину хостии, меня это сильно огорчит, и я буду думать, что Господь как бы нехотя входит в мое сердце". Я подхожу и... о счастье! Первый раз в жизни вижу, как священник берет две хостии и подает их мне! Вы понимаете мою радость и слезы, что я пролила при виде такого великого милосердия.

На следующий год после принесения монашеских обетов, за два месяца до смерти матери Женевьевы, я обрела множество милостей во время ретрета. Обычно ретреты с проповедями для меня мучительнее тех, что проходят в одиночестве. Но тогда было иначе. Девять дней я с большим усердием молитвенно готовилась* (Новена — особое моление в течение девяти дней.), несмотря на предчувствие, что священник* (Отец Алексис Пру, францисканец, который выступал с проповедями перед большими аудиториями, на заводах и т.д.) не сможет меня понять, ибо его особое призвание — помогать великим грешникам, а не душам монашествующих. Господу было угодно показать мне, что лишь Он Один является моим Духовником. И Он воспользовался именно этим священником, которого оценила одна лишь я. В то время у меня бывали большие внутренние искушения разного рода (вплоть до того, что я иногда задавала себе вопрос: существует ли Небо). Я не была расположена что-либо говорить о них, не зная, как все это выразить; едва я вошла в исповедальню, как ощутила, что душа моя раскрывается. Произнеся лишь несколько слов, я была чудесным образом понята, а скорее *угадана*... и моя душа стала подобна книге, в которой отец читал лучше меня самой. На всех парусах он пустил мой кораблик по волнам доверия и любви, которые так влекли меня, но сама я не осмеливалась двигаться вперед. Он сказал, что мои недостатки не огорчают Господа Бога, и что замещая Его, он говорит от Его имени, что Господь очень доволен мною.

Как я была счастлива услышать эти утешительные слова! Я никогда еще не слыхала, чтоб недостатки могли не огорчать Господа. Такое заверение наполнило меня радостью и помогло терпеливо переносить изгнание... В глубине сердца я чувствовала, что это так, ибо Господь нежнее матери, а вы, дорогая матушка, разве вы не готовы всегда простить мне невольные мелкие проступки? Сколько раз я испытала это на собственном опыте! Никакой ваш упрек не тронул бы меня так, как любое проявление ласки с вашей стороны. У меня такой характер, что страх заставляет меня отступать, а любовь — с ней я не просто продвигаюсь, я лечу вперед...

Да, матушка, особенно с того благословенного дня, когда вас избрали, я лечу по путям любви. В тот день Полина стала для меня живым Господом и во второй раз — моей "мамой".

Уже почти три года я с радостью смотрю на те чудеса, что творит Господь с помощью моей дорогой матушки. Я вижу, что только страдание может дать жизнь человеческим душам, и как никогда ранее во всей своей глубине раскрываются слова Господа: "Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода." (Ин. 12, 24) Какая обильная жатва была вами собрана! Вы сеяли в слезах, но вскоре узрите плод ваших трудов и возвратитесь с радостью, неся снопы свои. (см. Пс. 125, 5-6) Среди этих снопов, матушка, затаился один беленький цветок. На Небесах он обретет голос, дабы воспеть кротость и добродетели, в которых, он видел, вы упражнялись каждый день во мраке и тишине изгнаннической жизни...

Да, за три года я поняла немало тайн, скрытых до того от меня. Господь Бог явил мне милосердие, как царю Соломону. Он не захотел, чтобы у меня осталось хоть одно неисполненное желание — как совершенства, так и то, суетность которого я понимала, но не узнала еще на собственном опыте.

Я всегда смотрела на вас, дорогая матушка, как на идеал, и хотела во всем быть похожей на вас. Видя, что вы пишете прекрасные картины и стихи, я говорила себе: "Как я была бы счастлива, если б могла рисовать, если б умела выражать свои мысли в стихах и творить добро

человеческим душам..." Но мне не хотелось испрашивать эти природные дары, и мои желания оставались затаенными в глубине сердца. Господу, тоже там затаившемуся, было угодно показать, что "под солнцем... все — суета и томление духа..." (Ек. 2, 17) Господь Бог дал мне возможность использовать уроки моей дорогой матушки, и к великому удивлению сестер я стала рисовать. Еще Он пожелал, чтобы я смогла, следуя ее примеру, писать стихи и сочинять пьесы, которые находили неплохими. Как царь Соломон оглянулся на дела рук своих, и на труд, которым трудился он, делая их: и вот, все — суета и томление духа (см. Екк. 2, 11), так и я узнала на опыте, что счастье состоит в том, чтобы скрыться и пребывать в неведении обо всем сотворенном. Я поняла, что без любви все дела — ничто, даже самые блистательные, такие как воскресение мертвых или обращение народов.

Вместо того, чтобы принести вред и увлечь в суету, дары, которыми Господь щедро наделил меня (без моих на то прошений), влекут меня к Нему, и я вижу, что один Он неизменен, один Он может осуществить мои огромные желания...

Были еще и другие желания, которые Господу было угодно исполнить: детские желания, подобные снегу в день моего облачения.

Вы знаете, матушка, как я люблю цветы; становясь узницей в пятнадцать лет, я навсегда отказывалась от счастья бродить по полям, пестреющим весенним убранством; так вот, никогда у меня не было цветов больше, чем со времени моего поступления в Кармель... Обычно, женихи довольно часто преподносят цветы своим невестам. Господь не забыл и об этом. Он в изобилии посылал мне охапки васильков, маргариток, диких маков — цветы, которые я люблю больше всего. Был даже цветок куколь; я не встречала его со времени нашего переезда в Лизье. Мне очень хотелось снова увидеть этот цветок моего детства, который я срывала на полях Алансона. Именно в Кармеле он пришел улыбнуться мне и показать, что Господь, как в самом малом, так и в большом, уже в этой жизни дает во сто крат более тем душам, которые из любви к Нему оставили все. (см. Мф. 19, 29)

Но самым заветным моим желанием, самым большим, которое, мне казалось, никогда не исполнится, было поступление Селины в наш Кармель. Эта мечта казалась невероятной: жить под одной крышей, делить радости и горести с подругой детства. Поэтому я целиком принесла эту мечту в жертву и доверила Господу будущее моей любимой сестры, готовая к тому, что, если нужно, она отправится на край света. Лишь с одним я не могла согласиться — с тем, что она не станет Христовой невестой. Я любила ее, как саму себя, и для меня было просто невозможно подумать, что она отдаст свое сердце смертному. Я уже и так сильно страдала, зная, что в миру она подвергается неведомым мне опасностям. Я могла бы сказать, что со времени моего поступления в Кармель моя привязанность к Селине стала скорее любовью матери, чем сестры. Однажды она должна была пойти на вечеринку; это меня так огорчило, что я умоляла Господа не дать ей танцевать и даже (вопреки обыкновению) проливали потоки слез. Господь соизволил услышать меня: в этот вечер Он не позволил Своей будущей невесте танцевать (хотя она и не затруднялась грациозно проделывать это, когда требовалось). Она не смогла отказаться, когда ее пригласили, но кавалер был совершенно бессилен заставить ее танцевать; к великому его смущению, ему пришлось просто отвести ее на место, потом он украдкой вышел и больше не появлялся. Это единственное в своем роде происшествие помогло мне возрасти в доверии и любви к Тому, Кто, поставив Свою печать на моем челе, одновременно запечатлел ее и на челе Селины...

29 июля прошлого года Господь Бог, разрешая узы (см. Пс. 115, 16) Своего верного слуги и призывая его к вечной жизни, одновременно разрешил и узы, которые удерживали в этом мире Его невесту. Она заменяла собою всех нас рядом с нежно любимым отцом, и выполнила эту миссию подобно ангелу. Но ангелы не остаются на земле, исполнив волю Господню, они сразу же возвращаются к Нему, для этого-то им и даны крылья. Наш ангел тоже расправил свои белоснежные крылья и приготовился лететь далеко-далеко, чтобы обрести Господа, но Господь дал пролететь ему совсем немного. Ему хватило согласия на великую жертву, оказавшуюся довольно мучительной для Терезы. Целых два года Селина скрывала от нее одну тайну.* (Тереза имеет в виду замысел отца Пишона о переезде Селины в Канаду.) И как же

она сама страдала! В конце концов, с небес, мой дорогой король, который и на земле-то не любил медлить, поспешил устроить запутанные дела Селины, и 14 сентября она присоединилась к нам!

Однажды, когда трудности казались непреодолимыми, я сказала Господу во время благодарственных молитв: "Боже мой, Ты знаешь, как я хочу знать, отправился ли папа прямо на Небо. Я не прошу Тебя говорить об этом, но покажи мне знаком. Если сестра Эме Иисуса согласится на поступление Селины или хотя бы не будет препятствовать, — это станет ответом, что папа отправился прямо к Тебе". Как вам известно, дорогая матушка, эта сестра находила, что нас и так уже слишком много и, следовательно, не хотела принимать еще одну. Но Господь Бог, Который держит в руке Своей сердца людей и направляет их, куда захочет (см. Притч. 21, 1), переменял мнение этой сестры. Она оказалась первой, кого я встретила после благодарственных молитв; она приветливо подозвала меня, попросила подняться к вам и заговорила со мной о Селине со слезами на глазах...

Как много у меня причин благодарить Господа, сумевшего исполнить все мои желания!

И теперь у меня нет иного желанья, кроме одного: любить Господа до безумия... Мои детские влечения улетучились, и хотя, конечно, мне еще нравится украшать цветами алтарь Младенца Иисуса, с тех пор, как Он подарил мне желанный цветок — мою любимую Селину, мне больше не хочется других, и ее как самый лучший букет я преподношу Ему...

Я больше не желаю ни страдания, ни смерти, хотя люблю и то и другое; одна только любовь влечет меня. Долгое время я стремилась к ним; я страдала и думала, что касаюсь небесных берегов, я думала, что весенней порой цветок будет сорван. Теперь меня ведет лишь самоотречение, и иного компаса у меня нет! Я больше ничего не могу просить с жаром, кроме одного: чтобы воля Господня совершенно исполнилась в моей душе и чтобы люди не могли этому препятствовать. Я могла бы сказать словами из духовного песнопения нашего отца святого Иоанна Креста: "В подвале у Любимого я выпила вина, и выйдя оттуда, на всей той равнине не нашла ничего для себя и утратила то стадо, за которым доселе я шла... Душа стала служить Ему всем, что имела. Стада теперь я не пасу, другой работы не несу, любовь моим уделом стала ныне!" Или еще: "Мощна в своих деяниях любовь с тех пор, как я извела это все, она умеет из всего извлечь корысть, добра ли, зла ли, что во мне найдет, чтоб душу всю преобразить в себя".* (Перевод Василия фон Бурмана.) Дорогая матушка, как сладок путь любви! Конечно, можно сильно пасть, можно совершать неверные поступки, но любовь умеет из всего извлечь корысть и очень быстро истребляет все, что может не понравиться Господу, оставляя в сердце смиренный и глубокий мир...

Сколько света почерпнула я в произведениях нашего отца святого Иоанна Креста! В возрасте семнадцати-восемнадцати лет у меня не было иной духовной пищи. Но позже все книги оставляли меня в состоянии сухости, и до сих пор я пребываю в таком настроении. Открывая книгу о духовном (даже самую прекрасную, самую проникновенную), я сразу же чувствую, как сжимается мое сердце, и читаю, если можно так сказать, не понимая. А если и понимаю, то мой ум останавливается, не имея возможности молитвенно размышлять. В этом бессилии мне приходят на помощь Священное Писание и "Подражание"; в них я нахожу надежную и настоящую пищу. Но более всего во время молитвы меня поддерживает Евангелие, там я черпаю все, что нужно моей нищей маленькой душе. Я всегда открываю в нем новый свет, скрытый и таинственный смысл...

Я понимаю и знаю по опыту, "что царствие Божие внутри нас" (см. Лк. 17, 21). Господу вовсе не нужны ни книги, ни учителя для наставления душ. Он, Учитель учителей, наставляет без громких слов. Я никогда не слышала, чтобы Он говорил, но я чувствую, что Он во мне. Каждую минуту Он руководит мною и внушает то, что я должна говорить или делать. Как раз в тот самый момент, когда нужно, я нахожу свет, который до сих пор не видела, и чаще всего это происходит не во время молитвы, какой бы она ни была глубокой, а среди повседневных занятий...

Дорогая матушка! После стольких милостей разве не могу я воспеть вместе с псалмопевцем: "Ибо благ Господь, ибо вовек милость Его". (см. Пс. 117, 1) Мне кажется, что если бы все люди

получали те же милости, что и я — никто больше не боялся бы Бога, каждый любил бы Его до безумия, и из любви, а не от страха, никакая душа никогда бы не согласилась Его огорчить. Между тем, я понимаю, что души могут быть непохожими друг на друга, они должны быть разными, чтобы каждое из божественных совершенств было прославлено особым образом. Мне же Он даровал Свое бесконечное милосердие, через призму которого я созерцаю другие божественные совершенства и преклоняюсь перед ними! Тогда они все представляются мне озаренными любовью, и само правосудие (может быть, даже больше других) кажется мне облеченным в любовь. Какая радость размышлять над тем, что Господь справедлив, то есть, что Он принимает в расчет наши слабости и в совершенстве знает брэнность нашей природы. Чего ж мне бояться? Если бесконечно справедливый Бог с такой добротой соблаговолил простить все грехи блудному сыну, то не должен ли Он быть справедливым и по отношению ко мне, которая "всегда с Ним"? (см. Лк. 15, 31)

В этом году 9 июня, в день Пресвятой Троицы, мне было дано понять особенно ясно, как Господь хочет быть любимым.

Я думала о душах, приносящих себя в жертву божественному правосудию, о тех, кто навлекает на себя кары, предназначенные виновным. Такая жертва казалась мне великой и щедрой, но я не чувствовала себя способной на нее. "Боже мой! — воскликнула я в глубине сердца, — ведь не одному Твоему правосудию нужны души, приносящие себя в жертву? Разве Твоя милосердная любовь не нуждается в них тоже? Никем она не признается и везде отвергается. Ты хочешь наполнить сердца любовью, а они, вместо того, чтобы броситься в Твои объятия и принять ее, обращаются к людям с просьбой о мимолетном счастье. Боже мой! Сохранится ли в Твоем Сердце всеми презираемая любовь? Мне кажется, что, если б Ты нашел души, готовые принести себя в жертву всеожжения Твоей Любви, Ты быстро бы потребил их. Мне кажется, Ты был бы счастлив не подавлять те волны бесконечной нежности, что заключены в Тебе... Если даже Твое правосудие, которое не простирается за пределы земли, стремится найти выход, — насколько сильнее желает воспламенить души Твоя милосердная любовь, ибо "милость Твоя до небес" (Пс. 35, 6). Господи! Пускай этой счастливой жертвой стану я! Истреби эту жертву огнем Твоей божественной Любви!"

Дорогая матушка, вы позволили мне вот так предать себя Господу, и вам известны те потоки или, вернее, океаны благодати, которые наводнили мою душу. Начиная с этого счастливого дня, мне кажется, что любовь пронизывает меня и окружает. Мне кажется, что каждое мгновение эта милосердная любовь обновляет меня, очищает душу и не оставляет в ней никакого следа греха, и поэтому я не могу бояться чистилища. Я знаю, что сама не была бы достойна даже войти в это место искупления, потому что только святые души могут иметь туда доступ. Но я знаю также, что огонь Любви более свят, чем огонь чистилища. Я знаю, что Господь не может желать нам бесполезных страданий и что Он не внушил бы мне испытываемых мною желаний, если бы не хотел их исполнить...

Как сладок путь Любви! Как хочется мне приложить все свои старания, чтобы постоянно исполнять волю Господа Бога с наибольшим самоотречением!

Вот, дорогая матушка, все, что я могу рассказать о жизни вашей маленькой Терезы. Вы сами гораздо лучше знаете, что она из себя представляет и что сделал для нее Господь. Поэтому вы мне простите, если я сильно сократила историю ее монашеской жизни...

Как завершится "история маленького белого цветка"? Быть может, он будет сорван совсем рано или его пересадят в другие края... * (В один из кармелитских монастырей Индокитая.) Мне это неизвестно, но я уверена, что милосердие Божие всегда будет сопровождать его, и никогда он не перестанет благословлять свою матушку, которая принесла его в дар Господу. Он будет вечно радоваться тому, что стал одним из цветов ее венка. И вместе с ней он будет вечно воспевать всегда новую песнь Любви...

Письмо сестре Марии Святого Сердца
Рукопись "В"

ГЛАВА 9

Мое призвание: любовь (1896)

Тайны Господа. — Блаженная мать Анна. — Все призвания. — Бросать цветы. — Птенчик. — Божественный Орел. — Конец рукописи "В".

И.М.И.Т.

Иисус +

Дорогая сестра! Вы просите оставить вам что-нибудь на память о моем ретрете, который, быть может, станет последним... Поскольку наша матушка дала на это благословение, — для меня радость побеседовать с вами, дважды ставшей мне сестрою, с вами, отвечавшей за меня и обещавшей от моего имени служить только Господу, когда я еще не могла говорить. Дорогая крестная! В этот вечер с вами говорит дитя, которое вы предали в руки Господа и которое любит вас, как только дитя может любить свою мать. Лишь на небе вы узнаете о той благодарности, которой исполнено мое сердце. Вам хотелось бы услышать о тайнах, которые Господь доверяет вашей девочке. Мне известно, что эти тайны Он доверяет также и вам, ибо именно вы научили меня внимать божественным наставлениям. Но я, все-таки, попытаюсь пролепетать несколько слов, хотя и чувствую, что человеческим языком нельзя передать то, что и сердцем-то едва можно постигнуть...

Не думайте, что я купаюсь в утешениях. Нет, мое утешение в том, чтобы не иметь никакого утешения здесь на земле. Не являя Себя и не давая услышать Свой голос, Господь втайне наставляет меня, но не с помощью книг, потому что я не понимаю того, что читаю. Порою меня утешает слово, например, однажды в конце молитвы (когда я пребывала в тишине и сухости) я открыла наугад: "Вот Наставник, которого даю тебе; Он научит тебя всему, что ты должна делать. Я хочу, чтобы ты читала в книге жизни, где содержится премудрость Любви."* (Слова Спасителя св. Маргарите Марии Алакок.) Премудрость Любви, да, это слово так сладостно звучит в моей душе. Лишь такую премудрость я желаю и, отдав за нее все свои богатства, подобно Невесте из Песни песней, считаю, что ничего не дала. (см. Песн. 8, 7) Мне совершенно ясно, что одна лишь любовь может сделать нас угодными Господу Богу, и эта любовь — единственное благо, к которому я стремлюсь. Господу было угодно показать мне единственный путь, ведущий к божественному горнилу: это — полное доверие беспомощного младенца, безбоязненно уснувшего на руках Отца. "Кто совсем мал, обратись сюда", — сказал Святой Дух устами Соломона (см. Притч. 9, 4). И тот же Дух Любви добавил, что "меньший заслуживает помилование" (Прем. 6, 6). От Его имени пророк Исайя открывает нам, что в последний день "как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей" (Ис. 40, 11), и, словно всех этих обещаний еще недостаточно, тот же пророк, чей вдохновенный взор уже погрузился в глубины вечности, восклицает от имени Господа: "Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас, на руках буду носить вас и на коленях ласкать." (см. Ис. 66, 13-12). Дорогая крестная! После таких слов остается лишь умолкнуть и заплакать от благодарности и любви. О, если б все немощные и несовершенные души почувствовали то, что чувствует самая малая — душа вашей Терезы, тогда ни одна бы из них не отчаялась, пытаясь достигнуть вершины любви. Ведь Господь не просит великих свершений, но лишь отвержения себя и благодарности; не Он ли сказал в 49 псалме: "Не приму тельца из дома твоего, ни козлов из дворов твоих; ибо Мои все звери в лесу, и скот на тысяче гор. Знаю всех птиц на горах, и животные на полях предо Мною... Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе; ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее. Ем ли Я мясо волов, и пью ли кровь козлов? Принеси в жертву Богу хвалу, и воздай Всевышнему обеты твои." (Пс. 49, 9-14). Итак, вот и все, что Господь требует от нас. Ему вовсе не нужны наши деяния, а нужно лишь одно — наша любовь, ибо Тот же Самый Бог, Который заявляет, что Ему нет нужды говорить

нам, когда взалчет, не побоялся вымолить немного воды у самарянки. Ему захотелось пить. Но говоря: "Дай Мне пить" (Ин. 4, 7), Творец вселенной просил у Своего жалкого творения любви. Он жаждал любви... О как я чувствую, что Господь страдает от жажды более, чем когда-либо. Но среди приверженцев этого мира Он встречает лишь неблагодарных и равнодушных, а среди Своих учеников Он находит, увы, немного сердец, которые безоговорочно предают Ему себя и могут вместить Его бесконечную любовь.

Как же, дорогая сестра, мы счастливы, что постигаем сокровенные тайны нашего Жениха. Если бы вы захотели написать все, что вам известно о них, мы прочли бы прекрасные страницы, но я знаю, что вам больше нравится хранить тайны Царя в глубине сердца; мне же вы говорите, что "о делах Божиих объявлять похвально" (Тов. 12, 7). Я нахожу, что у вас есть все основания хранить молчание и пишу эти строки только чтобы сделать вам приятное, поскольку ощущаю свое бессилие передать Небесные тайны земными словами. И потом, даже исписав страницы и страницы, я посчитала бы, что еще не начала... Ведь существует такое множество точек зрения и разнообразных оттенков, что, после ночного мрака этой жизни, только палитра небесного Художника сможет снабдить меня красками, способными изобразить те чудеса, которые Он открывает очам моей души.

Дорогая сестра, вы попросили меня описать мой сон и "мое маленькое учение", как вы его называете. Я выполнила эту просьбу, но так плохо, что, мне кажется, вы не сможете ничего понять. Возможно, вы найдете мои выражения преувеличенными. Но, простите меня, это, вероятно, происходит от моего не очень-то легкого слога. Уверяю вас, в моей маленькой душе нет никакого преувеличения, там все покойно и мирно.

(Когда я пишу, то обращаюсь к Господу, так мне проще выражать свои мысли. Что, увы, не мешает им оставаться довольно плохо выраженными!).

И.М.И.Т.

8 сентября 1896 года

(моей сестре Марии Святого Сердца)

О Возлюбленный мой, Господи Иисусе! Кто сможет выразить, как нежно и кротко Ты руководишь моей маленькой душой! Как возжелал Ты пролить луч благодати Твоей посреди самой мрачной бури! Господи, буря бушевала в моей душе со времени светлого праздника Твоей победы, праздника Пасхи. И вот в одну из майских суббот, размышляя о таинственных снах, которые посылаются некоторым душам, я подумала, что это должно быть хорошим утешением, но не просила о нем. Вечером, глядя на тучи, затянувшие небосвод моей маленькой души, я еще говорила себе, что эти прекрасные сны не для меня; под раскаты грозы я уснула. Следующим днем было 10 мая, второе воскресенье месяца Девы Марии, и, возможно, годовщина того дня, когда Пресвятая Богородица соблаговолила улыбнуться Своему цветку.

При первых проблесках зари я оказалась (во сне) в какой-то галерее. Там было много людей, но вдалеке; рядом же со мной была только наша матушка. Вдруг, (как они вошли, я не заметила) я увидела трех кармелиток в плащах и больших покрывалах. Мне показалось, что они пришли за нашей матушкой, но ясно я поняла лишь то, что они с Неба. В глубине сердца я воскликнула: "Как я была бы счастлива увидеть лицо какой-нибудь из них!". Тогда, словно услышав мою молитву, самая высокая подошла ко мне; я тотчас упала на колени. О, счастье! Кармелитка подняла свое покрывало или, скорее, приподняла его и накрыла меня. Без колебаний я узнала преподобную мать Анну Иисуса, основательницу Кармеля во Франции. Ее прекрасное лицо дышало неземной красотой. Сияния от него не исходило, но, несмотря на то, что мы обе были под ее покрывалом, я видела это небесное лицо, озаренное невыразимо мягким светом, который оно не отражало, а источало само...

Я не смогу передать ликования моей души — есть вещи, которые можно почувствовать, но нельзя выразить. Прошло уже несколько месяцев после этого дивного сна, но оставленное в душе воспоминание совсем не утратило свежести и небесного очарования. Я еще вижу

исполненные любви улыбку и взгляд преподобной матери. Мне кажется, я еще чувствую те ласки, которыми она меня осыпала.

...Увидев, как она меня любит, я осмелилась произнести: "Матушка! Умоляю вас, скажите, надолго ли еще оставит меня Господь Бог на этой земле? Скоро ли Он придет за мной?". Ласково улыбаясь, святая прошептала: "Да, скоро, скоро... Обещаю тебе". — "Матушка, — добавила я, — скажите еще, не требует ли от меня Господь чего-нибудь большего, чем мои жалкие маленькие деяния и стремления? Доволен ли Он мной?". Лицо святой стало еще приветливее, чем вначале, когда она говорила первый раз. И лучшим ответом был ее ласковый взгляд. Но все-таки она произнесла: "Господь Бог не требует от тебя ничего другого. Он доволен, очень доволен!". Затем с любовью, которой не найти и у самой нежной из матерей, она приласкала меня и удалилась. Мое сердце возрадовалось, тут я вспомнила о своих сестрах и хотела попросить каких-нибудь милостей и для них, но увы... проснулась!

Господи! Буря уже не бушевала, небо было спокойным и ясным. Я верила, я чувствовала, что Небо существует, и на этом Небе обитают души, которые меня нежно любят и смотрят на меня, как на свое дитя. Это впечатление остается в моем сердце, и оно еще сильнее от того, что преподобная мать Анна Иисуса до тех пор была мне *совершенно безразлична*. Никогда я молитвенно не призывала ее, а думала о ней лишь тогда, когда слышала, что о ней говорят, но это бывало редко. Поэтому стоило мне понять, как она меня любит, до какой степени я ей *небезразлична*, — и сразу же мое сердце растаяло от любви и признательности не только к посетившей меня святой, но и ко всем обитателям небес...

О, мой Возлюбленный! Эта благодать была лишь предвестницей еще больших даров, которыми Ты пожелал осыпать меня. Позволь же мне, единственная Любовь моя, напомнить Тебе о них сегодня. Сегодня, в шестую годовщину нашего союза. Господи, прости меня, если я безрассудна, желая поведать о своих стремлениях и надеждах, доходящих до бесконечности, прости меня и исцели мою душу, подавая ей то, на что она уповает!

Господи, быть Твоей невестой, быть кармелиткой, быть, в силу союза с Тобой, матерью душ — всего этого мне должно было бы хватить. Но ведь это не так. Разумеется, эти три дара и есть мое призвание: кармелитка, невеста и мать. И все же, я чувствую в себе и другие призвания: воина, священника, апостола, учителя Церкви, мученика, — наконец, я ощущаю необходимость, желание совершить ради Тебя, Господи, все самые героические подвиги. В своей душе я чувствую храбрость крестоносца, я хотела бы умереть на поле битвы, защищая Церковь.

Я чувствую в себе призвание священника! С какой любовью, Господи, я держала бы Тебя в руках, когда на мой голос Ты бы сходил с Небес. Но, увы! Желая быть священником, я восхищаюсь и преклоняюсь перед смирением святого Франциска Ассизского и чувствую призвание подражать ему, отказавшись от высокого сана священства.

О Господи! Любовь моя и жизнь моя... Как же сочетать эти противоречивые стремления? Как осуществить желания моей бедной маленькой души?

Да, невзирая на всю свою малость, я хотела бы просвещать души подобно пророкам и учителям Церкви. Мое призвание — быть апостолом... Я хотела бы обойти всю землю, проповедовать имя Твое и водрузить Твой прославленный Крест на земле язычников. Но, Возлюбленный мой, одной только миссии мне бы не хватило. Я хотела бы возвещать Евангелие одновременно в пяти частях света, вплоть до самых далеких островов... Я бы хотела быть миссионером не просто каких-нибудь несколько лет, но от сотворения мира и до скончания века. Но больше всего я хотела бы, о мой возлюбленный Спаситель, я желала бы пролить свою кровь за Тебя, всю, до последней капли...

Мученичество — вот мечта моей юности. Под сводами Кармеля она росла вместе со мной. Но и здесь я опять ощущаю все безумие моей мечты, ибо не сумела бы ограничиться желанием только одного рода мучений. Чтобы удовлетворить меня, мне нужны были бы все... Подобно Тебе, мой желанный Жених, я хочу, чтобы меня бичевали и распяли. Я хочу умереть с содранной кожей, как святой Варфоломей. Подобно святому Иоанну, я желаю быть погруженной в кипящее масло; я желаю претерпеть все пытки, предназначенные мученикам.

Вместе со святой Агнесой и святой Цецилией я желаю подставить шею мечу и, подобно моей любимой сестре Жанне д'Арк, желаю шептать на костре Твое имя, о, Господи Иисусе... Размышляя о мучениях, которые станут уделом христиан во времена антихриста, я чувствую, как содрогается сердце, и хотела бы, чтоб эти мучения были уготованы и мне. Господи, Господи, если б я захотела написать все свои желания, — мне следовало бы попросить у Тебя книгу жизни, где изложены деяния всех святых, и я бы желала совершить эти деяния ради Тебя...

О Господи Иисусе! Что Ты ответишь на все мои безумства? Найдется ли душа еще меньше, еще немощней, чем моя! Именно из-за моей слабости Тебе, Господи, было угодно исполнять мои маленькие детские желания, а теперь Ты хочешь исполнить и другие, которые превосходят саму вселенную...

Во время молитвы я мучительно страдала от этих желаний и открыла послания апостола Павла, чтобы поискать какой-нибудь ответ. На глаза мне попались 12 и 13 главы Первого послания к Коринфянам. Там, в первой из них, я прочла, что все не могут быть апостолами, пророками, учителями Церкви и что Церковь составляют различные члены, и что глаз не может быть одновременно рукой.

...Ответ был ясен, но желаний моих не исполнял и мира не приносил... Подобно Марии Магдалине, которая, продолжая склоняться к пустому гробу, все-таки обрела то, что искала (см. Ин. 20, 11-18), я тоже, опустившись до самых глубин своей ничтожности, поднялась так высоко, что смогла достичь цели. Не отчаиваясь, я продолжала чтение, и вот фраза, которая принесла мне облегчение: "Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший" (1 Кор. 12, 31). Апостол объясняет, что все эти большие дары — ничто без любви... Что любовь к ближнему и есть тот *превосходнейший путь*, который непременно приводит к Богу. Наконец-то я обрела покой. Рассматривая мистическое тело Церкви, я не узнавала себя ни в одном из членов, описанных апостолом Павлом, или же, скорее, мне хотелось узнать себя во всех. Любовь к ближнему дала ключ к моему призванию. Я поняла, что если у Церкви есть состоящее из разных членов тело, это означает, что самый необходимый, самый благородный из всех членов присутствует тоже. Я поняла, что у Церкви есть сердце, и это сердце пылает любовью. Я поняла, что только любовь побуждает ее члены к действию, и если любовь охладеет — апостолы больше не будут возвещать Евангелие, а мученики откажутся проливать кровь. Я поняла, что любовь заключает в себе все призвания. Что любовь — это все, и она охватывает собой все времена и пространства... одним словом, она — вечна!

Тогда, исполненная безумной радости, я воскликнула: "О, Господи, Любовь моя... мое призвание, наконец-то я нашла его! Мое призвание — это Любовь!".

Да, я нашла свое место в Церкви. Это место, Боже мой, Ты дал мне его... в сердце моей Матери-Церкви я буду любовью... тогда я буду всем... и мечта моя осуществится!

Зачем говорить о безумной радости? Нет, это выражение неправильно. Скорее, это мирное, безмятежное состояние мореплавателя, увидевшего маяк, который должен привести его в гавань... О лучезарный маяк любви, я знаю, как до тебя добраться. Я открыла тайну, как завладеть твоим пламенем.

Я всего лишь дитя, немощное и слабое, однако именно слабость наделяет меня отвагой, чтобы принести себя в жертву Твоей любви, Иисусе! Некогда Бог крепкий и всемогущий благосклонно принимал лишь чистые и непорочные приношения. Для удовлетворения Божественного Правосудия необходимы были жертвы совершенные, но на смену закону страха пришел закон любви, и любовь избрала меня для всеожжения, меня, слабое и несовершенно творение... Этот выбор, разве он не достоин любви? Да, чтобы любовь была удовлетворена сполна, ей нужно снизойти, снизойти до ничтожества и преобразить его в огонь...

О Господи, я знаю, что любовь вознаграждается только любовью. Поэтому я искала и нашла способ облегчить свое сердце, воздавая Тебе любовью за любовь. "Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители" (Лк.

16, 9). Вот, Господи, совет, который Ты даешь Своим ученикам после того, как сказал им, что "сыны века сего догадливей сынов света в своем роде" (Лк. 16, 8). Дитя света, я поняла, что мои желания быть всем и охватить все призвания, — это те богатства, которые вполне могли бы сделать меня неправедной, и тогда я воспользовалась ими для приобретения друзей... Вспомнив о молитве Елисея к Илии, когда он осмелился попросить, чтобы дух Илии был на нем вдвойне, я предстала пред ангелами и святыми и сказала: "Я — самое малое из творений, я знаю свое ничтожество и немощь, но мне также известно, что благородные и великодушные сердца любят делать добро. Итак, умоляю вас, блаженные обитатели небес, умоляю вас, удочерите меня. Вам одним будет причитаться та слава, которую вы позволите мне стяжать. Соболаговолите внять моей мольбе, она дерзка, я это знаю, и все-таки осмеливаюсь попросить вас добыть для меня вашу любовь вдвойне".

Господи, я не могу просить еще большего, потому что боюсь оказаться раздавленной под тяжестью смелых желаний. Моим оправданием будет лишь то, что я — дитя, а дети не задумываются над значением своих слов. Однако, если их родители вступят на престол и завладеют огромными богатствами, разве не исполнят они без колебаний желания маленьких существ, которых любят больше самих себя? Чтобы порадовать их, родители совершают безрассудные поступки и доходят до слабости. Так вот! Я — дитя Церкви, а Церковь — Царица, ибо она — Твоя Невеста, о божественный Царь царей. Но не богатства и славы (пускай небесной) настойчиво просит детское сердце... Оно понимает, что слава по праву принадлежит его братьям — ангелам и святым. Его же славой станет отблеск той славы, что сияет на челе его Матери. Дитя просит только любви. Оно умеет лишь одно: любить Тебя, о Христе Иисусе. Ему не дано совершать великие дела, оно не может проповедовать Евангелие, проливать свою кровь... Так что же? Вместо него трудятся его братья, а оно, малое дитя, держится поближе к престолу Царя и Царицы и любит за тех, кто сражается... Но как засвидетельствовать ему свою любовь, если любовь подтверждается делами? Так вот, малое дитя будет бросать цветы. Их благоуханием оно окутает царский престол, а своим серебристым голоском будет петь песнь любви...

Да, мой Возлюбленный, вот на это и будет истрачена моя жизнь. У меня нет иного способа доказать Тебе свою любовь, кроме как бросать цветы, то есть не упустить ни малейшей жертвы, ни одного взгляда, ни единого слова, использовать каждую мелочь, и все это делать из любви. Из любви я хочу страдать, но так же и радоваться из любви. Перед Твоим престолом я буду бросать цветы, обрывая их лепестки ради Тебя. И еще, разбрасывая цветы, я стану петь (разве можно плакать, когда занимаешься таким радостным делом?), даже если придется срывать цветы среди шипов, и мое пение будет тем благозвучнее, чем длиннее и острее будут шипы.

Господи, для чего же послужат Тебе мои цветы и песни? Да, я хорошо знаю, что этот благоухающий дождь, эти нежные, не имеющие никакой ценности лепестки и песни любви наименьшего из сердец очаруют Тебя. Да, эти пустяки будут приятны Тебе. Им улыбнется торжествующая Церковь. Она подберет мои цветы с оборванными из любви лепестками и даст им коснуться Твоих божественных рук, о Иисусе. Тогда, желая позабавить свое дитя, небесная Церковь станет бросать эти бесценные от Твоего божественного прикосновения цветы. Она станет бросать их на Церковь страждущую, чтобы гасить ее пламя, и на Церковь воинствующую, чтобы помочь ей одержать победу!

Господи Иисусе! Я люблю Тебя, люблю Церковь — мою Мать и помню, что: "Самое незначительное выражение чистой любви полезнее, чем все другие дела вместе взятые". * (Св. Иоанн Креста.) Но чиста ли любовь в моем сердце? Мои необъятные желания — не мечта ли, не безумие ли? Если это так, Господи, — просвети меня, Ты ведь знаешь, что я ищу истину. Если мои желания дерзки, то дай им исчезнуть, ибо для меня эти желания — наибольшее из мучений. Но в то же время, я чувствую, о Иисусе, что если, несмотря на все мои стремления к вершине любви, мне не будет дано ее достигнуть, — я найду больше радости в моем безумии и страдании, чем в блаженстве небесной Отчизны, если только чудесным образом Ты не

отнимешь памяти о моих земных упованиях. Позволь же мне в изгнании наслаждаться радостями любви. Позволь мне вкусить сладостной горечи моего мучения...

Господи, Господи, если уже так отрадно само желание Тебя любить, чем же тогда будет обладание, наслаждение Любовью?

Каким образом столь несовершенная душа, как моя, может стремиться к полноте Любви? Господи Иисусе! Мой первый и единственный Друг, только Тебя я люблю! Скажи мне, что это за тайна? Почему Ты не оставляешь эти безграничные желания великим душам, орлам, парящим в высоте? Я же считаю себя слабым птенчиком, покрытым легким пушком. Я не орел. Просто у меня глаза и сердце орла, и, несмотря на мою крайнюю малость, я дерзаю неотрывно смотреть на божественное Солнце любви, ощущая в своем сердце устремления орла... Птенчик хочет лететь к этому сияющему Солнцу, пленившему его взор. Ему хочется подражать орлам, его братьям, которых он видел возносящимися прямо к божественному очагу Пресвятой Троицы. Увы, все, что он может сделать, это приподнять свои маленькие крылышки, но взлететь — не в его малой власти! Что станет с ним? Умрет ли он от горя, видя себя таким беспомощным? О, нет, птенчик даже не опечалится. В дерзновенном самозабвении он будет неотрывно смотреть на божественное Солнце. Ничто не сможет напугать его: ни ветер, ни дождь. А если мрачные тучи скроют Светило любви, птенчик не сдвинется с места, потому что знает: по ту сторону туч Солнце продолжает сиять, и его свет никогда не затмится. Правда, иногда в сердце птенчика разыгрывается буря, и ему начинает казаться, что он больше не верит в существование чего-либо другого, кроме окружающих его туч. Так вот, это и есть мгновение совершенной радости для бедного, слабого, маленького существа. Какое счастье все-таки оставаться там и взирать на невидимый свет, который скрывается даже от его веры! Господи, до сих пор я понимаю Твою любовь к птенчику, потому что он не отдаляется от Тебя... Но я знаю, и Ты тоже это знаешь, что зачастую несовершенное крохотное создание, пребывая на своем месте под лучами Солнца, позволяет себе несколько отвлечься от того одного, что только и бывает нужно (см. Лк. 10, 41-42). Оно начинает подбирать со всех сторон зернышки, бежит за червячком, потом, наткнувшись на лужицу с водой, смачивает свои едва окрепшие перышки, глядит на цветок, который ему понравился, и тогда его жалкий ум занят этим цветком, наконец, не умея парить подобно орлам, бедный птенец занимается еще и разной чепухой. И после всех этих проступков вместо того, чтобы пойти и спрятаться в углу, оплакивая свое ничтожество, вместо того, чтобы умереть от раскаяния, птенчик поворачивается к своему возлюбленному Солнцу, подставляет его благотворным лучам свои мокрые крылышки и поет, как ласточка (см. Ис. 38, 14). В этой песне он просто и подробно рассказывает о своих изменах, думая таким образом стяжать своей по-детски бесстрашной доверчивостью нечто гораздо большее и еще полнее привлечь любовь Того, Кто "пришел призвать не праведников, но грешников..." (Мф. 9, 13). Если же обожаемое Светило остается глухим к жалобному щебетанию Своего создания, если Оно продолжает пребывать скрыто... ну что же, жалкое создание остается мокрым. Оно согласно цепенеть от холода и радуется такому, вполне заслуженному, страданию. Господи, как же Твой птенчик счастлив быть маленьким и слабым! Что бы из него вышло, будь он большим? Никогда ему не хватило б смелости являться к Тебе и дремать в Твоем присутствии. Да, это еще одна слабость птенчика, ведь, когда хочется устремить взор к божественному Солнцу, а тучи не дают увидеть ни одного лучика, то вопреки его воле глазки смыкаются, головка тянется под крылышко, и бедное существо засыпает, думая, что все это время оно продолжает неотрывно смотреть на любимое Светило. Пробудившись же, птенчик не сокрушается, и сердечко его пребывает в мире. Он снова начинает свое служение любви и взывает к ангелам и святым, которые, словно орлы, поднимаются к желанному всежигающему Очагу и, сжалившись над своим маленьким собратом, охраняют его, защищают и обращают в бегство тех хищных птиц, которые хотят его погубить. Но птенчик не боится хищных птиц, этих бесовских образов, потому что ему предопределено достаться в добычу не им, но тому Орлу, которого птенчик созерцает в самом центре Солнца любви. О, Слово Божие, Ты тот обожаемый Орел, которого я люблю и который влечет меня к Себе. Устремившись на землю

изгнания, Ты пожелал пострадать и умереть, чтобы привлечь людские души к вечному очагу Всеблагодатной Троицы. Ты возносишься к неприступному Свету, который отныне будет Твоим уделом. Ты все еще пребываешь в этой долине слез, сокрывшись под видом хостии... О Предвечный Орел, Тебе угодно питать меня Твоей божественной Сущностью, меня, маленькое существо, которое обратилось бы в ничтожество, если бы Твой божественный взгляд каждое мгновение не даровал мне жизнь... О Господь, позволь мне в преизбытке благодарности сказать Тебе, что любовь Твоя доходит до безумия. Как при этом моему сердцу не устремиться к Тебе? Как мое доверие может иметь границы? Да, мне известно, что ради Тебя святые тоже совершали безумства, они совершали великое, ибо были орлами...

Господи, я слишком мала для великих дел. И мое безумие — уповать на то, что Твоя любовь примет меня как жертву. Мое безумие заключается в том, чтобы упросить моих братьев орлов добиться для меня милости подняться к Солнцу любви на крыльях божественного Орла.

И столь долго, сколько Тебе угодно, мой Возлюбленный, Твой птенчик будет оставаться без сил и без крыльев, но он всегда будет пребывать с устремленным на Тебя взором. Он желает быть замороженным Твоим божественным взглядом и стать добычей Твоей любви. И я уповаю на то, что настанет день, когда Ты, мой Орел, придешь за Своим птенчиком и вознесешься вместе с ним к очагу Любви, чтобы навсегда погрузить его в пылающую бездну той Любви, в жертву которой он себя принес...

Господи Иисусе! Как мне поведать всем малым душам о Твоем неизъяснимом снисхождении... Я чувствую, что, если бы Ты нашел (хотя это и невозможно) душу еще слабее и меньше моей, — Тебе было бы угодно осыпать ее еще большими милостями, предай она себя с полным доверием Твоему безграничному милосердию. Но к чему это желание сообщать Твои тайны любви, Иисусе? Не Ты ли Один наставлял меня в них, и разве не можешь Ты открыть их и другим? Да, я знаю об этом и умоляю Тебя сделать это. Я прошу Тебя преклонить Твой божественный взор на великое множество малых душ... Я прошу Тебя избрать легион малых жертв, достойных Твоей любви!

Наименьшая сестра Тереза Младенца Иисуса и Святого Лица, кармелитка

Рукопись, адресованная матери Марии де Гонзаг
Рукопись "С"

ГЛАВА 10

Испытание веры (1896-1897)

Тереза и настоятельница. — Божественный лифт. — В первый раз кровь при кашле. — Трапеза грешников. — Призыв к миссиям. — Что есть любовь к ближнему.

И.М.И.Т.

Июнь 1897

Возлюбленная матушка! Вы выразили желание, чтобы я вместе с вами закончила воспевать милости Господни, — песнь, которую я начала вместе с вашей любимой дочерью Агнессой Иисуса, ставшей для меня матерью, ибо Господь поручил ей руководить мною в детстве. Итак, вместе с ней я должна была воспеть милости, ниспосланные цветку Пресвятой Богородицы в весеннюю пору его жизни. С вами же вместе мне предстоит петь о счастье этого цветка теперь, когда робкие лучи зари уступили место жгучему зною полудня. Да, вместе с вами, возлюбленная матушка, и, отвечая вашему пожеланию, я постараюсь поведать о моих чувствах, о признательности Господу Богу и вам, которая являет Его мне видимым образом. Разве не в ваших материнских руках я целиком предала себя Ему? Матушка, запомнился ли вам тот день? Да, я чувствую, что ваше сердце не смогло бы его забыть... Я же должна ждать,

когда попаду на Небо, потому что здесь не нахожу слов, способных передать то, что произошло в моем сердце в тот благословенный день.

Возлюбленная матушка, настал день, в который моя душа еще сильнее, если это только возможно, привязалась к вашей. Это произошло, когда Господь снова возложил на вас бремя настоятельства. Тогда, дорогая матушка, вы сеяли в слезах, но на Небе исполнитесь радости, неся снопы свои. (см. Пс. 125, 5-6) Простите мне, матушка, мою детскую непосредственность: я чувствую, что вы позволяете мне говорить с вами не подыскивая слова, которые молодой монахине позволительно говорить своей настоятельнице. Возможно, я не всегда буду находиться в рамках, предписанных младшим. Но осмелюсь сказать, матушка, это ваша вина, ведь я веду себя с вами как дитя, потому что и вы ведете себя со мною не как настоятельница, но как мать...

Дорогая матушка, я так хорошо чувствую, что в вашем лице ко мне обращается Сам Господь Бог. Многие сестры думают, что вы баловали меня и что с момента моего вхождения в ковчег (т. е. в Кармель — прим. пер.), я получала от вас лишь похвалы да ласки. Между тем, это совсем не так. Вы сами, матушка, увидите в написанных мною воспоминаниях детства то, что я думаю о строгом материнском воспитании, которое получила от вас. От всего сердца благодарю вас за то, что вы не щадили меня. Господу было хорошо известно, что Его цветку необходима животворная влага смирения. Он был слишком слаб, чтобы без этой помощи укорениться, и именно вы, матушка, оказали ему такую услугу.

Вот уже полтора года, как Господь по-другому растит Свой цветок. Решив, что теперь ему хватает влаги, и одного солнца достаточно, чтобы он рос, Господь только одаривает его Своей улыбкой, которую посылает опять же через вас, возлюбленная матушка. Это ласковое солнце совсем не иссушает цветок, но чудесно способствует его росту. А на донышке своей чашечки цветок бережно хранит драгоценные капли росы, некогда полученные им. Эти капли непрестанно напоминают ему, что он мал и слаб... Все создания могут наклоняться к нему, любоваться им и хвалить его. Не знаю почему, но все это не может прибавить ни капли ложной утехи к той истинной радости, которой он наслаждается в своем сердце, когда видит себя тем, что он есть в глазах Божьих: маленьким ничтожеством и ничем более... Я сказала, что не знаю, почему, но не потому ли, что он был защищен от потоков восхвалений до тех пор, пока его чашечка не оказалась достаточно наполненной росой смирения? Теперь уже нет опасности. Напротив, наполняющая цветок роса кажется ему такой вкусной, что он поостережется сменить ее на пресную воду похвал.

Не хочется говорить, дорогая матушка, о той любви и доверии, которые вы мне выказываете. Но не подумайте, что сердце вашей дочери остается равнодушным. Просто я чувствую, что теперь мне нечего бояться. Напротив, теперь я могу радоваться, приписывая Господу Богу то доброе, что Он пожелал в меня вложить. Если же Ему угодно, чтобы я казалась лучше, чем есть, меня это не касается. Он волен поступать, как Ему угодно... Матушка, как же разнообразны те пути, по которым Господь ведет человеческие души! В житиях святых мы видим, что многие не хотели оставить после смерти ничего своего: ни малейшего воспоминания, ни единой строчки. Но были и другие, которые, наоборот, как святая Тереза Авильская, обогатили Церковь своими возвышенными откровениями, не побоявшись открыть тайны Царя, дабы Он стал более известен и более любим людьми. Какой из этих двух типов святых больше нравится Господу Богу? Мне кажется, матушка, что они Ему угодны одинаково, ибо все они следовали за Святым Духом, как сказал Господь: "Скажите праведнику, что все — благо" (см. Ис. 3, 10). Да, все — благо, если искать только волю Господню. Потому-то и я, бедный цветок, повинуюсь Господу, стараясь порадовать мою возлюбленную матушку.

Вы знаете, матушка, что я всегда хотела стать святой. Но увы, сравнивая себя со святыми, я всегда приходила к заключению, что между ними и мной существует такая же разница, как между горой, вершина которой теряется в небесах, и безвестной песчинкой, попираемой ногами прохожих. Но вместо того, чтобы предаваться отчаянию, я сказала себе: "Господь не может внушать неисполнимые желания, значит и я могу, несмотря на свою малость,

стремиться к святости. Возрасти мне невозможно, я должна терпеть себя такой, какая есть, со всеми моими несовершенствами. Но я хочу отыскать способ попасть на Небо малым путем, совсем прямым и коротким, совершенно новым путем. Мы живем в век изобретений, теперь уже можно не карабкаться по лестнице, у богатых людей ее с успехом заменяет лифт. Мне бы тоже хотелось найти лифт, чтобы вознестись до самого Господа, ведь я слишком мала, чтобы взбираться по крутой лестнице совершенства". Тогда я принялась искать в Священном Писании намеков на желанный лифт и прочла слова, исшедшие из уст Премудрости: "Кто совсем мал, пусть придет ко мне" (см. Притч. 9, 4). Итак, я пришла, догадываясь, что обрела искомое, и, желая узнать, что Ты, Боже мой, сделаешь совсем малому, ответившему на Твой призыв, я продолжила поиски и вот что нашла: "Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас, на руках буду носить вас и на коленях ласкать." (см. Ис. 66, 13-12). Никогда еще слова благозвучнее и нежнее не радовали мою душу. Лифт, который должен был вознести меня до самого Неба, это Твои руки, Господи Иисусе! Для этого мне не нужно возрастать, наоборот, мне нужно оставаться маленькой и делаться все меньше и меньше. Боже мой, Ты превзошел мои ожидания, и я хочу воспеть милости Твои (см. Пс. 88, 2). "Ты наставлял меня от юности моей, и донныне я возвещаю чудеса Твои. И до старости, и до седины буду возвещать их". (см. Пс. 70, 17-18). Какой же будет для меня эта старость? Мне кажется, для меня она может наступить и теперь, потому что пред очами Господа и две тысячи лет не более двадцати... не более одного дня. (см. Пс. 89, 5). Но не подумайте, возлюбленная матушка, что ваше дитя хочет покинуть вас... не думайте, будто за наибольшую милость оно посчитает смерть на заре жизни, а не на склоне дней. Лишь одно оно ценит и желает: угодить Господу. Теперь, когда Господь, кажется, приближается к нему, чтобы привлечь в обитель Своей славы, дитя ваше радуется. Уже давно оно уразумело, что Господь Бог ни в ком не нуждается (а в нем еще меньше, чем в других), чтобы творить добро на земле.

Матушка, простите, если огорчу вас. Мне бы так хотелось вас порадовать. Не думаете же вы, что, если ваши молитвы не услышаны на земле, если Господь всего на несколько дней разлучит дитя с его матерью, то молитвы эти останутся неуслышанными и на Небе?

Я знаю, вы хотите, чтобы рядом с вами я выполняла одно совсем простое и очень приятное поручение. Но разве не смогу я завершить его с высоты Небес? Подобно Господу, обратившемуся к апостолу Петру, вы сказали вашей дочери: "Паси агнцев Моих" (Ин. 21, 15). Я же удивилась и ответила вам, что "слишком мала"... Я умоляла вас, чтобы вы сами пасли своих агнцев, а меня бы из милости оставили пастись вместе с ними. Но вы, возлюбленная моя матушка, ответили лишь отчасти на мое справедливое желание: вы присматривали и за агнцами и за овцами* (Мать Мария де Гонзаг была одновременно настоятельницей монастыря и наставницей послушниц. "Агнцы" означают послушниц, а "овцы" — монахинь.), а меня часто посылали пасти их на тенистых пастбищах и показывать им лучшие и наиболее укрепляющие травы, помогая распознавать те яркие цветы, к которым они никогда не должны прикасаться, разве только затем, чтобы растоптать их ногами... Вы не побоялись, дорогая матушка, что я собью с пути ваших агнцев. Вас вовсе не напугали ни моя неопытность, ни юность. Быть может, вы вспомнили, что Господу часто бывает угодно умудрять младенцев и что однажды, возрадовавшись духом, Он благословил Отца за то, что Тот утаил тайны от разумных и открыл их младенцам (см. Лк. 10, 21). Матушка, вам известно, что редко встречаются души, которые не меряют могущество Божие своими короткими мыслями. Многим очень хотелось бы, чтоб повсюду на земле были исключения, — Один лишь Господь Бог не имеет на них права! Я знаю, с давних пор люди оценивают опытность по числу лет, ибо царь Давид пел в юности Господу: "Мал я и презрен" (Пс. 118, 41). Однако в том же 118 псалме он не побоялся сказать: "Я сведущ более старцев; ибо повеления Твои храню... Слово Твое светильник ноге моей и свет стезе моей... Спешил и не медлил соблюдать заповеди Твои..." (Пс. 118, 100, 105, 60).

Возлюбленная матушка, вы не побоялись как-то раз сказать, что Господь Бог просвещает мою душу и дает мне опыт зрелых лет... Матушка, я слишком мала теперь, чтобы быть тщеславной, я еще слишком мала, чтобы красивыми фразами заставить вас поверить в мое

великое смирение. Лучше я просто признаюсь, что сотворил величие Сильный (см. Лк. 1, 49) в душе дочери Его божественной Матери, и величие это состоит в том, что Он ей показал ее малость и бессилие. Дорогая матушка, вам хорошо известно, что Господь Бог соблаговолил провести мою душу через множество разнообразных испытаний. Я много страдала уже с самого появления на этой земле, но, если в детстве я страдала с грустью, то теперь страдаю в мире и радости. Я воистину счастлива от того, что страдаю. Да, матушка, вам необходимо узнать все тайны моей души, чтобы не улыбаться, читая эти строки, ибо найдется ли душа, перенесшая меньше испытаний, нежели моя, если смотреть со стороны? Да, если б испытание, от которого я страдаю уже целый год, открылось взорам, каково было бы удивление!

Возлюбленная матушка, вы знаете об этом испытании. Но я, все-таки, еще раз расскажу о нем, потому что считаю его за великую милость, обретенную мною во время вашего настоятельства.

В прошлом году Господь Бог даровал мне утешение соблюсти Великий пост со всей строгостью. Еще никогда я не чувствовала себя такой крепкой, и это состояние крепости продержалось до Пасхи. Однако в Страстную пятницу Господь пожелал подарить мне надежду на скорую встречу с Ним на Небе... Как приятно мне это воспоминание! До полуночи пробыла я у Гроба Господня, потом вернулась в келью, но едва успела положить голову на подушку, как почувствовала поднимающуюся волну, которая с клокотанием подкатила к губам. Я не знала, что это было, но подумала, что, быть может, я умру, и душа моя исполнилась радости... Между тем, поскольку лампа была уже задута, я сказала себе, что нужно дождаться утра, чтобы удостовериться в таком счастье: мне показалось, что меня вырвало кровью. Утро не заставило себя долго ждать. Проснувшись, я сразу подумала, что мне предстоит узнать что-то радостное, и, подойдя к окну, смогла убедиться, что не ошиблась... Да, душа моя совершенно утешилась, я была глубоко уверена, что Господь в день Своей смерти пожелал дать мне услышать первый зов, словно отдаленный шепот, возвестивший о приближении Жениха...

С превеликим усердием я присутствовала на молитвах первого часа и на прощёном капитуле* (Собрание монашествующих в обители в Страстную пятницу, когда они просят друг у друга прощение.). С нетерпением следила я за приближением своей очереди, чтобы, испросив у вас прощения, суметь поведать вам, возлюбленная матушка, о моей надежде и счастье. К этому я прибавила, что совершенно не страдаю (что было правдой), и просила вас, матушка, не предписывать мне ничего особенного. В самом деле, Страстная пятница стала для меня утешением. Я провела этот день так, как хотела. Никогда еще строгости Кармеля не казались мне такими радостными. Надежда уйти на Небо приводила меня в ликование. Наступил вечер этого счастливого дня, и надо было ложиться спать, но, как и прошлой ночью, Господь возвестил мне тем же знаком, что недалеко уже мое вступление в жизнь вечную... Я наслаждалась верой такой живой и ясной, что мысль о Небе делала меня совершенно счастливой. Я не могла даже представить себе, что есть безбожники, не имеющие веры. Я думала, что, отрицая существование Неба, прекрасного Неба, где Сам Господь пожелал сделаться их вечной наградой, они противоречат своим собственным мыслям. В те радостные дни Пасхального времени Господь дал мне понять, что действительно существуют души, у которых нет веры, потому что они употребили во зло благодатные дары. Они потеряли веру — драгоценное сокровище, источник единственной радости, чистой и истинной. Он попустил, чтобы мою душу охватил самый густой мрак, и чтобы даже мысль о Небе стала теперь для меня лишь предметом борьбы и мучений... Это испытание продлится не дни или недели; оно прекратится в час, отмеченный Господом Богом, и... час сей пока не настал... Мне хотелось бы попытаться выразить то, что я чувствую, но, думаю, что, увы, это невозможно. Надо самому пройти сквозь этот темный тоннель, чтобы понять, как он мрачен. Но все-таки я постараюсь объяснить это одним сравнением.

Предположим, я родилась в стране, окутанной густым туманом, и никогда не видела преображенную сияющим солнцем природу, которая радуется глаз. Правда, с самого детства я

слышу рассказы об этих чудесах и знаю, что страна, в которой я живу, — не моя родина, родина — другая, и к ней должны быть направлены все мои устремления. Это вовсе не сказка, выдуманная жителями той печальной страны, где я живу, но истинная правда, ибо Царь страны сияющего солнца приходил в страну тьмы и жил в ней 33 года, но, увы, тьма так и не познала, что этот Божественный Царь — свет мира... (см. Ин. 1, 5.9.10). Но, Господи, дитя Твое постигло Твой божественный свет, оно просит у Тебя прощения за своих братьев, оно согласно есть хлеб печали (см. Пс. 126, 2) так долго, как Тебе будет угодно, и не хочет вставать из-за этого полного горечи стола, за которым едят несчастные грешники (см. Мф. 9, 10-11), до дня, намеченного Тобою... Но разве не может оно от себя и от своих братьев, сказать: "Боже! Будь милостив к нам грешным!" (см. Лк. 18, 13). О Господи, отпусти нас оправданными... Дабы и те, которые не озарены светом веры, увидели, наконец, что он светит... Господи Иисусе, если нужно, чтобы оскверненный ими стол был очищен душой, которая Тебя любит, я согласна одна есть хлеб испытания за этим столом до тех пор, пока Тебе не будет угодно ввести меня в Твое светлое Царство. Единственная милость, о которой я прошу Тебя: не дай мне никогда Тебя оскорбить!

Возлюбленная моя матушка, то, что я пишу вам, не имеет продолжения. Моя коротенькая история, похожая на сказку доброй волшебницы, внезапно превратилась в молитву, и я не знаю, что интересного вы сможете найти, читая эти неясные и плохо выраженные мысли. В конце концов, матушка, я пишу не для того, чтобы создать литературное произведение, но по послушанию. А если я и нагоню на вас скуку, то по крайней мере вы увидите, что ваше дитя проявило добрую волю. Итак, не падая духом, продолжу мое небольшое сравнение с того места, где оставила его. Я говорила, что уже с самого детства мне дана была уверенность в том, что в один прекрасный день я уйду далеко из печальной и мрачной страны. Я верила не только потому, что слышала рассказы людей более сведущих, — в глубине сердца я ощущала стремление к прекрасному краю. Подобно гению Христофора Колумба, который подсказал ему, что существует Новый свет, когда никто и не помышлял об этом, я чувствовала, что когда-нибудь иная земля станет для меня постоянной обителью. Однако окутывавший меня туман внезапно сделался более густым, он проник в мою душу и охватил ее так, что я уже не могла найти в ней прекрасный образ моей Отчизны. Все исчезло! И когда я хочу дать отдых своему истомленному окружающим мраком сердцу, вспоминая о солнечной стране, к которой стремлюсь, — мое мучение удваивается. Мне начинает казаться, что тьма голосами грешников говорит мне с насмешкой: "Ты мечтаешь о свете, о благоуханной Отчизне, о вечном обладании Творцом этих чудес, ты думаешь в один прекрасный день выйти из окружающего тебя тумана! Иди дальше, иди дальше, радуйся смерти, которая даст тебе не то, на что ты надеешься, но еще более глубокую ночь — ночь небытия".

Возлюбленная матушка, этот образ тьмы, которая омрачает мою душу, так же несовершенен, как набросок по сравнению с оригиналом. Однако не хочу больше писать об этом, боюсь, что стану богохульствовать... Мне страшно даже от того, что уже сказала и так слишком много...

Да простит меня Господь, если я огорчила Его. Ему ведь хорошо известно, что, если я и не наслаждаюсь верой, то, по крайней мере, стремлюсь совершать дела веры. Думаю, что за этот год я совершила их больше, чем за всю свою жизнь. Когда враг бросает мне вызов, и я могла бы вступить в сражение — я не пугаюсь, но, зная, что драться на дуэли малодушно, поворачиваюсь к противнику спиной и не достаиваю его даже взгляда. Я бегу к моему Господу Иисусу и говорю Ему, что готова пролить всю свою кровь до последней капли, чтобы исповедовать веру в существование Неба. Я говорю Ему, что счастлива не наслаждаться этим прекрасным Небом на земле, лишь бы Он навсегда открыл его для бедных неверующих. Поэтому, несмотря на испытание, отнимающее у меня всякую радость, я все-таки могу воскликнуть: "Ты возвеселил меня, Господи, всем творением Твоим" (см. Пс. 91, 5). Ибо разве есть радость больше, чем страдание ради Твоей любви? И чем страдание сокровенней, чем менее оно заметно человеческим взором, тем больше радуется Тебя, о Боже мой. Но если, хоть это и невозможно, Ты бы и Сам не заметил моего страдания, я все равно буду счастлива

страдать, если этим смогу предотвратить или искупить хотя бы один грех, совершенный против веры...

Возлюбленная матушка, вам, возможно, покажется, что я преувеличиваю свое испытание. В самом деле, если вы станете судить по моим стихам, написанным в этом году, то душа моя должна показаться вам преисполненной утешений, для которой завеса веры уже почти разорвана, а между тем... для меня это больше уже не завеса: это — стена, восходящая до самого неба и закрывающая звездный небосвод... Когда я воспеваю небесное счастье и вечное обладание Господом Богом, то не испытываю от этого никакой радости, потому что просто воспеваю то, во что хочу верить. Правда, порою тоненький солнечный лучик приходит озарить мой мрак, и тогда на одно мгновение испытание прекращается, но потом воспоминание об этом лучике еще больше сгущает мрак вместо того, чтобы принести радость. Матушка, никогда еще я так хорошо не чувствовала, насколько Господь долготерпелив и многомилостив. Он послал мне это испытание лишь тогда, когда я обрела силы его выдержать. Думаю, что ранее оно повергло бы меня в уныние. Теперь же оно избавляет меня от всякого естественного удовлетворения в моем стремлении к Небу. Возлюбленная матушка, теперь мне кажется, что ничто не мешает мне улететь, ведь у меня больше нет желаний, кроме одного — любить так, чтобы умереть от любви...

Дорогая матушка, я была так удивлена при виде того, что написала вам вчера! Какие каракули... Рука дрожала так, что продолжать было невозможно, и сейчас я жалею даже о том, что попыталась писать. Надеюсь, сегодня получится разборчивее, потому что я уже не в кровати, а в симпатичном белом креслице.

Матушка, я знаю, что все, о чем я говорю, не имеет продолжения. Но я чувствую необходимость поведать вам о моих теперешних чувствах прежде, чем стану рассказывать о прошлом, ведь, может быть, позднее я забуду про них. Сначала мне хочется сказать вам, насколько я тронута всеми проявлениями вашей материнской заботы. Поверьте, возлюбленная матушка, сердце вашей девочки исполнено признательности, оно никогда не забудет всего, чем вам обязано...

Матушка! Меня особенно трогают девятидневные мессы, заказанные вами в храме Божией Матери Победительницы. Вы заказали их ради моего исцеления. Я чувствую, что все эти духовные богатства приносят великое благо моей душе: в начале девятидневных месс я говорила вам, что Пресвятой Богородице следовало бы или исцелить меня, или забрать на Небеса, потому что считала довольно печальным и для вас и для монастырской общины иметь на попечении больную молодую монахиню. Теперь я хотела бы всю жизнь оставаться больной, если это угодно Господу Богу, и даже примирилась с тем, что моя жизнь может быть очень долгой. Одной только милости я желаю: чтобы она была сокрушена любовью.

О нет, меня не пугает долгая жизнь, и я не отказываюсь от борьбы, ибо "Господь, твердыня моя, научающий руки мои битве и персты мои брани, щит мой, — и я на Него уповаю" (Пс. 143, 1-2). Поэтому я никогда не просила Господа Бога о ранней смерти, правда, всегда надеялась, что на то есть Его воля. Часто Господь довольствуется одним желанием потрудиться ради Его славы, а вам, матушка, известно, как велики мои желания. Вам известно также, что Господь уготовал мне не одну горькую чашу, которую каждый раз отводил от моих уст прежде, чем я отпивала из нее, давая тем не менее почувствовать ее горечь. Возлюбленная матушка, царь Давид был прав, когда пел: "Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!" (Пс. 132, 1). Эту истину я чувствовала довольно часто, но такое единство на земле может существовать лишь среди страданий. Я поступила в Кармель вовсе не за тем, чтобы жить вместе со своими сестрами, но только ради того, чтобы ответить на призыв Господа. Да, я предчувствовала, что совместная жизнь с собственными сестрами должна стать постоянным страданием, если не хочешь примириться с человеческой природой.

Как можно говорить, что совершеннее — удалиться от своих? Разве когда-нибудь упрекали братьев за то, что они вместе сражались на поле битвы, разве упрекали их в том, что они вместе устремлялись принять мученический венец? Несомненно, правильнее рассуждать, что

они поддерживали друг друга, и мученичество каждого становилось мученичеством всех. Так же и в монашеской жизни, которую богословы называют мученичеством. Сердце, отдавая себя Богу, не утрачивает своей природной нежности, напротив, она возрастает, становясь еще чище и божественней.

Возлюбленная матушка, именно с такой нежностью я люблю вас и своих сестер. Я счастлива сражаться семьей ради славы Царя Небесного, но готова также улететь и на другое поле битвы, если божественный Военачальник выразит такое желание. Не нужно было бы и приказа об этом, достаточно одного взгляда, простого знака.

Со времени моего вхождения в благословенный ковчег я думала, что если Господь не возьмет меня поскорей на Небо, то участь маленькой голубки Ноя станет также и моей: в один прекрасный день Господь откроет окно ковчега и велит мне лететь далеко-далеко к неверным берегам, унося с собой масличный листок. Матушка, душа моя возрастала от этой мысли, благодаря которой я возносила над всем творением. Я поняла, что даже в Кармеле возможна разлука, что только на Небе единство будет полным и вечным, и тогда мне захотелось, чтобы моя душа обитала на Небесах и взираала на земное лишь издали. Я примирилась не только со своим изгнанием и жизнью среди незнакомого народа, но и с изгнанием для моих сестер, а в этом было гораздо больше горечи. Мне никогда не забыть 2 августа 1896 года. Это был день отплытия миссионеров* (В этот день группа миссионеров отправлялась из Марселя в Китай.), когда серьезно заговорили об отъезде матери Агнессы Иисуса. Мне не хотелось делать ни малейшего движения, чтобы помешать ей уехать, и тем не менее на сердце была печаль. Я считала, что ее утонченная и чуткая душа не подходит для жизни среди тех, кто не сумеет ее понять. Тысячи других мыслей теснились в моей голове, а Господь молчал и не усмирал бурю. Я же говорила Ему: "Боже мой, ради Твоей любви я согласна на все. И, если Тебе угодно, я готова страдать вплоть до смерти от горя". Господу оказалось достаточно моего согласия, но через несколько месяцев заговорили об отъезде сестры Женевьевы и сестры Марии Святой Троицы. Теперь было иное страдание, очень сокровенное и глубокое. Я представляла себе все испытания и разочарования, которые им предстояло вытерпеть, — словом, мое небо было затянуто тучами. И только в самой глубине сердца пребывали мир и покой.

Возлюбленная матушка, ваша осмотрительность смогла приоткрыть волю Божью, и от Его имени вы запретили послушницам даже думать в настоящее время о том, чтобы оставить колыбель монашеского младенчества. Но вам были понятны их устремления, поскольку вы сами, матушка, просились в юности уехать в Сайгон. Вот так зачастую желания матери находят отклик в душах детей. Дорогая матушка, вам известно, что ваша апостольская жажда находит верный отклик и в моей душе. Позвольте мне поведать вам, почему я хотела и еще хочу — если Пресвятая Богородица меня исцелит — оставить ради чужой земли прекрасный оазис, где я так счастливо живу под вашим материнским взглядом.

Матушка, необходимо (вы сами мне говорили) совершенно особое призвание для того, чтобы жить в Кармеле на чужбине. Многие думают, что призваны к этому, но в действительности это не так; мне же вы сказали, что у меня есть такое призвание и только мое здоровье является препятствием. Я твердо знаю, что оно исчезнет, если Господь Бог позовет меня вдаль, поэтому и живу без всякого беспокойства. Если мне придется когда-нибудь оставить мой родной Кармель — это произойдет не без болезненного ощущения. Господь не наделил меня бесчувственным сердцем, и именно потому, что оно способно страдать, я хочу, чтобы оно отдало Господу все, что может. Здесь, возлюбленная матушка, я живу, совершенно не затрудняя себя земными заботами. Мне нужно лишь исполнять то простое и приятное поручение, которое вы мне доверили. Здесь я осыпана знаками вашей материнской предупредительности, не знаю бедности и не испытываю ни в чем недостатка. Но, самое главное, здесь я любима вами и всеми сестрами, и эта привязанность мне очень приятна. Вот почему я мечтаю о монастыре, где я была бы никому неизвестна, где мне пришлось бы терпеть бедность, отсутствие привязанности — словом, сердечное изгнание.

Нет, не с намерением послужить тому Кармелю, который согласится меня принять, я бы оставила все, что мне дорого. Разумеется, я стала бы делать все от меня зависящее, но я знаю свои ограниченные способности и знаю, что стараясь делать как можно лучше, все равно не смогу сделать хорошо, не имея, как только что говорила, никакого понятия о земных вещах. Единственной моей целью было бы исполнять волю Господа Бога и приносить себя Ему в жертву так, как Ему будет угодно.

Чувствую, что у меня не будет никакого разочарования, потому что, когда ждешь одни только страдания, — и малейшая радость становится неожиданным подарком. И потом, матушка, вам известно, что само страдание становится наибольшей из радостей, если ищешь его, как драгоценнейшее из сокровищ.

Нет, не с намерением порадоваться плодам трудов своих хотела бы я уехать. Если бы в этом была моя цель — я не ощущала бы того безмятежного мира, который меня переполняет, и даже страдала бы от невозможности осуществить свое призвание к дальним миссиям. Давно уже я не принадлежу себе и всецело предала себя Господу Иисусу. Посему Он волен делать со мной все, что угодно. Он наделил меня влечением к полному изгнанию и помог осознать страдания, с которыми мне придется там встретиться, спрашивая, желала бы я испить эту чашу до дна. Мне сразу же захотелось схватить предложенную Господом чашу, но Он, отводя Свою руку, дал мне понять, что Ему вполне достаточно согласия.

О матушка, от каких только беспокойств не освобождаешься, когда приносишь обет послушания! Как же счастливы простые монахини, ведь воля настоятельниц — единственный их компас; они всегда уверены, что находятся на правильном пути и не боятся ошибиться, даже если им определенно кажется, что настоятельницы заблуждаются. Но стоит лишь перестать смотреть на этот верный компас, стоит лишь отклониться от указанного им пути под предлогом исполнения воли Господа Бога — которая не слишком хорошо просвещает тех, кто, тем не менее, замещает Его — как сразу же душа начинает блуждать по безводной земле и вскоре лишается благодатной влаги.

Возлюбленная матушка, вы — тот компас, который Господь дал мне, чтобы надежно вести меня к берегам вечности. Как приятно внимательно смотреть на вас, а затем исполнять волю Божию. С тех пор как Господь попустил мне пострадать от искушений против веры, Он сильно взрастил в моем сердце дух веры, позволяющий видеть в вас не только мать, которая меня любит и которую я люблю, но, особенно, — видеть Господа, живущего в вашей душе и сообщающего мне с вашей помощью Свою волю. Матушка, я хорошо знаю, что вы обращаетесь со мной, как с душой немощной, как с избалованным ребенком. Поэтому мне не затруднительно нести бремя послушания, но по тому, что я чувствую в глубине сердца, мне кажется, что мое поведение не изменилось бы, а моя любовь к вам не ослабела бы, если б вам было угодно обращаться со мной строго, потому что я опять-таки увидела бы волю Господа в том, как вы действуете ради наибольшего блага моей души.

Дорогая матушка, в этом году Господь Бог ниспослал мне милость уразуметь, что такое любовь к ближнему. Правда, я и раньше понимала это, но не совершенно, не вникая в слова Господа: "Вторая заповедь, подобна первой: возлюби ближнего твоего, как самого себя" (см. Мф. 22, 39). Особенно я старалась любить Господа, и любя Его, поняла, что моя любовь не должна выражаться только словами, потому что: "Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного" (Мф. 7, 21). Господь Иисус много раз показывает эту волю, можно сказать, на каждой странице Евангелия, но лишь на последней Вечере, когда Он знает, что сердца учеников пылают самой горячей любовью к Нему, только что преподавшему им Себя в непостижимом таинстве Евхаристии, Спаситель желает дать им новую заповедь. С невыразимой нежностью Он говорит им: "Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою." (Ин. 13, 35-35).

Так как же Господь возлюбил Своих учеников и почему Он возлюбил их? Его не могли привлечь их природные качества, ведь между ними и Им огромная разница. Он — вечная

Премудрость и ведение (см. Кол. 2, 3), они — бедные невежественные рыбаки, думающие о земном. Между тем, Господь называет их Своими друзьями, Своими братьями, Он хочет видеть их царствующими вместе с Ним в царстве Отца Своего, хочет умереть на кресте, чтобы открыть им это царство, ибо Он сказал: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15, 13).

Возлюбленная матушка, размышляя над этими словами Господа, я поняла, насколько несовершенна моя любовь к сестрам. Я увидела, что не любила их так, как их любит Господь Бог. Да, теперь я понимаю, что совершенная любовь к ближнему состоит в том, чтобы переносить недостатки других, никогда не удивляться их немощам и учиться у них даже малейшим проявлениям добродетели. Но, самое главное, я поняла, что любовь к ближнему вовсе не должна замыкаться в глубине сердца: "...зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме" (Мф. 5, 15), — сказал Господь. Мне кажется, что эта свеча являет собой любовь к ближнему, она должна светить и приносить радость не только тем, кто наиболее дорог, но всем в доме, без исключения.

Когда Господь заповедал Своему народу любить ближнего своего, как самого себя (см. Лев. 19, 18), Он еще не приходил на землю, поэтому, хорошо зная, до какой степени люди любят самих себя, Он не мог требовать большего. Но когда Господь дал апостолам заповедь новую, заповедь Свою, как Он называет ее чуть дальше, Он говорил уже не о том, чтобы любить ближнего, как самого себя, но любить ближнего, как Он, Иисус, возлюбил и как будет любить до скончания века...

О Господи, я знаю, что Ты не заповедаешь ничего невозможного. Лучше меня самой Тебе известна моя немощь, мое несовершенство. Ты хорошо знаешь, что никогда я не смогла бы любить своих сестер так, как их любишь Ты, если бы Ты Сам, о Иисусе, не любил бы их еще и во мне. Ты дал заповедь новую потому, что пожелал ниспослать мне такую милость. Как же я люблю эту заповедь, ибо она дает мне уверенность в том, что Твоя воля — любить во мне всех тех, кого Ты мне заповедал любить!

Да, я чувствую, что когда я становлюсь способна на любовь к ближнему, то это только Господь действует во мне. Чем больше я соединяюсь с Ним — тем больше люблю всех своих сестер. Когда мне хочется усилить эту любовь и, особенно, когда дьявол пытается выставить напоказ моим духовным очам недостатки той или иной наименее симпатичной мне сестры, я стараюсь обнаружить ее добродетели и благие желания. Я говорю себе, что, если и видела ее один раз упавшей, то ведь она могла одержать великое множество побед, скрывааемых из смирения, и даже то, что представляется мне ошибкой — если учесть намерение — вполне может оказаться проявлением добродетели. И мне совсем нетрудно убедиться в этом, потому что однажды я проделала небольшой опыт, показавший, что никогда не надо судить. Это произошло во время рекреации. Привратница позвонила два раза, и надо было открыть главные ворота рабочим, чтобы занести бревна для яслей. Рекреация проходила не очень весело, ведь там не было вас, дорогая матушка. Поэтому я подумала, что, если бы меня послали сопровождать рабочих, — я была бы очень рада. Именно в этот момент помощница настоятельницы попросила об этой услуге меня или сестру, которая была рядом. Я сразу же принялась развязывать фартук, но очень медленно, чтобы моя соседка смогла освободиться раньше меня, так как хотела порадовать ее, уступив такую возможность. Сестра, исполнявшая обязанности экономки, смеясь, смотрела на нас и, видя, что я встала позже, сказала мне: "Да, я так и думала, что вам не удастся заработать эту жемчужину для венца, вы слишком медлительны..."

Разумеется, все сестры подумали, что я действовала по естественному побуждению. Не могу выразить, каким полезным для души оказалось это маленькое происшествие, которое сделало меня снисходительнее к слабостям других. К тому же оно не позволяет мне тщеславиться, когда обо мне судят благоприятно, ибо я говорю себе: "Раз мои небольшие проявления добродетели принимают за недостатки, то можно точно так же ошибиться, принимая недостаток за добродетель". Тогда я повторяю вместе с апостолом Павлом: "Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. ...судия

же мне Господь" (1 Кор. 4, 3-4). Поэтому, чтобы сделать этот суд благоприятным, или, скорее, чтобы вовсе не быть судимой, я хочу, чтобы мои мысли всегда были исполнены любовью к ближнему, ибо Господь сказал: "Не судите, и не будете судимы" (Лк. 6, 37).

Читая эти строки, матушка, вы можете подумать, что мне не затруднительно упражняться в любви к ближнему. И правда, уже несколько месяцев мне не надо сражаться за эту прекрасную добродетель. Я не хочу сказать, что никогда не ошибаюсь, нет, для этого я слишком несовершенна. Но мне не составляет большого труда подняться после падения, потому что однажды я одержала победу, и теперь мне на помощь приходит небесное воинство, ибо оно не может примириться с моим поражением после того, как видело меня победительницей в той битве, которую я постараюсь сейчас описать.

В нашей общине есть одна сестра с особым дарованием: быть мне неприятной во всем. Ее поведение, слова, характер — кажутся мне *очень неприятными*, между тем, это святая монахиня, которая должна быть *очень приятной* Господу Богу. Поэтому, не желая поддаваться чувству естественной антипатии, я сказала себе, что любовь к ближнему не заключается в одних лишь чувствах, но и в делах. И тогда я постаралась делать для этой сестры то, что делала бы для самого любимого человека. Каждый раз, когда я ее встречала, то молилась о ней, предавая Господу Богу все ее добродетели и достоинства. Я чувствовала, что это приятно Господу, потому что не бывает художника, которому не нравится, когда хвалят его произведения. И Господь, Художник человеческих душ, счастлив, когда люди не останавливаются на внешнем, но проникают до самых глубин и восхищаются красотой той сокровенной обители, где Он пребывает. Мне недостаточно было много молиться за сестру, которая подавала столько поводов для борьбы. Я старалась оказывать ей всевозможные услуги, а когда у меня возникало искушение нелюбезно ей ответить, я довольствовалась тем, что самым приятным образом улыбалась и старалась перевести разговор на другую тему, ибо в Подражании сказано: "Лучше оставить каждого чувствовать по-своему, чем трудиться в пререканиях" (см. Подр. 3, 44-1).

Также довольно часто, когда я сталкивалась с этой сестрой не во время рекреации, а в рабочие часы, и духовная брань становилась слишком жестокой, я удирала, как дезертир. Поскольку она абсолютно не ведала, что я к ней испытывала, то никогда и не догадывалась о причинах моего поведения, пребывая в уверенности, что ее характер мне приятен. Однажды во время рекреации она с очень довольным видом сказала мне приблизительно следующее: "Не могли бы вы мне сказать, сестра Тереза Младенца Иисуса, что вас так привлекает ко мне? Ведь каждый раз, когда вы смотрите на меня, я вижу, что вы улыбаетесь". Что же меня привлекало? Меня привлекал Господь, скрытый в глубине ее души. Господь, превращающий все самое горькое в сладкое и приятное (см. Подр. 3, 5-3). Я ей ответила, что улыбаюсь, потому что рада ее видеть (разумеется, не добавляя, что только с духовной точки зрения).

Возлюбленная матушка, я рассказала вам о моем *последнем средстве* не быть побежденной в духовной брани. Это — дезертирство. Его я использовала, когда еще была послушницей, и оно всегда мне прекрасно удавалось. Матушка, я хочу привести вам один пример, который, думаю, заставит вас улыбнуться. Когда вы в очередной раз болели бронхитом, я тихонечко пришла утром отдать вам ключи от решетки, через которую нас причащают, так как была ризницей. В глубине души я не огорчалась от возможности увидеть вас, я была даже очень рада, но совсем этого не показывала. Увидев, что я собираюсь войти к вам, одна сестра (которая хорошо относилась ко мне) в порыве усердия подумала, что я могу разбудить вас. Она решила забрать у меня ключи, но я была слишком хитра, чтобы отдать их ей и уступить свои права. Я сказала как можно вежливее, что так же, как и она, вовсе не хочу разбудить вас и что право вернуть ключи принадлежит мне... Теперь я понимаю, что было бы гораздо совершеннее уступить этой действительно юной сестре, которая была, впрочем, старше меня. Тогда я этого не понимала, и во что бы то ни стало хотела войти следом, несмотря на то, что она придерживала дверь, препятствуя мне. Очень скоро случилась беда, которой мы обе опасались: весь этот шум вас разбудил. И тогда, матушка, все свалилось на меня. Бедная сестра, которой я сопротивлялась, выпалила скороговоркой примерно следующее: это сестра

Тереза Младенца Иисуса наделала шум... Боже мой, какая она противная... и т. д. Я же чувствовала совершенно обратное и хотела защищаться. К счастью, мне в голову пришла светлая мысль, и я сказала себе, что, несомненно, если я начну оправдываться, то не смогу сохранить душевный мир. Еще я почувствовала, что мне не хватит смирения позволить себя обвинять, ничего не отвечая. Итак, последним якорем спасения оставалось бегство. Задумано — сделано, и я тихо ушла, оставив сестру продолжать свою речь, похожую на проклятия Рима Камиллой*. (Речь идет о пьесе Пьера Корнеля "Гораций".) Мое сердце билось так сильно, что я не могла уйти далеко и присела на лестнице, чтобы мирно порадоваться своей победе. Здесь не было никакой храбрости, не так ли, дорогая матушка? Но я все-таки думаю, что лучше не вступать в борьбу, когда поражение очевидно. Увы, стоит мне перенестись во времена послушничества, как вижу, насколько несовершенной я была. Я огорчалась от таких пустяков, над которыми теперь смеюсь. Сколь же милостив Господь, давший моей душе возрасти и наделивший ее крыльями. Никакие сети охотников не сумели бы меня напугать, ибо: "В глазах всех птиц напрасно расставляется сеть" (Притч. 1, 17). Потом и нынешнее время, несомненно, покажется мне полным недостатков, но теперь я уже ничему не удивляюсь и не огорчаюсь, видя, что я — сама немощь. Наоборот, именно ею хваюсь (см. 2 Кор. 12, 5) и каждый день надеюсь обнаружить в себе новые недостатки. Помня, что любовь друг ко другу покрывает множество грехов (см. 1 Петр. 4, 8), я черпаю в этом неиссякаемом источнике, который Господь открыл предо мной. В Евангелии от Матфея Господь объясняет, в чем состоит Его новая заповедь. Он говорит: "Вы слышали, что сказано: "люби ближнего твоего, и ненавидь врага твоего". А Я говорю вам: любите врагов ваших, молитесь за гонящих вас." (Мф. 5, 43-44). Конечно, в Кармеле не встретишь врага, но все-таки бывают симпатии. Чувствуешь, что вот эта сестра привлекает тебя, тогда как другая заставит сделать большой крюк, чтобы избежать встречи, и таким образом, даже не ведая, становится предметом гонения. Так вот! Господь говорит мне, что именно эту сестру надо любить, надо молиться о ней, даже если ее поведение заставляет думать, что она меня не любит: "Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят." (Лк. 6, 32). И недостаточно просто любить, необходимо это доказывать. Вполне естественная радость — преподнести другу подарок. Особенно приятно делать сюрпризы, но это — не любовь к ближнему, ведь грешники делают то же самое. Вот чему еще учит меня Господь: "Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад." (Лк. 6, 30). Давать всем, кто просит, менее приятно, нежели предлагать самому от побуждения сердца. Опять же, когда просят приветливо, ничего не стоит дать, но если, к несчастью, при этом бывают невежливости, — душа сразу же возмущается, если еще не укреплена в любви к ближнему. Она находит множество причин отказать в просьбе и только после того, как убедит просительницу в неделикатности, наконец из милости даст ей просимое или же окажет небольшую услугу, которая отнимет у нее в сто раз меньше времени, потраченного на отстаивание воображаемых прав. Если и трудно дать всякому просящему, то гораздо труднее позволить взять, не требуя обратно, принадлежащее тебе. Матушка, я говорю, что это трудно, но должна была бы скорее сказать, что это кажется трудным, потому что иго Господне благо, и бремя Его легко (см. Мф. 11, 30). Стоит лишь принять это бремя, как сразу же ощущаешь его легкость и вместе с Псалмопевцем восклицаешь: "Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое" (Пс. 118, 32). Лишь одной любви к ближнему под силу расширить мое сердце, Господи Иисусе! С тех пор как пламя любви поглощает его, я с радостью теку путем Твоей новой заповеди. Я хочу течь по нему вплоть до того благословенного дня, когда, присоединившись к сонму девственниц, смогу следовать за Тобой в бесконечных пространствах, воспевая Твою новую песнь, которой может быть только песнь любви (см. Откр. 14, 3-4). Я говорила: "Господу неудобно, чтобы я требовала принадлежащее мне". Это должно казаться простым и естественным, потому что ничего моего нет. Принеся обет бедности, я отказалась от земных вещей и поэтому не имею права жаловаться, если у меня забирают не принадлежащую мне вещь. Наоборот, я должна радоваться, когда мне приходится испытать нищету. Прежде мне казалось, что я ничем не дорожу, но с тех пор, как уразумела слова

Господа, вижу, что в некоторых случаях я очень несовершенна. Например, там, где хранятся краски, нет ничего моего, и это мне хорошо известно. Но если, принимаясь за работу, я нахожу кисти и краски в полном беспорядке, если исчезла линейка или перочинный ножик, — терпение уже готово оставить меня, и я должна набраться решимости, чтобы не потребовать с досадой недостающие предметы. Порою бывает нужно попросить необходимое, и если делать это со смирением, то нет противоречия Христовой заповеди, наоборот, это похоже на то, как нищие протягивают руку, чтобы получить необходимое, и не удивляются, если их отвергают: никто им ничего не должен. Какой мир наполняет душу, когда она поднимается выше естественных чувств. Нет радости сравнимой с той, что испытывает истинно нищий духом. Если он отрешенно попросит нечто необходимое, а ему не только откажут, но и попытаются забрать имеющееся, он следует совету Господа: "Кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду..." (Мф. 5, 40).

Отдать верхнюю одежду — это, мне кажется, отказаться от своих последних прав, считая себя слугой и рабом других. Когда сбрасываешь верхнюю одежду, то становится легче идти или бежать, поэтому Господь добавляет: "И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два" (Мф. 5, 41). Итак, недостаточно давать всякому просящему, нужно идти навстречу желаниям и показывать свою признательность, считая за честь услужить. А если забирают вещь, которой пользуешься, — не должно иметь вид, что сожалеешь о ней, но наоборот, казаться счастливой потому, что освобождаешься от нее.

Дорогая матушка, я еще так далека от исполнения того, что понимаю. Между тем одно только желание этого дарует мне мир.

Более чем когда-либо я чувствую, что объясняюсь крайне плохо. Я произнесла, в некотором роде, речь о любви к ближнему, чтение которой должно вас утомить. Простите меня, возлюбленная матушка, и представьте себе, что в это самое время сестры, которые обыкновенно ухаживают за больными, упражняются, на мой взгляд, в том, о чем я только что писала: их не страшит сделать две тысячи шагов там, где хватило бы и двадцати. Таким образом, я могу созерцать любовь к ближнему в действии! Разумеется, это должно стать бальзамом для моей души, но мой ум, признаюсь, несколько парализован подобной самоотверженностью, а перо утратило легкость. Чтобы обрести возможность выражать свои мысли, надо быть "как одинокая птица" (Пс. 101, 8), но это удается редко. Только я собираюсь взяться за перо, как невдалеке от меня проходит сестра с вилами на плече. Она думает развлечь меня непродолжительной болтовней. Сено, утки, куры, посещение доктора — все годится для разговора; сказать по правде, это не занимает много времени, но ведь *не одна же сестра милосердна*. Внезапно другая веяльщица возлагает на мои колени цветы, думая, очевидно, вдохновить меня на поэтические мысли, к которым я в данный момент не стремлюсь, предпочитая, чтобы цветы покачивались на своих стебельках. В конце концов, утомившись открывать и закрывать эту знаменитую тетрадку, я раскрываю книгу (которая не желает оставаться раскрытой) и решительно заявляю, что переписываю отрывки из псалмов и Евангелия к именинам нашей матушки. Это правда, потому что я не экономлю на цитатах... Дорогая матушка, думаю, что позабавлю вас своими рассказами о приключениях в дебрях Кармеля. Не знаю, удалось ли мне спокойно написать и десяток строк. Это меня не смешит и не забавляет, но из любви к Господу Богу и сестрам (столь милосердным ко мне) я стараюсь иметь довольный вид, а, главное, быть довольной... Кстати, вот отходит одна веяльщица, которая сказала мне сочувственным тоном: "Бедная моя сестричка, вам должно быть очень утомительно так писать целый день." — "Не беспокойтесь, — ответила я, — это только кажется, что я много пишу, на самом деле я почти ничего не пишу." — "Тем лучше, — сказала она с успокоенным видом, — но все равно, я очень рада, что мы собираемся сейчас ворошить сено, ведь это всегда немного развлекает вас". Это и правда большое развлечение (не считая посещений сестер, ухаживающих за больными), и я не обманываю, когда говорю, что почти ничего не пишу.

К счастью, меня не очень-то просто привести в отчаяние, и чтобы показать это, матушка, я продолжу объяснять то, что Господь дал мне уразуметь по поводу любви к ближнему. Пока я

рассказала только о внешней стороне. Теперь мне хотелось бы поделиться с вами, как я понимаю любовь к ближнему в духовном плане. Я совершенно уверена, что не замедлю перемешать одно с другим, но надеюсь, матушка, — вам не составит труда уловить мысль вашей дочери и распутать клубок.

В Кармеле не всегда есть возможность буквально исполнять слова Евангелия. Иногда из-за послушаний приходится отказывать в услуге, но если любовь к ближнему пустила глубокие корни в душе, то она проявит себя и во вне. Есть способы отказать в том, чего дать невозможно, так ласково, что отказ будет так же приятен, как и сам дар. Конечно, проще попросить об услуге сестру, всегда готовую услужить, между тем Господь сказал: "От хотящего занять у тебя не отвращайся" (Мф. 5, 42). Но все-таки не следует избегать сестер, которые постоянно просят об одолжениях, под предлогом того, что им придется отказать. И не стоит быть предупредительной для видимости или в надежде, что когда-нибудь та сестра, которой оказана услуга, оплатит тем же, ведь Господь наш сказал еще: "Если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая". (Лк. 6, 34-35). О да, награда великая уже на земле... На этом пути дорого обходится лишь первый шаг. Давать займы ничего не ожидая кажется трудным — легче отдать, зная, что отданное больше тебе не принадлежит. Например, приходят к вам и с совершенно убежденным видом говорят: "Сестра, мне необходима ваша помощь в течение нескольких часов, но не волнуйтесь, матушка согласна, и я возмещу предоставленное вами время, потому что знаю, как вы заняты". На самом деле отлично известно, что предоставленное время никогда не будет возмещено и было бы предпочтительнее сказать: "Отдаю его вам". И это удовлетворило бы самолюбие, потому что отдать — великодушнее, чем одолжить, и потом, это даст сестре почувствовать, что на ее услуги не рассчитывают. Как противоречат естественным чувствам наставления Господа! Без Его благодати было бы невозможно не только воспользоваться ими, но даже постичь их.

ГЛАВА 11

Те, которых вы мне дали (1896-1897)

Послушницы и духовные братья. — Орудия Господа. — Маленькая кисточка. — Сила молитвы и сила жертвы. — Сестра Сен-Пьер. — Два миссионера. — "Влеку меня, мы побежим". — Конец рукописи "С".

Матушка! Господь удостоил ваше дитя милости: Он позволил ему проникнуть в тайные глубины любви к ближнему. Если б оно могло выразить то, что понимает, вы услышали бы небесное пение, но, увы, вам предстоит услышать лишь детский лепет... И если бы слова Господа не служили мне опорой — у меня возникло бы искушение попросить пощады и отложить перо. Но нет, нужно по послушанию продолжать то, что было начато по послушанию.

Возлюбленная матушка, вчера я писала, что земные блага мне не принадлежат, и когда у меня что-нибудь забирают, то мне не должно быть тяжело не потребовать это назад. Тем более мне не принадлежат небесные блага, потому что они доверены мне Господом Богом, и у меня нет права жаловаться, если Он заберет их. Между тем блага, исходящие непосредственно от Господа Бога: порывы ума и сердца, глубокие мысли — все это образует богатство, к которому привязываешься, словно к собственному, и касаться которого никто не имеет права... Например, если в день отдыха* (Особый день, когда кармелиткам разрешено свободно разговаривать и заходить друг к другу в кельи.) расскажешь какой-нибудь сестре о некоем озарении, обретенном во время молитвы, а потом эта сестра в разговоре с другой поделится этим, как собственной мыслью, тогда может показаться, что она присваивает чужое. Или на рекреации шепнешь соседке что-нибудь остроумное и кстати, а она, не ссылаясь на источник, громко повторит услышанное, — это опять-таки покажется воровством

собственнице, которая не станет возражать, хотя и желала бы, и воспользуется первым же случаем, чтобы тонко намекнуть на то, что присвоили ее мысли.

Матушка, я не сумела бы так хорошо объяснить вам эти плачевные чувства человеческого естества, если бы не ощущала их в своем собственном сердце, и охотно убаюкивала бы себя приятной иллюзией, что они посещают только мое сердце, если бы вы не велели мне выслушивать признания послушниц об их искушениях. Я многому научилась, исполняя поручение, которое вы мне доверили, но больше всего почувствовала необходимость самой упражняться в том, чему учила других. Таким образом, теперь я могу сказать, что Господь сподобил меня быть привязанной к благам ума и сердца не более, чем к земным. Если мне случается подумать и высказать нечто, что понравится сестрам, то я нахожу вполне естественным, что они завладевают этим как собственным благом. Эта мысль принадлежит Святому Духу, а не мне, ибо апостол Павел говорит, что без Духа Любви мы не можем взывать к нашему Отцу, существу на Небесах: "Авва, Отче!" (см. Рим. 8, 15). Итак, Он совершенно волен воспользоваться мной, чтобы подать хорошую мысль какой-нибудь душе; если бы я считала, что эта мысль принадлежит мне, то была бы похожа на "Осла, носящего мощи"* (Басня Лафонтена.), который полагал, что почести оказываются не святым, а ему.

Я не пренебрегаю глубокими мыслями, которые насыщают душу и соединяют с Богом, но уже давно поняла, что не следует полагаться на них и заключать, будто частые озарения — это путь к совершенству. Без дел самые прекрасные мысли — ничто. Конечно, другие люди смогут извлечь из них немалую пользу, если проявят смирение и будут благодарны Господу Богу за то, что Он допускает их на пир той души, которой Ему было угодно даровать столько благодати. Но если эта душа, услаждаясь своими прекрасными мыслями, возносит молитву фарисея, она становится похожей на человека, умирающего от голода у богато накрытого стола в то время, когда его гости досыта едят, завистливо поглядывая на обладателя таких сокровищ. Но одному Господу Богу ведомы глубины сердца... и сколь же коротки мысли людей! Стоит им увидеть более просветленную душу, как они сразу же делают вывод, что их Господь любит меньше и что они не призваны к такому же совершенству. С каких это пор Господь утратил право использовать одно из Своих творений, чтобы дать возлюбленным Им душам необходимую пищу? Еще во времена фараона Господь имел такое право, ибо в Священном Писании Он говорит этому властелину: "Для того Я сохранил тебя, чтобы показать на тебе силу Мою, и чтобы возведено было имя Мое по всей земле." (Исх. 9, 16). С тех пор как Всевышний произнес эти слова, сменились века, но образ Его действий не изменился. Он всегда пользовался Своими творениями как орудиями, чтобы вершить Свое дело в человеческих душах.

Если бы написанная художником картина могла думать и говорить, она, конечно, не стала бы жаловаться, что к ней беспрестанно прикасались кистью. Тем более она не позавидовала бы ей, зная, что вовсе не кисти, но водившему ею художнику она обязана своей красотой. И кисть, со своей стороны, не могла бы похвалиться созданным с ее помощью произведением, ведь ей-то известно, что художники никогда не смущаются и шутя преодолевают трудности, а иной раз им доставляет удовольствие выбирать неисправные мелкие инструменты.

Возлюбленная матушка, я — маленькая кисточка, выбранная Господом, чтобы написать Его образ в душах, доверенных мне вами. Художник не пользуется одной кистью, ему по меньшей мере нужны две. Первая, наиболее употребляемая, служит для нанесения цветового фона. Ею он покрывает все полотно за очень короткое время. Другая, поменьше, нужна для деталей.

Матушка, для меня вы представляете собой ту кисть, за которую с любовью берется рука Господа, когда Ему угодно совершить серьезный труд в душах ваших дочерей. Я же — совсем маленькая кисточка, которую Он использует для прописывания деталей.

В первый раз Господь воспользовался Своей кисточкой около 8 декабря 1892 года. Я всегда буду вспоминать то благодатное время. Сейчас, дорогая матушка, я поделюсь с вами этими приятными воспоминаниями.

Когда мне посчастливилось в пятнадцать лет поступить в Кармель, я нашла себе среди послушниц подругу, опередившую меня на несколько месяцев. Она была на восемь лет

старше, но из-за ее детского характера разница в возрасте забывалась. Поэтому довольно скоро вы, матушка, с радостью заметили, что обе юные послушницы великолепно понимают друг друга и становятся просто неразлучными. Для содействия этой зарождающейся привязанности, которая, как вам казалось, должна была принести плоды, вы разрешили нам иногда проводить друг с другом короткие духовные беседы. Моя подруга очаровывала меня своим простодушным и экспансивным характером, но в то же время меня удивляло, насколько ее привязанность к вам отличалась от моей. И еще мне хотелось, чтобы она многое изменила в своем поведении по отношению к сестрам. Тогда Господь Бог дал мне уразуметь, что есть души, которых постоянно ожидает Его милосердие, — души, которым Он дарует Свой свет постепенно; поэтому я особенно остерегалась торопить время и терпеливо ждала, когда Господу будет угодно, чтобы оно наступило.

Размышляя однажды над данным нам разрешением беседовать, как сказано в нашем уставе: "Чтобы еще больше воспламениться в любви к Жениху", — я с грустью подумала, что наши разговоры не достигали желаемой цели. И тогда Господь Бог дал мне понять, что момент настал, что нужно не бояться говорить или же прекратить эти беседы, похожие на светскую болтовню. Это было в субботу. На следующий день во время благодарственных молитв я просила Господа Бога вложить в мои уста убедительные и кроткие слова или, еще лучше, Самому говорить через меня. Господь внял моей молитве и позволил результату превзойти ожидания, ибо: "Кто обращал взор к Нему, те просвещались" (Пс. 33, 6) и "во тьме восходит свет правым" (Пс. 111, 4). Первые слова адресованы мне, вторые — моей подруге, которая действительно была "правой".

Подошел час, который мы решили провести вместе. Взглянув на меня, бедная сестрица сразу увидела, что я уже не та; краснея, она села рядом со мной. Тогда я прижала ее голову к сердцу и со слезами в голосе сказала все, что думала, с такой любовью и лаской, что вскоре ее слезы смешались с моими. С большим смирением она согласилась с тем, что все сказанное мною — правда, обещала начать новую жизнь и просила меня, как о милости, всегда указывать ей на ее ошибки. К моменту расставания наша привязанность стала чисто духовной, в ней больше не было ничего чувственного. На нас исполнились слова Писаний, по которым брат, поддержанный братом, подобен укрепленному городу (ср. Притч. 18, 19).

Сделанное Господом с помощью Его маленькой кисточки стерлось бы вскоре, если бы через вас, матушка, Он не завершил Свою работу в душе, которую возжелал для Себя полностью. Испытание показалось моей подруге весьма горьким, но ваша стойкость восторжествовала, и тогда я, стараясь утешить, объяснила той, которую вы дали мне в сестры, в чем заключается истинная любовь. Я показала ей, что она любила саму себя, а не вас, и рассказала о том, как любила вас я и на какие жертвы была вынуждена идти в начале своей монашеской жизни, чтобы не иметь к вам плотской привязанности, как у собаки к хозяину. Любовь питается жертвами, и тем она сильнее и бескорыстнее, чем больше душа отказывается от естественных удовольствий.

Помнится, когда я была послушницей, у меня бывало такое жестокое искушение войти к вам ради собственного удовольствия и обрести хоть каплю радости — что мне приходилось почти пробегать мимо вашего кабинета, а затем цепляться за перила лестницы. Мне приходило в голову многое, на что можно было бы испросить разрешение, наконец, возлюбленная матушка, я изыскивала кучу причин для удовлетворения своего желания. Как я теперь счастлива, что лишила себя этого с самого начала своей монашеской жизни. Сейчас я наслаждаюсь наградой, обещанной тем, кто отважно сражается. Я не чувствую больше надобности отказывать себе во всех утешениях сердца, потому что душа моя укреплена Тем, Кого Одного я желала любить. Я с радостью вижу, что от любви к Нему сердце становится шире и может дарить неизмеримо больше ласки дорогим ему людям, чем будь оно сосредоточено на эгоистической и бесплодной любви.

Дорогая матушка, я напомнила вам о первом труде, который был мне поручен Господом и вами. Он оказался лишь предвестием трудов, которые потом были мне доверены. Как только мне было дано проникнуть в тайники человеческих душ* (С 1893 по 1896 год Тереза помогала

послушницам войти в традицию монастырской жизни.), я сразу же поняла, что задача выше моих сил. Тогда я предала себя в руки Господа Бога и, пряча лицо у Него на груди, сказала, словно малое дитя: "Господи, я слишком мала, чтобы накормить Твоих детей. Если Ты желаешь давать потребное сестрам с моей помощью, то наполни мою маленькую руку, и я буду, не покидая Твоих рук и не поворачивая головы, давать Твои сокровища той душе, которая придет ко мне за хлебом насущным. Если такая пища придется ей по вкусу, я буду знать, что не мне, а Тебе она обязана этим. Напротив, если она станет жаловаться, что я ей предлагаю горькое — мой мир не нарушится. Я постараюсь убедить ее, что эта пища от Тебя, и поостерегусь приниматься за поиски для нее другой пищи".

Матушка, с тех пор как я поняла, что ничего не могу делать самостоятельно, ваше поручение уже не казалась мне чересчур трудным. Я почувствовала, что "одно только нужно" (Лк. 10, 42): все больше и больше соединяться с Господом, и все остальное приложится (см. Мф. 6, 33). В самом деле, никогда мои надежды не были обмануты. Господь Бог благоволил наполнять мою руку столько раз, сколько было необходимо для насыщения душ моих сестер. Возлюбленная матушка, признаюсь вам, что если бы я хоть немного опиралась на свои собственные силы, то очень скоро сложила бы оружие. Издали это видится в розовом свете: делать людям добро, побуждать их к большей любви к Богу, наконец, формировать души согласно собственным взглядам и мыслям. Вблизи же наоборот: розовый свет исчезает... и чувствуешь, что делать добро без помощи Господа Бога так же невозможно, как заставить солнце светить ночью. Чувствуешь, что надо совершенно забыть свои личные вкусы и взгляды и вести души по начертанной Господом стезе, не пытаясь заставить их идти по твоему собственному пути. Но это еще не самое трудное: для меня тяжелее всего — обращать внимание на ошибки, на самые незначительные недостатки и вести с ними смертельную борьбу. Хотела сказать: к несчастью для меня (но нет, это было бы малодушием), поэтому говорю: к счастью для моих сестер. С тех пор, как я устроилась на руках Господа, я стала похожа на ночного сторожа, наблюдающего за врагом с самой высокой крепостной башни. Ничто не ускользает от моего взгляда; зачастую я удивляюсь тому, что вижу так ясно и нахожу вполне извинительным бегство пророка Ионы вместо проповеди в Ниневии об ее разрушении (см. Ион. 1, 2-3). Я предпочла бы тысячу раз выслушивать упреки, чем делать их другим. Но я чувствую, что совершенно необходимо, чтобы это причиняло мне страдание, потому что, если действуешь согласно естеству, невозможно, чтобы та душа, которой ты хочешь показать ее ошибки, поняла свою вину. Она поймет только одно: "Сестра, которой поручено мною руководить, раздражена, и все падает на меня, хотя я исполнена самых благих намерений".

Я хорошо знаю, что ваши овечки считают меня строгой. Если бы они прочитали эти строки, то сказали бы, что мне, видимо, ничего не стоит бегать за ними, строго с ними разговаривать, указывая, как испачкано прекрасное руно, или же приносить те клочки шерсти, которые они оставили на придорожных колючках. Овечки могут говорить все, что пожелают, но в глубине души они чувствуют, что я люблю их любовью истинной и никогда не уподоблюсь наемнику, который при виде волка оставляет стадо и бежит (см. Ин. 10, 12). Я готова положить за них свою жизнь, но моя привязанность к ним так чиста, что мне не хочется, чтобы они знали о ней. Никогда, милостью Божьей, я не пыталась привлечь к себе их сердца. Я поняла, что моя задача в том, чтобы вести их к Господу Богу и помочь понять, что здесь, на земле, вы, матушка, представляете собой тот "зримый образ Иисуса", Которого они должны любить и почитать. Дорогая матушка, я уже говорила вам, что, наставляя других, сама многому научилась. Прежде всего я увидела, что все души ведут почти одну и ту же духовную брань. Но с другой стороны они настолько отличаются друг от друга, что мне совсем нетрудно понять сказанное отцом Пишоном: "Между человеческими душами гораздо больше различий, чем между лицами". Поэтому невозможно обращаться со всеми одинаково. Я чувствую, что с некоторыми мне самой нужно сделаться маленькой и не бояться смирать себя, признаваясь в своей борьбе и поражениях; находя у меня такие же слабости, сестрички в свою очередь признаются мне в ошибках, в которых сами себя упрекают, и радуются, что я понимаю их по

собственному опыту. Для пользы других, я поняла, что нужно, напротив, иметь большую твердость и никогда не возвращаться к сказанному. В этом случае собственное унижение будет не смирением, а слабостью. Господь Бог ниспослал мне милость не страшиться борьбы, и мне необходимо во что бы то ни стало исполнять свой долг. Не раз я слышала и такое: "Если вы хотите чего-нибудь от меня добиться — относитесь ко мне ласково; силой вы ничего не получите". Но мне известно, что самому себе никто не может быть справедливым судьей и дитя во время болезненной процедуры, совершаемой врачом, будет громко кричать, что лекарство хуже болезни. Однако, когда через несколько дней дитя выздоровеет, оно будет совершенно счастливо от того, что может играть и бегать. Точно так же обстоит дело и с человеческими душами. Довольно скоро они осознают, что немного горечи иногда предпочтительнее, чем сладость, и не пугаются это признать. Порой я с трудом удерживаю улыбку, видя, какие изменения происходят изо дня в день, — это потрясающе. Ко мне приходят и говорят: "Вы были правы вчера, обращаясь со мной строго, сначала это возмутило меня, но потом я стала все вспоминать и поняла, что вы были справедливы. Знаете, уходя, я думала, что все кончено и говорила себе: "Сейчас я пойду к нашей матушке и скажу ей, что больше не буду ходить к сестре Терезе Младенца Иисуса". Но я почувствовала, что это внушил мне бес. Потом мне показалось, что вы молились обо мне. Тогда я успокоилась, и забрезжил свет. А теперь я пришла, чтобы вы окончательно просветили меня". Очень быстро завязывается разговор, и я совершенно счастлива следовать влечению сердца и больше не преподносить горьких блюд. Да, но... я быстро замечаю, что не следует торопиться. Всего одно слово может разрушить прекрасную обитель, воздвигнутую в слезах. И если я на свою беду пророню что-нибудь, способное хоть немного смягчить вчерашний разговор, то сразу вижу, что моя сестра опять пытается вернуться к старому. Тогда я кратко молюсь про себя, и истина всегда торжествует. Да, молитва и жертва — в них вся моя сила, это мое непобедимое оружие, данное Господом. Ими можно тронуть душу гораздо сильнее, чем словами, я так часто испытывала это. Вот один случай, который произвел на меня глубокое впечатление.

Это было во время Великого поста. Тогда я занималась с одной-единственной послушницей и была ее "ангелом"* (Монахиней, ответственной за обучение послушницы обычаям и традициям монастырской жизни.). Как-то утром она пришла совершенно сияющая: "Ах, если бы вы знали, — сказала она мне, — что я видела сегодня ночью во сне. Я была у моей сестры и хотела вырвать ее из суеты, которую она так любит. Для этого я растолковывала ей слова вашей песни "Жить любовью": "Тебя любить — нет плодоносней траты... возьми мой мед, вино и ароматы". Я прекрасно чувствовала, что мои слова проникали в ее душу, и была вне себя от радости. Проснувшись утром, я подумала, что, может быть, Господу Богу угодно, чтобы я привела к Нему эту душу. Не написать ли ей после поста о моем сне и сказать, что Господу угодно, чтобы она полностью предала себя Ему?" Я же, недолго думая, ответила, что она вполне могла бы попробовать, но сперва нужно испросить разрешения у нашей матушки. Так как Великий пост был еще далек от завершения, то вы, матушка, весьма удивились такой просьбе — она показалась вам преждевременной — и по Божьему вдохновению ответили, что кармелитки должны спасать человеческие души не письмами, но молитвой.

Узнав о вашем решении, я сразу же поняла, что это желание Господа, и сказала сестре Марии Святой Троицы: "Надо нам приниматься за дело и много молиться. Какая радость, если в конце поста мы будем услышаны!" О бесконечное милосердие Господа, готового услышать молитвы Своих детей. В конце поста еще одна душа посвятила себя Господу Иисусу. Это было истинное чудо благодати, достигнутое усердием смиренной послушницы!

Как же велика сила молитвы! Она, как царица, всегда имеет свободный доступ к царю и может добиться всего, о чем ни попросит. И чтобы быть услышанной, вовсе нет необходимости читать по книге красивое молитвословие, написанное для того или иного случая. Если бы это было так... увы, какого я заслуживала бы сожаления! Вне церковных богослужений, во время которых я, недостойная, читаю нараспев, мне не хватает сил заставлять себя выискивать в книгах прекрасные молитвы. От этого у меня голова идет кругом: их там столько! И потом, все они — одна лучше другой. Я не смогла бы прочесть их

все и, не зная какую выбрать, поступаю подобно детям, которые не умеют читать: просто, без красивых фраз говорю Господу Богу то, что хочу Ему сказать, и Он всегда меня понимает. Для меня молитва — это порыв сердца, простой взгляд, устремленный к Небу, крик признательности и любви, как в горести, так и в радости; наконец, это нечто великое, сверхъестественное, что радует душу и соединяет меня с Господом.

Однако, возлюбленная матушка, мне бы не хотелось, чтобы вы подумали, будто я неблагочестиво читаю молитвы, возносимые на хорах или в уединении часовни. Напротив, я очень люблю наши общие молитвы, ибо Господь обещал быть посреди тех, кто собирается вместе во имя Его (см. Мф. 18, 19-20), тогда я чувствую, как усердие моих сестер соединяется с моим. Но в одиночестве (мне стыдно признаться) читать молитву розария мне труднее, чем надеть вериги. Я чувствую, как плохо читаю розарий и напрасно прилагаю усилия для размышления над его тайнами. Мне не удается сосредоточить свой ум. Долгое время я расстраивалась от столь удивительного для меня отсутствия благочестия, ведь я так люблю Пресвятую Богородицу, что мне должно быть легко возносить в Ее честь молитвы, угодные Ей. Теперь я расстраиваюсь меньше. Я думаю, что Царица Небесная, будучи моей Матерью, видит мои благие желания и довольствуется ими.

Иной раз, когда мой ум пребывает в такой сильной сухости, что из него невозможно извлечь ни одной мысли, чтобы соединиться с Господом Богом, я очень медленно читаю "Отче наш" и "Богородице Дево, радуйся". Эти молитвы приводят меня в восторг, они питают мою душу гораздо больше, чем если бы я торопливо читала их сотню раз.

И Пресвятая Богородица показывает мне, что не сердится. Никогда не преминет Она защитить меня сразу же, как только я призову Ее. Если на меня находит беспокойство или замешательство, то я тотчас обращаюсь к Ней, и Она всегда, как самая ласковая из Матерей, принимает во мне участие. Сколько раз в беседах с послушницами мне приходилось призывать Ее и ощущать Ее материнскую защиту!

Зачастую послушницы говорят мне: "У вас на все есть ответ. На этот раз я думала поставить вас в затруднительное положение. И где вы только выискиваете то, что говорите?" Находятся даже настолько простосердечные, которые полагают, будто я читаю в их душах, потому что мне случалось предвещать их, рассказывая то, о чем они думали. Как-то ночью одна из послушниц решила скрыть от меня некое огорчение, причинявшее ей много страданий. Утром при встрече она, улыбаясь, стала говорить со мной, а я, не отвечая ей, убежденно сказала: "У вас горе". Если б я заставила луну пасть к ее ногам, думаю, она не смотрела бы на меня с таким удивлением. Ее изумление было так велико, что передалось и мне. На мгновение меня охватил сверхъестественный страх. Я была совершенно уверена, что у меня нет дара читать в душах, и то, что попала так точно, тем более удивило меня. Я чувствовала, что Господь Бог совсем близко, и, не отдавая себе отчета, произнесла, подобно ребенку, слова, исходившие не от меня, но от Него.

Возлюбленная матушка, вы понимаете, что послушницам разрешается все. Надо давать им возможность говорить, что они думают, как хорошее, так и плохое, без ограничений. Со мной это проще, поскольку они не обязаны почитать меня как наставницу. Не могу сказать, что Господь ведет меня путем внешнего смирения. Ему достаточно смирать меня в глубине души. В глазах людей мне все удается, я окружена почестями, насколько это возможно в монашестве. Я понимаю, что не для себя, но ради других, мне нужно идти по этой дороге, которая кажется такой губительной. В самом деле, если бы в глазах общины я слыла монахиней, полной недостатков, неспособной, неразумной и нерассудительной, то вы, матушка, не могли бы воспользоваться моей помощью. Вот почему Господь Бог набросил покров на все мои внутренние и внешние недостатки. Иногда, благодаря такому покрову, послушницы меня хвалят, но я чувствую, что они делают это не из лести, а простодушно выражают свои чувства. Но это, конечно же, не может дать мне повод к тщеславию, потому что в мыслях непрестанно присутствует напоминание о том, кто я есть. Однако иногда у меня бывает довольно сильное желание услышать что-нибудь, кроме похвал. Возлюбленная матушка, вы знаете, что сахару я предпочитаю укус; моя душа тоже утомляется от слишком сладкой пищи, и тогда Господь

позволяет преподнести ей острый вкусный салатик, хорошо приправленный уксусом, в котором есть все, кроме масла, но это только придает ему больше сочности. Такой замечательный салатик послушницы преподносят мне, когда я его меньше всего ожидаю. Господь Бог приподнимает покров, скрывающий мои недостатки, и тогда милые сестрички, видя меня такой, какая я есть, уже не считают, что я прихожусь им по вкусу. С умильной простотой они рассказывают о войне, которую я с ними веду, и о том, что им во мне не нравится. Одним словом, они совсем не стесняются, как будто речь идет о ком-то постороннем, зная, что таким образом доставляют мне огромное удовольствие. Да, это больше, чем просто удовольствие, это — пир, который наполняет мою душу радостью. Невозможно объяснить, как нечто столь неприятное естеству способно стать причиной такого большого счастья. Не испытай я это на собственном опыте — не смогла бы поверить. Однажды, когда я особенно жаждала смирения, одна послушница так хорошо исполнила мое желание, что я сразу же подумала о Семее, проклинавшем Давида, и сказала себе: "Конечно же, Сам Господь повелел ей наговорить мне все это..." (см. 2 Цар. 16, 10). И моя душа с наслаждением вкушала горькую пищу, преподнесенную в таком изобилии.

Вот так Господь Бог благоволит заботиться обо мне. Не всегда Он подает мне укрепляющий хлеб внешнего смирения, но время от времени позволяет питаться крохами, падающими со стола у детей (см. Мк. 7, 28). Да, велики Его милости, и лишь на Небе я сумею воспеть их.

Возлюбленная матушка, раз уже здесь, на земле, я пытаюсь вместе с вами воспевать эти бесконечные милости, то должна рассказать вам еще об одном великом благе, обретенном благодаря вашему поручению. Раньше, когда я видела сестру, которая делала что-нибудь, что мне не нравилось или казалось неправильным, я говорила себе: "Ах, как хорошо я поступила бы, если б смогла сказать ей то, что думаю, и показать, где она неправа!" С тех пор, как это стало моей обязанностью, уверяю вас, матушка, мое мнение совершенно переменялось. Когда мне случается увидеть сестру, совершающую поступок, который кажется мне несовершенным, я облегченно вздыхаю и говорю себе: "Какое счастье! Это не послушница, и я не обязана поправлять ее". Потом я сразу же стараюсь найти сестре извинение, вменяя ей добрые намерения, которые у нее, несомненно, имеются. Матушка, с тех пор как я больна, ваши заботы научили меня многому в любви к ближнему. Никакое лекарство не кажется вам слишком дорогим; если же оно не помогает, вы ищете другое, не покладая рук. А когда я ходила на рекреацию, как вы были внимательны к тому, чтобы меня посадили на безопасном от сквозняков месте, словом, если бы я хотела рассказать обо всем, то никогда бы не закончила.

Размышляя об этом, я сказала себе, что должна быть в той же мере сострадательной к духовным немощам сестер, в какой сострадательны вы, дорогая матушка, с такой любовью ухаживая за мной.

Я заметила (и это совершенно естественно), что сестер святой жизни любят больше. С ними хотят беседовать, им оказывают услуги, даже если они об этом не просят — словом, эти души, способные пережить недостаток внимания и чуткого отношения, оказываются окруженными всеобщей любовью. К ним можно отнести слова нашего отца святого Иоанна Креста: "Все блага были даны мне, когда я перестал их искать из самолюбия".

Сближаться с несовершенными душами, напротив, никто не стремится. Разумеется, на них обращают внимание в рамках монашеской вежливости, но их общества избегают, вероятно, из опасения сказать им что-нибудь неприятное. Говоря о несовершенных душах, я не имею в виду только духовные несовершенства, потому что даже сестры самой святой жизни станут совершенными лишь на Небе. Я говорю о недостатках воспитания и способности суждения, о свойственной некоторым обидчивости — обо всем, делающем жизнь не слишком приятной. Я знаю, что эти нравственные немощи — хронические и надежды на исцеление нет. Но я знаю также, что моя матушка не перестала бы за мною ухаживать, стараясь принести облегчение, даже если я проболею всю жизнь. Из этого я делаю вывод: в дни отдыха и во время рекреаций я должна искать общества сестер, которые мне наименее приятны, и служить этим искалеченным душам как милосердный самарянин. Зачастую достаточно одного слова, одной

приветливой улыбки, чтобы развеселить опечаленную душу. Но не ради достижения этой цели мне хочется упражняться в любви к ближнему, потому что я знаю, что вскоре могу отчаяться: слово, сказанное мною с наилучшими намерениями, может быть истолковано превратно. Поэтому, не теряя напрасно времени, я хочу быть со всеми приветливой (и особенно с наименее любезными сестрами), чтобы порадовать Господа и последовать тому совету, который Он дает в Евангелии: "Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни родственников твоих, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но зови нищих, увечных, хромых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе. И Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно." (см. Лк. 14, 12-14; Мф. 6, 4).

Какое же пиршество, как не духовное, основанное на радостной любви к ближнему, могла бы предложить своим сестрам кармелитка? Что касается меня, то ничего другого я не знаю и хочу подражать апостолу Павлу, который радовался с радующимися; правда, он также плакал с плачущими (см. Рим. 12, 15), и на том пиршестве, которое я хочу устроить, порою могут появляться слезы, но я всегда буду стараться, чтобы в конце концов они претворялись в радость (см. Ин. 16, 20), ибо Господь любит дающих с радостью (см. 2 Кор. 9, 7).

Мне вспоминается одно деяние любви к ближнему, на которое вдохновил меня Господь Бог, когда я была еще послушницей. Это была такая малость, однако, Отец наш небесный, видящий тайное (Мф. 6, 4), Который смотрит больше на намерение, чем на величие совершаемого, уже воздал мне, не ожидая будущего века. Это было в те времена, когда сестра Сен-Пьер* (Бывает, что монахиня носит имя святого, а монах — имя святой.) еще ходила в церковь и в трапезную. На вечерней молитве она сидела передо мной; без десяти шесть какой-нибудь сестре надо было побеспокоиться и проводить ее в трапезную, потому что сестры, ухаживающие за больными, были тогда перегружены, и не могли приходить за ней. Мне нелегко было вызваться для оказания этой небольшой услуги, потому что я знала, как непросто угодить несчастной сестре Сен-Пьер, которая сильно страдала и не любила менять провожатую. Однако мне не хотелось упустить такой прекрасный случай, чтобы явить любовь к ближнему. Я помнила слова Господа: "Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне" (Мф. 25, 40). Итак, я смиренно предложила проводить ее. Не без труда удалось мне добиться согласия! В конце концов я принялась за дело, и у меня было столько готовности, что я прекрасно с ним справилась.

Каждый вечер, когда я видела, как сестра Сен-Пьер встряхивает свои песочные часы, я знала, что это означает: идем! Мне стоило невероятных усилий заставить себя встать с места, особенно поначалу; тем не менее я тотчас поднималась, и совершалась целая церемония: надо было особым образом отодвинуть скамейку и отнести ее, но торопиться нельзя было ни в коем случае. Затем начиналось само шествие: нужно было следовать за измученной больной, придерживая ее за пояс. Я проделывала это настолько бережно, насколько могла, но стоило ей на беду оступиться, как она уже думала, что я плохо ее держу и она падает: "Ах, Боже мой, вы идете слишком быстро, я разобьюсь". Если же я пробовала идти еще медленней: "Ну, так идите ж за мной! Я больш' нь' чувствую ваш' руку, вы меня бросили, я упаду. Ах, я была права, вы слишком молоды, чтобы водить меня". В конце концов мы без происшествий добирались до трапезной, но там начинались другие трудности. Надо было усадить несчастную и сделать это так ловко, чтобы не причинить ей боли. Затем нужно было засучить ей рукава (опять-таки определенным образом), после чего я была свободна и могла уйти. Своими изувеченными руками она, как могла, крошила хлеб в плоску. Вскоре я это заметила и каждый вечер отходила от нее, только оказав ей еще одну небольшую услугу. И поскольку она не просила об этом, то моя забота ее очень трогала. Вот так, произвольно, мне удалось заслужить ее полное расположение, особенно же (я узнала об этом позже) из-за того, что, порезав хлеб, перед уходом я приветливо ей улыбалась.

Возлюбленная матушка, вы, наверно, удивляетесь, что я описываю такое давнее и незначительное проявление любви к ближнему, но, благодаря ему, я чувствую, что должна воспевать милости Господни, ибо Он соизволил оставить мне это яркое воспоминание, побуждающее меня упражняться в любви к ближнему. Иногда я вспоминаю мелочи, которые

для меня подобны весеннему ветерку. Вот опять нечто выплыло из памяти: однажды зимним вечером, я занималась, как обычно, своими скромными обязанностями; было холодно и темно. Внезапно я услышала вдали мелодичные звуки музыкальных инструментов. Тогда я представила себе сверкающую позолотой ярко освещенную гостиную, изящно одетых девушек, расточающих друг другу комплименты и знаки внимания. Затем мой взгляд упал на несчастную больную, которую я поддерживала: вместо музыки временами я слышала ее жалобные вздохи, а вместо позолоты видела суровые кирпичные стены едва освещенной внутренней галереи. Невозможно выразить, что произошло в моей душе. Знаю только, что Господь озарил ее светом истины, настолько превосходящим сумрачный блеск земных праздников, что я не могла поверить своему счастью. Да, ради того, чтобы тысячу лет наслаждаться мирскими праздниками, я не отдала бы и десяти минут, потраченных на смиренное служение любви к ближнему. Если уже в страдании, среди духовной брани, от одной мысли, что Господь Бог извлек нас из этого мира, можно на мгновение насладиться счастьем, превосходящим все земные утехи, — так что же будет на Небе, когда среди ликования и вечного покоя мы узрим, какую несравненную милость оказал нам Господь, когда избрал нас для жизни в Своем доме (см. Пс. 26, 4), в этом истинном преддверии Небес? Не всегда я упражнялась в любви к ближнему с таким восторгом. Но в начале моей монашеской жизни Господу было угодно дать мне почувствовать, как сладостно созерцать Его Самого в душах Его невест. И если бы мне пришлось вести Самого Господа Иисуса, я бы не сделала это лучше и с большей любовью, чем сестру Сен-Пьер. Упражнение в любви к ближнему не всегда было для меня столь приятным, дорогая матушка. Для примера расскажу о некоторых эпизодах моей духовной брани, которые, вероятно, заставят вас улыбнуться. Долгое время мое место на вечерней молитве находилось перед сестрой, у которой была странная причуда и... полагаю, много озарений, так как она редко заглядывала в молитвенник. Обнаружила я это следующим образом: как только эта сестра приходила, она начинала производить какой-то странный шумок, напомилавший потрескивание двух ракушек, если их потереть друг о друга. Его замечала только я, потому что у меня необычайно тонкий слух (иногда даже слишком). Невозможно передать вам, матушка, насколько этот шумок меня утомлял: возникало большое желание повернуть голову и посмотреть на виновницу, которая, разумеется, и не догадывалась о своей привычке — наверное только так можно было вразумить ее. Но в глубине сердца я чувствовала, что лучше потерпеть ради любви к Господу Богу и ради того, чтобы не огорчить сестру. Итак, я оставалась спокойной, старалась соединиться с Богом и забыть об этом шуме... Все было бесполезно, я чувствовала, что обливаюсь потом, а молитва превращалась в страдание. Но и в таком состоянии я искала возможность страдать не с раздражением, а в мире и радости хотя бы в глубине души. И я постаралась полюбить этот столь неприятный шумок; вместо того, чтобы пытаться не слышать его (что было невозможно), я старалась внимательно слушать его, словно это был замечательный концерт. И моя молитва (в состоянии, далеко от душевного равновесия) проходила в преподнесении этого концерта в дар Господу.

В другой раз я стирала рядом с одной сестрой, которая брызгала мне грязной водой в лицо, когда оттирала платки. Первым моим движением было отодвинуться и вытереть лицо, чтобы показать обрызгавшей меня сестре, что она услужила бы мне, если б вела себя поспокойней. Но я сразу же подумала, что довольно глупо отказываться от столь щедро преподносимых сокровищ, и постаралась ничем не обнаружить своей борьбы. Я приложила все усилия к тому, чтобы получить как можно больше грязной воды, и под конец, действительно, вошла во вкус такого окропления и пообещала себе вернуться в следующий раз на это благодатное место, где можно стяжать столько сокровищ.

Возлюбленная матушка, вы видите, что моя душа *очень мала* и может преподносить Господу Богу *только мелочи*, к тому же мне нередко случается упускать и эти жертвы, которые дают душе такой мир. Но это не приводит меня в отчаяние. Я переживу, что мира у меня поубавится, а в другой раз постараюсь быть бдительней.

Господь так милостив ко мне, что невозможно Его бояться. Он всегда подавал мне то, чего я желала, или, вернее, Он побуждал меня желать то, что хотел мне дать. Так, незадолго до того, как началось испытание моей веры, я говорила себе: "Ведь правда, у меня нет больших внешних испытаний, а чтобы иметь внутренние, Господу Богу следовало бы изменить мой путь. Не думаю, что Он сделает это, но в то же время не могу же я всегда жить как на отдыхе. Какое же средство отыщет Господь для моего испытания?" Ответ не заставил себя ждать и показал мне, что Тот, Кого я люблю, не испытывает затруднения в средствах. Не меняя моего пути, Он послал испытание, которому предстояло подмешать немного спасительной горечи к моим радостям. Но не только тогда когда Господь хочет испытать меня, Он внушает мне желание и предчувствие этого. С давних пор у меня было желание, которое казалось неосуществимым: иметь брата священника. Я часто думала: не улетят мои маленькие братья на Небо, мне бы выпало счастье видеть, как они подходят к алтарю. Но так как Господь Бог избрал их, чтобы сделать из них маленьких ангелов, я больше уже не надеялась, что моя мечта осуществится. И вот — Господь не только одарил меня такой милостью, но и соединил духовными узами с двумя Своими апостолами, которые стали мне братьями. Возлюбленная матушка, мне хочется рассказать вам подробно, как Господь превзошел мои ожидания, потому что я хотела иметь только одного брата священника, который поминал бы меня каждый день у святого алтаря.

Первого брата мне послала наша мать святая Тереза в 1895 году, как подарок на именины. Я была занята стиркой, когда мать Агнесса Иисуса отвела меня в сторонку и прочитала только что полученное письмо. Молодой семинарист, вдохновленный, по его словам, святой Терезой, обращался с просьбой о сестре, которая бы особым образом посвятила себя спасению его души и помогала бы ему своими молитвами и жертвами, чтобы он, когда станет миссионером, смог спасти многие души. Он обещал всегда поминать ту, которая станет его сестрой, как только у него появится возможность служить мессе. Мать Агнесса Иисуса сказала мне, что ей бы хотелось видеть меня сестрой этого будущего миссионера.

Матушка, совершенно невозможно описать мое счастье. Это желание, исполненное так неожиданно, породило в моем сердце радость, которую я назвала бы детской, ибо нужно вернуться в детство, чтобы обрести воспоминание о радостях, настолько живых, что душа не может вместить их, потому что слишком мала. Уже много лет я не испытывала подобного счастья. Я чувствовала, что для моей души это было чем-то совершенно новым, словно первое прикосновение к струнам, которые доселе оставались нетронутыми.

Я понимала, какие обязательства на себя налагала, и поэтому взялась за дело, стараясь удвоить усердие. Надо признаться, что поначалу ничто не поощряло моего рвения. Написав приветливое письмецо, полное сердечной признательности матери Агнессе Иисуса, мой братец не подавал признаков жизни до июля месяца следующего года, за исключением отправленной в ноябре открытки, уведомлявшей, что он поступает на казарменное положение* (В то время священники несли службу в армии.). Возлюбленная матушка, именно вам Господь Бог предназначил завершить начатое дело; несомненно, миссионерам можно помогать молитвой и жертвой, но иногда, если Господу угодно соединить две души ради Своей славы, Он позволяет им время от времени делиться мыслями и воодушевлять друг друга любить Бога еще сильнее. Но на это непременно нужно разрешение начальствующих, потому что в противном случае, мне кажется, такая переписка принесет больше вреда, чем пользы, если не миссионеру, то по крайней мере кармелитке, призванной по образу жизни к постоянной сосредоточенности в себе. Тогда, вместо соединения с Господом Богом, такая выпрошенная переписка (пусть даже с тем, кто очень далеко) стала бы занимать ее ум. Воображая, что сдвигает горы и творит чудеса, она ничего не делает и только обеспечит себе бесполезную рассеянность под предлогом усердия. Что же касается меня, то в этом, как и в остальном, я чувствую, что для того, чтобы мои письма приносили пользу, писать их нужно по послушанию, а при написании испытывать больше отвращения, чем удовольствия. Так, говоря с послушницей, я стараюсь себя умерщвлять. Я избегаю задавать ей вопросы, которые удовлетворяли бы мое любопытство. Если она начинает с чего-нибудь интересного, а потом,

так и не окончив начатое, переходит к другому, наводящему скуку, — я остерегаюсь напоминать ей об оставленной теме, потому что, мне кажется, нельзя сделать ничего доброго, когда преследуешь свои собственные интересы.

Возлюбленная матушка, наверное, я никогда не исправлюсь: со всеми этими рассуждениями я опять отошла далеко от темы. Прошу вас, простите меня и позвольте продолжить, когда представится подходящий случай, ведь иначе я просто не могу! Вы поступаете подобно Господу Богу, Который не устает внимать мне, когда я просто рассказываю Ему о своих горестях и радостях, словно они Ему неизвестны... Точно так же и вам, матушка, уже давным-давно известны все мои мысли и все хоть немного памятные события моей жизни. Итак, ничего нового я не сумею вам сообщить. Не могу удержаться от смеха при мысли, что старательно описываю то, что вы знаете так же хорошо, как и я. Одним словом, дорогая матушка, я повинуюсь. Если же вам будет неинтересно читать эти страницы сейчас, то, может быть, они развлекут вас в старости, а затем послужат для растопки и, следовательно, я не зря трачу свое время. Но мне забавно лепетать, словно младенец; не подумайте, матушка, что я изыскиваю какое-то возможное применение для моего убогого труда. Так как я совершаю его по послушанию, то этого вполне достаточно. Я не испытаю никакого огорчения, если вы сожжете его у меня на глазах прежде, чем прочитаете.

Пора бы мне возвратиться к рассказу о моих братьях, занимающих теперь такое большое место в моей жизни. Однажды в конце мая прошлого года, помнится, прямо перед началом трапезы вы позвали меня к себе. Когда я входила к вам, дорогая матушка, сердце мое сильно билось: я спрашивала себя, о чем вы хотите со мной поговорить, потому что так обратились ко мне впервые. Вы велели мне сесть и предложили следующее: "Хотели бы вы духовно помогать одному миссионеру, которого должны скоро рукоположить, после чего он уедет?" Затем, матушка, вы прочитали мне письмо этого молодого отца, чтобы я точно знала, о чем он просил. Первым моим чувством была радость, которая сразу же уступила место страху. Возлюбленная матушка, я объясняла вам, что уже отдала свои жалкие достоинства одному будущему апостолу и думала, что не сумею сделать то же самое еще и для другого. Кроме того есть много сестер, которые лучше меня смогли бы ответить на его просьбу. Любые возражения были бесполезны. Вы сказали мне, что можно иметь нескольких братьев. Тогда я спросила вас, не может ли послушание удвоить мои достоинства. Вы ответили, что да, и говорили еще много всего, показывающего, что мне следует без угрызений совести соглашаться на нового брата. Матушка, в глубине души я думала так же, как и вы, ибо "усердие кармелитки должно воспламенять весь мир"* (Цитата из св. Терезы Авильской.). Я даже надеюсь, милостью Божьей, быть полезной не только двум миссионерам и не смогла бы упустить из вида молитву за всех, не оставляя в стороне и простых священников, чья миссия порою столь же трудно исполнима, как и миссия апостолов, которые проповедуют неверующим. Наконец, я хочу быть дочерью Церкви, как была ею наша святая мать Тереза, и молиться за нашего Святого Отца — Папу, ибо знаю, что его молитвы охватывают вселенную. Вот главная цель моей жизни, но это не мешает мне молиться, присоединяясь особым образом к трудам моих дорогих ангелочков, словно они стали священниками. Да, вот так я духовно соединилась с апостолами, которых Господь дал мне в братья: все, что принадлежит мне, принадлежит каждому из них, и я хорошо чувствую, что Господь Бог слишком милостив, чтобы заниматься дележом. Он так богат, что дает без меры все, о чем я Его прошу... Только не подумайте, матушка, что теперь я погружусь в долгое перечисление.

Теперь у меня есть два брата да сестры-послушницы, и если бы мне захотелось испросить для каждой души то, в чем она нуждается, вдаваясь при этом в подробности, — дни стали бы слишком короткими, и я боялась бы забыть что-нибудь важное. Простым душам не нужны сложные средства, а так как я из их числа, то однажды утром, во время благодарственных молитв, Господь наделил меня простым средством для исполнения моей миссии. Он дал мне уразуметь слова из Песни песней: "Влеку меня, мы побежим за благоуханием мастей Твоих" (см. Песн. 1, 3). Господи Иисусе, значит, даже не нужно говорить: "Увлекая меня, влеку и души, которые я люблю!" Достаточно этих простых слов: "Влеку меня". Господи, я понимаю,

что если одна душа позволила пленить себя пьянящим благоуханием Твоих мастей, — она не сумеет уже бежать одна: вслед за нею увлекаются все любимые ею души. Это происходит без принуждения, без усилия, это — естественное следствие ее влечения к Тебе. Погружаясь в безбрежный океан Твоей любви, о Иисусе, душа увлекает за собой все сокровища, которыми обладает, подобно впадающему в океан бурному потоку, который уносит с собой все, что попадает на его пути. Господи, Ты знаешь, у меня нет иных сокровищ, кроме тех душ, которые Ты пожелал соединить с моей. Ты Сам доверил мне эти сокровища, поэтому я осмеливаюсь позаимствовать слова, с которыми Ты обратился к Отцу Небесному в последний вечер, еще заставший Тебя Скитальцем и Смертным на нашей земле. Иисусе, Возлюбленный мой, я не знаю, когда окончится мое изгнание... еще не один вечер застанет меня воспевающей в изгнании Твои милости, но наконец и для меня придет последний вечер, и тогда я хотела бы сказать Тебе, о мой Боже: "Я прославил Тебя на земле; совершила дело, которое Ты поручил мне исполнить. Я открыла имя Твое человекам, которых Ты дал мне; они были Твои, и Ты дал их мне. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал мне, от Тебя есть. Ибо слова, которые Ты дал мне, я передала им, и они приняли, и уразумели истинно, что Ты послал меня. Я о тех молю, которых Ты дал мне, потому что они Твои. Я уже не в мире, но они в мире, а я к Тебе иду. Отче Святыи! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты мне дал. Ныне же к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Твою совершенную. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и я не от мира. Не о них же только молю, но и о верующих в Тебя по слову их.

Отче! которых Ты дал мне, хочу, чтобы там, где я, и они были со мною, и да познает мир, что Ты возлюбил их, как возлюбил меня". (см. Ин. 17, 4-24).

Вот, Господи, что я хотела бы повторить вслед за Тобою прежде, чем улечу в Твои объятия. Может быть, это дерзостно? Но нет, уже давно Ты позволил мне быть с Тобой дерзновенной. Как отец блудного сына говорил своему старшему, так и Ты сказал мне: "Все Мое твое" (Лк. 15, 31). Стало быть, Твои слова, Господи, также и мои, и я могу воспользоваться ими, чтобы снискать для душ, соединенных со мною, милости Отца Небесного. Но, Господи, когда я говорю, что хочу, чтобы там, где буду я, были и те, которых Ты дал мне, я вовсе не утверждаю, что они не смогут достичь большей славы, чем та, которую Ты пожелаешь дать мне. Я просто хочу попросить о том, чтобы мы все вместе однажды собрались в Небесной Отчизне. Ты знаешь, Боже мой, что я никогда ничего не желала, кроме того, чтобы любить Тебя, и не добивалась никакой иной славы. Уже с самого детства Твоя любовь предвосхищала меня, она возрастала вместе со мной, и теперь это бездна, глубину которой невозможно измерить. Любовь влечет к себе любовь, поэтому моя любовь стремится к Тебе, о Иисусе, ей хотелось бы заполнить бездну, притягивающую ее, но, увы, это даже не капля росы, затерявшаяся в океане! Чтобы любить Тебя так, как любишь меня Ты, мне следует позаимствовать Твою любовь, лишь тогда я обрету покой. О Иисусе мой, возможно, это заблуждение, но мне кажется, что Ты не можешь исполнить душу любовью большей, чем та, которой Ты исполнил мою душу. Именно поэтому я и осмеливаюсь просить Тебя возлюбил тех, которых Ты дал мне, как Ты возлюбил меня (см. Ин. 17, 23). Если когда-нибудь на Небе я обнаружу, что Ты любишь их больше меня, то возрадуюсь, ибо уже сейчас признаю, что эти души больше заслуживают Твоей любви, нежели моя. Но здесь на земле я не могу представить себе любви безграничней, чем та, которой Тебе было угодно одарить меня безо всякой заслуги с моей стороны.

Дорогая матушка, наконец-то возвращаюсь к вам. Я очень удивлена только что написанному, ибо не имела такого намерения. Но раз уж написано, придется оставить. Однако, прежде чем вернуться к рассказу о моих братьях, хочу сказать вам, матушка, что отношу не к ним, а к моим сестричкам, те первые слова, что позаимствованы из Евангелия: "слова, которые Ты дал мне, я передала им" (см. Ин. 17, 8) и т. д., потому что не считаю себя способной наставлять миссионеров. К счастью, я еще не настолько впала в гордыню! Вряд ли я была бы способна давать какие-то советы и сестрам, если бы вы, матушка, являющая мне собою Господа Бога, не наделили меня для этого особой благодатью.

Когда же я писала слова Господа: "Не молю, чтобы Ты взял их из мира... Не о них же только молю, но и о верующих в Тебя по слову их" (см. Ин. 17, 15; 20), то думала о моих братьях — ваших духовных детях. В самом деле, как бы я могла не молиться за те души, которые они спасут в своих отдаленных миссиях ценой страданий и словом проповеди?

Матушка, я думаю, что необходимо дать вам еще некоторые разъяснения, касающиеся отрывка из Песни песней: "Влеку меня, мы побежим", — ведь то, что я уже об этом сказала, мне кажется не очень понятным. "Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня" (Ин. 6, 44), — сказал Господь. Затем с помощью прекрасных притч, а часто даже и не прибегая к такому понятному для народа способу, Он учит нас, что достаточно постучать, чтобы открыли, искать, чтобы найти, смиренно протянуть руку, чтобы получить просимое (см. Мф. 7, 8). Еще Он говорит, что все, о чем ни попросят Отца во имя Его, даст им (см. Ин. 16, 23). Несомненно, поэтому Святой Дух еще до Рождества Иисуса Христа подсказал эту пророческую молитву: "Влеку меня, мы побежим".

Что же означает прошение о том, чтобы стать влекомой, как не желание соединиться самым тесным образом с Тем, Кто пленил сердце? Если бы огонь и железо имели разум, и последнее сказало первому: "Влеку меня", — не показало бы оно этим свое стремление отождествиться с огнем настолько, чтобы огонь проник в него и наполнил своей пылающей сущностью так, чтобы казалось, будто они составляют единое целое. Возлюбленная матушка, вот моя молитва: я прошу Господа вовлечь меня в пламень Своей любви и соединить с Собою так тесно, чтобы Он жил и действовал во мне. Я чувствую, что чем сильнее огонь любви будет воспламенять мое сердце, тем больше я буду говорить: "влеку меня", — и чем больше души станут приближаться ко мне (жалкому обломку железа, стоит лишь мне удалиться от пылающего божественного горнила), тем скорее они побегут за благоуханием мастей их Возлюбленного, ибо душа, воспламененная любовью, не может оставаться в бездействии. Она, несомненно, как святая Мария Магдалина пребывает у ног Иисуса, внимая Его кроткому и пламенному слову. Казалось бы, такая душа ничего не дает, но она дает гораздо больше Марфы, которая заботится и суетится о многом (см. Лк. 10, 41), желая при этом, чтобы сестра подражала ей. Но не Марфины труды не одобряет Господь — таким трудам всю жизнь смиренно отдавала себя Его божественная Мать, Которой приходилось готовить еду Святому Семейству. Господь лишь хотел умерить беспокойную суету пылкой хозяйки. Все святые поняли это, но особенно, может быть, те, которые просветили евангельским учением весь мир. Разве не в молитве апостол Павел, блаженный Августин, святой Иоанн Креста, святой Фома Аквинский, святой Франциск, святой Доминик и многие другие прославленные друзья Божии черпали божественную премудрость, восхищавшую самые гениальные умы? Один ученый сказал: "Дайте мне точку опоры, и я переверну мир". Того, что так и не смог сделать Архимед, потому что его слова были обращены вовсе не к Богу и касались лишь материального мира, святые достигли во всей полноте. В качестве точки опоры Всемогущий дал им Самого Себя и только Себя; в качестве рычага — молитву, которая воспламеняет огнем любви, — вот так они перевернули мир. Таким же образом переворачивают его святые, которые подвизаются сегодня, и то же самое будут делать те святые, которые придут вслед за ними и так до скончания века.

Дорогая матушка, теперь мне бы хотелось сказать вам, что я понимаю под благоуханием мастей Возлюбленного. Так как Господь восшел на Небо, то я могу следовать за Ним лишь по следам, которые Он оставил. Но как ярки эти следы, как они благоухают! Стоит мне только заглянуть в Евангелие — я сразу начинаю дышать благоуханием жизни Господа и знаю в какую сторону бежать. Я бросаюсь не на первое место, а на последнее; вместо того, чтобы идти вперед с фарисеем, я с полным доверием повторяю смиренную молитву мытаря. Но особенно я стремлюсь подражать поведению святой Марии Магдалины. Ее удивительное или, вернее, влюбленное дерзновение, очаровавшее Сердце Иисуса, пленяет также и мое. Да, я чувствую, что будь у меня на совести все грехи, которые только можно совершить, я бы кинулась в объятия Господа с разбитым от раскаяния сердцем, потому что мне известно, как нежно Он любит возвращающегося к Нему блудного сына. И вовсе не потому что Господь Бог в Своем

предупреждающем милосердии оградил мою душу от смертного греха, я восхожу к Нему путем доверия и любви.....

Эпилог

"...путем доверия и любви".

На этом месте карандаш, сменивший неудобное перо, выпал из рук Терезы. Дрожащие строчки рукописи являют собою силу воли той, которая так и не смогла окончить небольшую черную тетрадь. Совершенно изнуренная, она уступает... Жить ей остается чуть меньше трех месяцев.

Кто бы мог подумать, читая эти страницы, что писавшая их тяжело больна уже на протяжении нескольких месяцев? Едва уловимы слабые намеки на то, что за ней ухаживают. И мы ничего не узнали бы о подробностях болезни сестры Терезы Младенца Иисуса и Святого Лица, о ее предсмертных часах и самой смерти, если бы не ежедневные записи матери Агнессы, сделанные у постели умирающей. Но благодаря рассказам очевидцев, мы можем шаг за шагом проследовать за сестрой Терезой и удостовериться, что она переживает то, что описывает.

Уже несколько дней сестра Тереза находится в больничной палате, расположенной на первом этаже. Здесь она прекращает писать свои рукописи. Тяжело болея уже несколько месяцев, она "официально" признана больной только с конца Великого поста. У нее сильный жар, кашель, в церкви она едва держится на ногах. Мало-помалу с нее снимают все послушания, освобождают от церковных богослужений и рекреаций. В июне 1897 года от нее требуется лишь одно — отдыхать в келье, гулять на свежем воздухе по саду, побольше бывать на солнце и окончить воспоминания, написать которые повелела ей 3 июня настоятельница по просьбе матери Агнессы. Она исполнит это последнее послушание, но не сможет его окончить. "Я не ломаю себе голову, когда описываю свою "маленькую" жизнь; это напоминает рыбную ловлю; я описываю то, что попадает на крючок".

6 июля резкое ухудшение вызывает приступы сильного кашля с кровью, которые продлятся до 5 августа. Задыхающаяся, сжигаемая горячкой, с кровавым кашлем сестра Тереза признана умирающей доктором Корниером, заявившим, что в подобном случае "выживает лишь два процента".

"Исполненная радости", она исповедуется духовнику и просит о желанном соборовании. 8 июля в четверг вечером ее переводят в больничную палату.

Отныне она будет заключена в этих четырех стенах, которые уже никогда не покинет. В углу комнаты стоит железная кровать, занавешенная коричневым пологом, на который она прикалывает свои излюбленные образки (Святой Лик, Богородица и т. д.). Слева — статуя улыбающейся Девы Марии, принесенная сюда одновременно с Терезой; кресло, в котором она будет отдыхать в те дни, когда ее поднимают. Через окно виден цветущий сад.

9 июля настоятель Кармеля, не найдя Терезу "достаточно больной", откладывает соборование. Действительно, она обнаруживает еще удивительную живость и поражает сестер своей веселостью в общении. Она живет в ожидании неминуемого прихода "Вора": ее надеждой всегда остается "смерть от любви", как сказал святой Иоанн Креста. Мать Агнесса записывает такой диалог: "Бойтесь ли вы смерти теперь, когда видите ее так близко?" — "Все меньше и меньше." — "Бойтесь ли вы "Вора"? На этот раз Он стоит у дверей!" — "Нет, Он не у дверей, Он уже вошел. Но, матушка, что вы говорите! Боюсь ли я "Вора"! Как же я могу бояться Того, Кого так сильно люблю?!"

Она беспрестанно харкает кровью, страдает от головной боли, от боли в боку, ее тошнит от прописанного врачом молока. Слабость усиливается.

В июле у Терезы еще хватает сил, чтобы отвечать на многочисленные вопросы матери Агнессы и других сестер: ее просят поподробнее рассказать о каких-то уже минувших событиях, спрашивают совета. Больная поднимает на смех идею использования ее записок

для составления посмертного циркуляра, который по традиции будет разослан во все кармелитские монастыри. Мало-помалу встает вопрос об издании ее воспоминаний. Тереза отдает все это на попечение матери Агнессы и настаивает на том, чтобы неоконченная тетрадь была дополнена рассказом о грешнице, умершей от любви. "Люди сразу же все поймут, потому что это слишком яркий пример того, что я хотела бы сказать". О своих рукописях она добавляет: "Здесь каждый найдет что-нибудь, кроме того, чей путь — исключение".

Она предчувствует, что ее посмертная деятельность не ограничится распространением этой книги, но будет гораздо шире. "Как же я буду несчастна на Небе, если не смогу делать на земле приятное тем людям, которых люблю!" Становится все больше и больше таинственных обещаний: "Я вернусь... я спущусь..." И потом 17 июля эти ставшие знаменитыми слова: "...особенно сильно я чувствую, что скоро начнется моя миссия, которая состоит в том, чтобы дать людям мой малый путь и чтобы Господа Бога любили так, как Его люблю я. Если Господь Бог исполнит мои желания, то до скончания века свое Небо я проведу на земле. Да, свое Небо я хочу провести, делая добро на земле".

28 июля явное ухудшение: по признаниям больной, это начало "больших страданий". Доктор полагает, что она не переживет эту ночь. В соседней с больничной палатой келье (где ночует сестра Женевьева) подготавливают все необходимое для погребения. В 6 часов вечера в пятницу 30 июля ей наконец разрешается соборование и предсмертное причастие.

Вопреки ожиданию всех окружающих (и в первую очередь ее самой: "Я больше ничего не понимаю в моей болезни"), она преодолевает и это. Такие чередования сбивают ее с толку, но она полностью предает себя на волю Божию: "Вечером, когда вы сказали, что господин Корниер полагает, будто у меня есть еще месяц и даже больше, я была чрезвычайно поражена: уж очень сильно это отличалось от сказанного им вчера, что меня стоит соборовать в тот же день! Но я оставалась совершенно спокойной".

В самом деле, 5 августа окончательно прекращается кровавый кашель, и больная испытывает относительное облегчение. Доктор Корниер уезжает в отпуск; он констатирует полное поражение левого легкого и прописывает какие-то снадобья. Но этой передышке не продлиться дольше 15 дней. И Тереза окажется без врача в период нового обострения страданий, который начнется на праздник Успения.

Кашель, удушье, межреберные боли, отекающие ноги, сильный жар... Наивысшей отметки страдания достигают между 22 и 27 августа. Туберкулез (первым это слово произнес доктор Франциск Ла Неель, муж двоюродной сестры Терезы, приехавший из Кана по просьбе Кармеля) затронул внутренние органы: Тереза страшно похудела: "сидишь, как на острых железках". Она ужасно страдает при каждом вдохе. Опасаются начала гангрены. "Ну и ладно, так даже лучше — претерпеть много страданий со всех сторон и иметь сразу несколько болезней," — отмечает Тереза. Позже, совершенно изнуренная, она признается: "Что бы со мной стало, если бы Господь Бог не давал мне силы? Кто знает, что такое — так страдать? Нет, это надо испытать". Она часто вскрикивает и все время просит ее за это простить. "Какая это милость — иметь веру! Не будь у меня веры, я бы покончила с собой, не размышляя ни минуты..."

В последние дни августа болезнь опять неожиданно отступает; это продержится до 13 сентября. Доктор Ла Неель констатирует, что его кузина может дышать только половиной одного легкого. Ей остается один месяц жизни.

По одним этим резким переменам в состоянии здоровья и поведению сестры Терезы невозможно понять всю полноту ее личности, которая открывается в последних беседах и переписке (окончательно прекратившейся 10 августа).

Прежде всего она остается такой же больной, как и другие, "которая не думает о чем-то великом": "Сестрички, молитесь о несчастных смертельно больных. Если б вы знали, что это такое! Как мало нужно, чтобы потерять терпение! Раньше я бы никогда не поверила." Ее спрашивают: "Что вы сейчас переживаете?" — "Моя жизнь — терпеть страдание, да, так оно и есть!"

Между тем, непритворной веселостью (Тереза "ужасно боится обмана") она старается смягчить все, что может быть драматичного в ее состоянии и что так удручает сестер. В этой больничной палате нет места печали: "Всегда одинаковое настроение, она — сама веселость, она заставляет смеяться всех, кто к ней приближается. Порою кажется, что можно заплатить ту же цену, лишь бы оказаться рядом с ней. (...) Думаю, она умрет, смеясь, настолько она весела," — напишет родным сестра Мария Евхаристии.

Личность Терезы и ее любовь к ближнему выражаются самыми разными способами: игрой слов, всякими "представленьями", пародиями, подсмеиванием над собой или над бессилием врачей. Источником ее радости является совершенное принятие воли "Папы Бога", Которого ей предстоит скоро увидеть. "Матушка, не грустите, что видите меня больной. Вы ведь видите, какой счастливой делает меня Господь Бог. Я всегда весела и всем довольна".

Изысканная нежность "чуткого и любящего сердца", которое дает каждому по потребности, принимает и даже требует поцелуя, "звучного поцелуя, так чтобы был "чмок"! Братская любовь к ближнему, о которой она так хорошо писала в июне, теперь проявляется в тайном подвижничестве: в больничную палату приходят и за советом и за улыбкой. Вплоть до самого конца наставницу послушниц беспокоят слезы сестры Марии Святой Троицы и отчаяние сестры Женевьевы, она прощает оплошности добрейшей сестры Станиславы, ухаживающей за больными.

И, за исключением немногих доверенных лиц, кто мог бы подумать, что обычно она пребывает во "мраке ночи", в "подземелье", как будто перед "стеной"?

Это ужасное испытание, о котором она поведала матери Марии де Гонзаг, прекратится лишь в самый последний день. На пороге смерти, терзаемая физическими страданиями, Тереза всеми своими силами стремится к Небу, но оно кажется ей "закрытым". Подобно молнии проскальзывают какие-то короткие фразы, обращенные к матери Агнессе: "Надо же, так любить Господа Бога и Пресвятую Богородицу, и иметь такие мысли!... Но на этом я не остановлюсь". Увидев через окно "черную дыру" в саду: "В такой же, как эта, дыре я нахожусь душой и телом. Ох, какой мрак! Но я мирно пребываю в нем".

Она в одиночестве сидит на "трапезе грешников" и не может рассчитывать на какую-либо помощь извне. Духовник напуган искушениями кающейся: "Не думайте все время об этом, это слишком опасно!" С сестрами она остается очень сдержанной из-за страха поделиться этими мучениями. Она больше не может рассчитывать на таинства. В последний раз она причастилась 19 августа. "Когда ей приносят Святые Дары, мы все входим и поем псалмы; в последний раз она была настолько слаба, что наше пение сильно действовало ей на нервы; она страшно мучалась".

Однако Терезу не удручает, что она больше не может причащаться: "Конечно, это великая милость — причащаться Святыми Дарами; но если Господь Бог не позволяет, то это тоже хорошо, все — милость".

Свое последнее причастие она посвятила ушедшему из Ордена и отлученному от Церкви отцу-кармелиту Гиацинту Луазону, ибо "ничто не поддерживает его". "Все, что у меня есть, все, что я приобретаю, — ради Церкви и ради человеческих душ". Мысли о спасении грешников и о вселенском спасении становятся все ярче выраженными, они питаются перепиской с духовными братьями, которым Тереза обещает действенную помощь: "Когда я подойду к двери, я научу вас, дорогой брат моей души, как ориентироваться в бурном море этого мира: с любовью и полной беспомощностью младенца, знающего, как нежно любит его Отец. Он не оставит его одного во время опасности... Путь простого доверия и любви как раз подойдет для вас", — напишет она аббату Бельеру.

Жизнь в больничной палате кажется такой повседневной, такой монотонной, что никто не может даже подумать, что здесь умирает святая. Временами, однако, загадочные слова проливают немного света на ближайшее будущее: "Сестрички, вы ведь знаете, что ухаживаете за маленькой святой!" "Сестрички, собирайте же эти лепестки розы, потом они послужат вам, чтобы приносить радость... Не потеряйте ни одного..." И в то же время она говорит о своем

полном неведении, когда ее спрашивают о предполагаемой дате смерти: "Ох, матушка, предчувствия! Если бы вы знали, в каком неведении я пребываю! Я знаю лишь то, что и вы!" Все слова, произнесенные в больничной палате, составляют хвалебную песнь наряду с рукописями, воспевающими милости Господни. Такого самоотречения сестра Тереза достигла только благодаря действию благодати: "Эти слова Иова: "Даже если Бог будет убивать меня, я все равно буду надеяться на Него" (см. Иов 13, 15), — восхищали меня с самого детства. Но тогда я была еще далека от того, чтобы утвердиться на такой ступени самоотречения. Теперь же я на ней нахожусь; Господь Бог поставил меня на нее, Он взял меня на руки и поместил сюда..."

Она ясно осознает свои возможности и смиренно принимает все происходящее от ее состояния тяжелобольной: слабость, слезы, нетерпеливость к слишком уж назойливым сестрам: "Как же я счастлива видеть себя несовершенной и так нуждаться в милосердии Божиим в час смерти!"

Кажется, что она источает свет: "Вскоре уже будет видно, что все — от Господа; и вся моя грядущая слава — дар, который мне не принадлежит; скоро это увидят все..."

В ожидании смерти после сильнейших страданий конца августа кровать была передвинута на середину больничной палаты. Через открытое окно Тереза может смотреть на прекрасный сад (она так любит цветы и плоды) и на земное небо (другое остается закрытым), слышать пение хора или какую-нибудь отдаленную музыку. Кажется, жизнь возвращается: теперь она испытывает даже чувство голода. Тетя Герен старается удовлетворить ее "желание всевозможных вкусов", вплоть до шоколадного эклера!

30 августа по внутренней галерее Терезу на кровати с колесиками подвозят к дверям церкви, которые она видит последний раз. Сестра Женевьева пользуется этим, чтобы в последний раз сфотографировать свою сестру: страшно похудевшая, Тереза старается улыбаться, осыпая лепестками розы распятие, с которым никогда не расстается.

8 сентября она отмечает седьмую годовщину своего пострига, ее засыпают цветами. От благодарности она плачет: "Это проявление чуткости Господа ко мне; извне я осыпана ею, хотя внутри у меня постоянное испытание... но также и мир". Она плетет два венка из васильков для статуи улыбающейся Богородицы.

По возвращении доктор Корниер потрясен состоянием здоровья больной. Новое и последнее ухудшение наступает через 19 дней после относительного затишья: левое легкое полностью поражено туберкулезом. Тереза задыхается, она может говорить лишь отрывистыми фразами: "Матушка!... Мне не хватает земного воздуха, когда же Господь Бог даст мне небесного... Ах, никогда оно не было таким коротким! (дыхание)".

Словно утомленный путник, нетвердой походкой оканчивающий свое путешествие, Тереза подходит к концу своего крестного пути: "Но ведь я попаду в объятия Господа Бога!" Перед лицом смерти временами в ней проступает неуверенность: "Я боюсь, что испугаюсь смерти... Но, конечно же, я не боюсь того, что потом! И я не жалею о жизни, о нет! Но только скажите мне: что такое это таинственное отделение души от тела? Когда я впервые испытала это, то сразу же предала себя Господу Богу".

Собственно говоря, сама агония продлится два дня, но уже с 21 сентября Тереза томится: "Что же такое — агония? Мне кажется, я все время ее испытываю".

29 сентября в среду утром больная страшно хрипит. Мать Мария де Гонзаг собирает всех сестер, которые, столпившись вокруг постели, целый час читают молитвы об умирающих. В полдень Тереза спрашивает у настоятельницы: "Матушка, это агония?.. Что мне сделать, чтобы умереть? Никак я не научусь умирать!.." После посещения доктора она опять спрашивает: "Матушка, так это — сегодня?" — "Да, моя девочка." — "Какое счастье, если бы я умерла прямо сейчас!" Чуть позже: "Когда же я задохнусь совсем!.. Я больше не могу! Молитесь за меня!.. Иисус! Мария!.. Да, я хочу, я очень хочу..."

Вечером пришел аббат Фокон, чтобы исповедать ее. Из больничной палаты он вышел очень взволнованный и сказал: "Какая прекрасная душа! Она кажется утвержденной в благодати".

Этой ночью сестра Женевьева и сестра Мария Святого Сердца бодрствуют у постели умирающей, несмотря на ее протесты. Очень мучительная ночь. Утром во время мессы все три сестры остаются подле нее. Тереза дышит с трудом и смотрит на статую Божией Матери: "О, я горячо молила Ее!... Но это чистая агония, без малейшего утешения..."

В четверг 30 сентября во второй половине дня Тереза приподнимается в постели и садится, что ей не удавалось сделать уже много недель. "Смотрите, сколько сил у меня сегодня! Нет, я не умру! Я здесь еще на месяцы, а может быть, и на годы!" По словам очевидцев, Тереза переживала тогда "последние приступы самой страшной агонии".

Около трех часов пополудни она, сидя в постели, протянула руки, чтобы опереться на мать Агнессу и сестру Женевьеву, которые не отходили от нее. Как не вспомнить в этот момент слова, сказанные ею в июне по поводу "смерти от любви", на которую она так надеялась: "Сестрички, не огорчайтесь, если я буду сильно страдать, если вы не увидите у меня, как я вам уже говорила, никаких признаков счастья в момент смерти. Наш Господь умер Жертвой Любви, но посмотрите, какая агония была у Него!..." И в июле: "Наш Господь умер на Кресте, в страшных мучениях, но это — самая прекрасная смерть от любви. (...) Умереть от любви не значит умирать, пребывая в восторге. Уверяю вас, мне кажется, это именно то, что я испытываю".

Мать Агнесса собрала высказывания Терезы:

"Я больше не верю в свою смерть... Я верю только в страдание... Ну и что ж, тем лучше!

О Боже мой!...

Я люблю Его, Господа Бога!

О добрая моя Богородица, приди ко мне на помощь!

Если это агония, то что же такое смерть?!...

Ах, мой добрый Боже!... Да, как же Он добр, я чувствую, что Он очень добр...

Если б вы знали, что такое задыхаться!

Боже мой, сжался над Своей бедной девочкой! Сжался!"

А вот сказанное матери Марии де Гонзаг:

"Матушка, уверяю вас, чаша наполнена до самого края!...

...но Господь Бог, конечно, не оставит меня...

...Он никогда не оставлял меня.

...Да, Боже мой, все, что Ты захочешь, но сжался надо мной!

...Сестрички мои! Сестрички мои, молитесь обо мне!

...Боже мой! Боже мой! Ты ведь такой добрый!!!

...О, да, Ты очень добрый! Я это знаю...

Да, мне кажется, что я всегда искала только истину; да, я поняла, что такое смирение сердца...

Мне кажется, что я смиренна.

Все, что я написала о моем желании страдать. О, как же это верно!

...и я не раскаиваюсь, что предала себя в жертву Любви".

Настойчиво:

"О нет, я не раскаиваюсь в этом, напротив!"

Мать Агнесса рассказывает: "Я была рядом с ней одна, когда около половины пятого по ее внезапной бледности догадалась о приближении последней минуты. Вернулась матушка настоятельница, и вскоре собралась вся община. Тереза молча улыбнулась матушке. Более двух часов ее грудь разрывали страшные хрипы. Лицо сделалось багровым, руки фиолетовыми, ноги были ледяные. Она дрожала всем телом. Обильный пот выступал крупными каплями на лбу и скатывался на щеки. Постоянно возрастало удушье; вдыхая, она временами невольно вскрикивала".

Тереза улыбнулась сестре Женевьеве, которая вытерла ей лоб и положила кусочек льда на пересохшие губы.

В шесть часов вечера раздается колокольный звон, призывающий на молитву. Умирающая долго смотрит на статую улыбающейся Богородицы; в руках она крепко сжимает распятие.

Настоятельница отпускает монахинь, находившихся в больничной палате уже около двух часов. Тереза томится:

"Матушка! Это еще агония?... Я не умираю?..."

— Да, бедная моя девочка, это агония, может быть, Господу Богу угодно продлить ее еще на несколько часов.

— Ладно!... Хорошо!... Хорошо!...

О, я бы не хотела страдать меньше..."

Она роняет голову на подушку и наклоняет ее вправо. Мать Мария де Гонзаг велит звонить в больничный колокол, сестры поспешно возвращаются. "Откройте все двери!" — приказывает настоятельница. Монахини едва успевают снова преклонить колени рядом с кроватью, когда Тереза, глядя на распятие, четко произносит: "О, я люблю Его..." Мгновением позже: "Боже мой... я... Тебя люблю!..."

Внезапно ее глаза оживают, взгляд замирает чуть выше статуи Богородицы. Ее лицо принимает совершенно здоровый вид, кажется, что она в восторге. Это продолжается столько, сколько необходимо, чтобы прочесть Символ веры. Затем она закрывает глаза и испускает последний вздох. На часах около двадцати минут восьмого вечера.

Со склоненной вправо головой и таинственной улыбкой на устах, она выглядит прекрасной, как это видно на фотографии, сделанной ее сестрой.

Согласно традиции ее тело находилось в церкви рядом с решетками со второй половины дня пятницы до вечера воскресенья. В понедельник 4 октября 1897 года Тереза была похоронена на кладбище города Лизье.

9 июня она писала аббату Белльеру: "Я не умираю, я вступаю в жизнь".

Начиналась необыкновенная жизнь этой безвестной кармелитки...

"Я вступаю в жизнь" — последние беседы Желтая тетрадь (из записанного матерью Агнессой)

27 мая:

Умереть мне хочется не больше, чем жить; то есть, если б у меня была возможность выбора, — я предпочла бы смерть. Но поскольку за меня выбирает Господь Бог, — я предпочитаю удобное Ему. И мне нравится то, что Он делает.

4 июня:

Ради любви Господа Бога я согласна на все, даже на разные сумасбродные мысли, которые приходят мне в голову.

5 июня:

Если в одно прекрасное утро вы найдете меня мертвой, — не огорчайтесь: это просто Папа Бог пришел за мной. Конечно, это великая милость — причащаться Святыми Дарами; но если Господь Бог не позволяет, это тоже хорошо; все — милость.

23 июня:

мать Агнесса: Я сказала ей: "Увы, после смерти я ничего не смогу преподнести Господу Богу: мои руки пусты! И это сильно огорчает меня."

Тереза: Ну хорошо, вы все-таки не как дитя (иногда Тереза так себя называла), которое, между тем, находится в таком же положении... Если б я даже исполнила все совершенное апостолом Павлом, все равно считала бы себя "рабом ничего нестоящим". Но именно это меня и радует, ибо ничего не имея, я получу все от Господа Бога.

6 июля:

Когда я буду на Небе, я подойду к Господу Богу, — как маленькая племянница сестры Елизаветы к решеткам переговорной. Помните, она читала поздравление, которое заканчивала реверансом, а потом поднимала руки и говорила: "Счастья всем, кого я люблю!" Господь Бог скажет мне: "Что ты хочешь, девочка моя?" И я отвечу: "Счастья всем, кого я люблю!" То же самое я сделаю перед всеми святыми.

7 июля:

мать Агнесса: "Я попросила ее рассказать еще раз о том, что произошло с ней после того, как она принесла себя в жертву Любви".

Тереза: ...меня внезапно охватил такой сильный порыв любви к Господу Богу, что описать его я могу лишь, сказав, что это было подобно тому, как если б меня всю целиком погрузили в огонь. Какой огонь и одновременно какая сладость! Я сгорала от любви и чувствовала, что одной минутой, одной секундой больше, — и я не смогу выдержать этот жар и умру. Тогда я поняла, что говорят святые о подобных состояниях, которые они часто переживают. Я же испытала его один лишь раз и на одно мгновение, затем я сразу же впала в свою обычную сухость.

8 июля:

Я очень обрадуюсь, если попаду в чистилище; я поступлю как три еврейских отрока в печи: буду гулять среди пламени, воспевая песнь Любви. Как бы я была счастлива, если, попав в чистилище, смогла бы освободить другие души и пострадать вместо них, тогда бы я сделала доброе дело — освободила пленников.

11 июля:

Можно подумать, что у меня такое большое доверие к Господу Богу лишь потому, что я не совершала тяжких грехов. Но, матушка, если б я совершила все грехи, какие только возможны, мое доверие к Нему осталось бы таким же. Я чувствую, что все эти согрешения подобны капле воды, упавшей в пылающий костер.

13 июля:

Господу Богу придется исполнять все мои желания на Небе, потому что я никогда не следовала своим желаниям на земле.

Господь Бог всегда побуждал меня желать то, что Сам хотел мне дать.

14 июля:

Какой же яд похвал преподносится матери настоятельнице! Насколько необходимо душе быть отрешенной и возвышенной над самой собой, чтобы не пострадать от этого.

Мое сердце наполнено волей Господа Бога и потому ничто извне не может проникнуть вовнутрь: оно просто соскальзывает, как масло, которое не может смешаться с водой. В своем сердце я всегда пребываю в глубоком мире, который ничто не может поколебать.

17 июля (суббота, в 2 часа ночи у нее был кашель с кровью):

Я чувствую, что скоро войду в покой... Но особенно сильно я чувствую, что скоро начнется моя миссия, которая состоит в том, чтобы дать людям мой малый путь и чтобы Господа Бога любили так, как Его люблю я. Если Господь Бог исполнит мои желания, то до скончания века свое Небо я проведу на земле. Да, свое Небо я хочу провести, делая добро на земле.

Я не смогу заранее наслаждаться и отдыхать до тех пор, пока будут люди, нуждающиеся в спасении... Но когда Ангел проречет: "Времени уже нет!", вот тогда я отдохну, тогда я смогу насладиться, потому что число избранных пополнится, и все войдут в радость и покой. Мое сердце трепещет от этой мысли...

23 июля:

мать Агнесса: Я всегда говорила ей, что мне страшно видеть ее страдающей все сильнее и сильнее.

Тереза: Мы бежим по пути Любви. Я считаю, что мы не должны думать о том, что с нами может произойти нечто мучительное, потому что это означает отсутствие доверия...

В тот день, когда я приносила монашеские обеты, меня обязали просить об исцелении отца. Но для меня оказалось невозможным сказать что-либо, кроме этого: "Боже мой, умоляю Тебя, да будет Твоя воля на то, чтобы папа исцелился!"

30 июля:

Мое тело всегда стесняло меня, я никогда не чувствовала себя в нем удобно... даже совсем маленькой, я стыдилась его.

мать Агнесса: Ее сильно изводили комары, но она не хотела убивать их.

Тереза: Я всегда оказываю им милость. Тем не менее, во время моей болезни только они причиняли мне неприятности. У меня нет иных врагов, кроме них, а поскольку Господь Бог советовал прощать врагов, то я очень рада, что у меня нашелся даже такой пустяковый случай сделать это.

мать Агнесса: Показывая на стакан с очень невкусным лекарством, похожим на наливку из красной смородины.

Тереза: Вот этот маленький стакан — образ моей жизни. Вчера сестра Тереза св. Августина сказала мне: "Надеюсь, вы пьете вкусную наливку!" Я ей ответила: "Сестра моя, это самое гадкое из всего, что я пью!" Да, матушка, вот что открывается глазам человеческим. Им всегда казалось, что я пью изысканные наливки, а это была сплошная горечь. Я сказала "горечь", но нет! Моя жизнь не была горькой, потому что любую горечь я научилась превращать в радость и сладость.

3 августа:

мать Агнесса: Что вы сделали для того, чтобы дойти до такого неизменного мира, ставшего вашим делом?

Тереза: Я забыла о себе и постаралась больше ни в чем не искать себя.

4 августа:

Нет, я не считаю себя великой святой! Я считаю себя самой маленькой святой; но я думаю, что Господу Богу было угодно вложить в меня все то, что полезно и мне, и другим.

Только на Небе мы узнаем истину обо всем. На земле это невозможно. И даже относительно Священного Писания, разве не печально видеть всевозможные разногласия в переводе? Если б я была священником, то выучила бы иврит и греческий, я бы не смогла довольствоваться только латынью. И тогда я узнала бы истинный текст, продиктованный Святым Духом.

5 августа:

мать Агнесса: Сестра Мария Святого Сердца сказала ей, что в момент смерти к ней придут Ангелы, сопровождая Господа, и она увидит их в сиянии света.

Тереза: ... Все эти образы мне совершенно не помогают. Только истина может насытить меня. Именно поэтому я никогда не стремилась к видениям. На земле нельзя увидеть Небо и ангелов такими, какие они есть. Я предпочитаю подождать до смерти.

6 августа:

мать Агнесса: Вечером я спросила ее, как она понимает "оставаться младенцем перед Господом Богом". Она ответила мне:

Тереза: Это значит признать свое ничтожество, все ожидать от Господа Бога, как дитя ждет от своего отца; это значит, ни о чем не беспокоиться и никогда не стремиться к успеху. Даже у бедняков ребенку дают необходимое, но как только он вырастет, отец больше не хочет кормить его и говорит ему: "Теперь работай, ты уже можешь сам позаботиться о себе".

Именно для того, чтобы не услышать подобное, я и не хотела вырасти, чувствуя свою неспособность заработать на жизнь, на вечную жизнь на Небе. Итак, я всегда оставалась маленькой, у меня не было иного занятия, кроме собирания цветов любви и жертвенности, которые потом я преподносила Господу Богу, чтобы сделать Ему приятное.

Быть маленькой означает также никогда не приписывать себе добродетели, в которых упражняешься, и не считать себя на что-либо способной, но признавать, что Господь Бог вкладывает эти сокровища в руку Своего ребенка, чтобы он ими пользовался, когда будет необходимо, но эти сокровища всегда будут принадлежать Господу Богу. И наконец, это значит, никогда не впадать в отчаяние от своих ошибок; дети ведь часто падают, но они слишком малы, чтобы причинить себе этим большой вред.

9 августа:

мать Агнесса: Ей говорили, что она святая:

Тереза: Нет, я не святая; я никогда не совершала того, что делали святые. Я — самая маленькая душа, которую Господь Бог одарил милостями, вот кто я. То, что я говорю, — правда, вы увидите это на Небе.

15 августа:

Господь Бог дает мне мужество соразмерно моим страданиям. Я чувствую, что сейчас не смогла бы вынести больше. Но я не боюсь, потому что если мои страдания увеличатся, то одновременно Он увеличит и мое мужество.

25 августа:

мать Агнесса: Она умоляла нас молиться и просить молиться за нее:

Тереза: Как же необходимо молиться за умирающих! Если бы об этом знали!

Я думаю, что дьявол испросил у Господа Бога разрешения искушать меня предельными страданиями, чтобы заставить меня ощутить недостаток терпения и веры.

11 сентября:

Надо ли мне бояться дьявола? Мне кажется, что нет, потому что я все делаю по послушанию.

21 сентября:

мать Агнесса: Не произнеся ни слова, я вычистила ее плевательницу, поставила ее рядом с ней и подумала про себя: "Как бы я была рада, если б она сказала мне, что отблагодарит меня за это на Небе!" И в то же мгновение она, повернувшись ко мне, сказала:

Тереза: На Небе я отблагодарю вас за это.

25 сентября:

мать Агнесса: Ей говорили: "Это ужасно, как вы страдаете!"

Тереза: Нет, это не ужасно. Маленькая жертва любви не может находить ужасным то, что из любви посылает ей Жених.

30 сентября (день смерти):

Да, мне кажется, что я всегда искала только истину; да, я поняла, что такое смирение сердца... Мне кажется, что я смиренна.

Из последних слов Терезы, сказанных Селине.

Сентябрь:

Селина: Однажды ночью я обнаружила мою дорогую сестру со сложенными руками и воздетыми к небу глазами. "Что это вы делаете? — сказала я ей, — надо бы постараться заснуть".

Тереза: Я не могу, я слишком сильно страдаю, и тогда я молюсь..."

Селина: Что же вы говорите Господу?

Тереза: Я ничего Ему не говорю, я Его люблю!

Из последних слов Терезы, сказанных сестре Марии Святого Сердца.

10 августа:

сестра Мария Святого Сердца: Я сказала ей: "Я так просила, чтобы вы не страдали очень сильно, а вы так страдаете!" Она ответила мне:

Тереза: Я просила Господа Бога не слушать те молитвы, которые могли бы препятствовать исполнению Его замыслов обо мне. Я просила Его устранить все препятствия на этом пути.

Последние слова Терезы (при взгляде на Распятие):

О, я люблю Его...

Боже мой... я Тебя люблю!

Другие высказывания Терезы

Июль:

мать Агнесса: Я попросила у нее разъяснений по поводу того пути, которому, как она говорила, она хочет научить людей после своей смерти.

Тереза: Матушка, это путь духовного младенчества, это дорога доверия и полного самоотречения. Я хочу научить людей тем малым средствам, которые пошли мне на пользу. Я хочу сказать им, что здесь, на земле, можно делать лишь одно: бросать Господу цветы малых жертв, пленить Его ласками, именно так я и покорила Его, почему и буду так хорошо принята.

Май:

сестра Мария Святого Сердца: Сестра, ухаживающая за больными, посоветовала ей каждый день гулять в саду по четверть часа. Я встретила ее, когда она передвигалась из последних сил. Я сказала ей: "Вам было бы лучше отдохнуть, в таких условиях эта прогулка не может принести ничего хорошего; вы просто себя изнурите и все". Она ответила мне:

Тереза: Это правда, но вы знаете, что придает мне силы? Так вот, я хожу за миссионера. И думаю, что где-то там, очень далеко, кто-то из них может быть в полном измождении от своих апостольских путешествий; и ради того, чтобы уменьшить его усталость, я приношу в жертву Господу Богу мою усталость.

Июнь:

сестра Мария Святой Троицы: Мне было очень тяжело видеть ее больной, и я часто повторяла ей: "О, как печальна жизнь!" Но она поправила меня, сказав:

Тереза: Жизнь не печальна! Напротив, она очень весела. Если б вы сказали: "Изгнание печально", — я бы вас поняла. Люди ошибаются, когда называют жизнью то, что должно закончиться. Это имя следует давать лишь чему-то небесному, что никогда не должно умереть. И в таком значении жизнь не печальна, но весела, очень весела!.."

Молитва о принесении себя в жертву Милосердной Любви

В день Святой Троицы, 9 июня 1895 года, во время мессы сестра Тереза внезапно ощутила желание принести себя в жертву милосердной Любви. После окончания службы, сама не своя, она побежала вслед за матерью Агнессой, увлекая за собой ничего не понимавшую Селину. Догнав настоятельницу, Тереза просила ее разрешить принести себя и Селину в жертву милосердной Любви. 11 июня они вместе с Селиной, стоя на коленях перед статуей улыбающейся Богородицы, прочитали молитву, текст которой Тереза написала накануне. Позднее она предложит это сделать своей старшей сестре Марии и послушницам. Через некоторое время мать Агнесса покажет текст молитвы двум священникам, которые попросят сестру Терезу заменить в ней некоторые слова, но в целом молитва получила одобрение Церкви.

Боже мой! Благословенная Троица, хочу любить Тебя и чтобы Тебя любили, хочу трудиться на прославление Святой Церкви, спасая живущие на земле души и освобождая те, что страдают в чистилище. Я хочу в совершенстве исполнять волю Твою и достигнуть той славы, которую Ты уготовал мне в Царстве Твоем, — одним словом, я хочу стать святой, но, зная свое бессилие, прошу Тебя, о мой Боже: Ты Сам стань моей святостью.

Ты возлюбил меня так, что отдал Сына Своего единородного, Который стал Спасителем моим и Женихом. Все богатства Его добродетелей принадлежат и мне. С радостью приношу их Тебе в жертву и умоляю Тебя смотреть на меня глазами Иисуса и видеть меня только в Его Сердце, сгорающем от Любви.

Еще я приношу Тебе в жертву все деяния Святых (тех, что уже на Небе и тех, что еще на земле), дела любви их и святых Ангелов; наконец, приношу Тебе в жертву, о Преподобная Троица, любовь и достоинства Пресвятой Девы Марии, моей возлюбленной Матери, ибо в Ее руки я предаю это мое приношение, умоляя Ее преподнести его Тебе. Ее божественный Сын, мой возлюбленный Жених, во время Своей земной жизни сказал нам: "О чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам" (Ин. 16, 23). И я уверена, что Ты исполнишь мои желания; я знаю это, о Боже мой! Чем больше Ты хочешь дать, тем больше побуждаешь желать. Я ощущаю в своем сердце огромные желания и с полным доверием прошу Тебя овладеть моей душой. Я не могу причащаться Святыми Дарами так часто, как хотела бы, но, Господи, разве Ты не Всемогущ? Пребудь во мне, как в дарохранительнице, и никогда не удаляйся от Твоей маленькой хостии...

Я хотела бы утешить Тебя и смягчить неблагодарность злых людей; я умоляю Тебя избавить меня от свободы быть Тебе неприятной, и, если я когда-нибудь паду по своей слабости, хочу, чтобы тотчас Твой Божественный Взгляд очистил мою душу, поглощая мои несовершенства подобно огню, который преобразует все в самого себя...

Боже мой, благодарю Тебя за все благодатные дары, которые Ты мне ниспослал, особенно за то, что провел меня сквозь горнило страданий. До последнего своего дня я буду с радостью взирать на Тебя, держа в руках Крест, как скипетр. Поскольку Ты соблаговолил поделиться со мною этим драгоценным Крестом, я надеюсь, что на Небе стану похожей на Тебя и на своем прославленном теле увижу сияние священных стигматов Твоего Страдания...

После земного изгнания я надеюсь в Небесной Отчизне насладиться Тобою, но не хочу копить добрые дела ради Неба. Я хочу трудиться ради одной Твоей Любви, с единственной целью сделать приятное Тебе, утешить Твое святое Сердце и спасти те души, которые будут вечно любить Тебя.

На закате жизни я предстану пред Тобой с пустыми руками, ибо не прошу Тебя, Господи, считать мои деяния. Все наши праведные дела не чисты в глазах Твоих. И поэтому я хочу облечься в Твою праведность и от Любви Твоей получить вечное обладание Тобою же. Я не хочу никакого иного Престола, ни Венца, кроме Тебя, о мой Возлюбленный!

В Твоих глазах время — ничто: "один день, как тысяча лет", и Ты можешь в одно мгновение подготовить меня к тому, чтобы предстать пред Тобою...

Чтобы жить совершенной Любовью, я приношу себя как жертву всеожжения Твоей милосердной Любви и умоляю Тебя беспрестанно сожигать меня, переполняя мою душу волнами бесконечной нежности, заключенными в Тебе, и да стану я мученицей Твоей Любви, о мой Боже!

Пусть это мученичество, приготовив меня, чтобы предстать пред Тобою, принесет мне, наконец, смерть, и пусть душа моя без промедления бросится в вечные объятия Твоей милосердной Любви...

Я хочу, о мой Возлюбленный, с каждым ударом сердца обновлять это мое жертвоприношение Тебе бесконечное число раз, до того момента, когда тени рассеются, и я смогу навеки выражать Тебе свою любовь лицом к Лицу!

Из стихов

Жить любовью

Любовью жить не значит строить кущи,
Поднявшись даже на гору Фавор.
Это — спешить на голос Твой зовущий,
Смотреть на Крест, не отрывая взор.
На Небе радость будет неземная,
Никто не в силах нас ее лишить,
Но на земле желаю я, страдая,
Любовью жить, любовью жить!

Любовью жить — дарить себя без меры.
Любовь такая не перестает,
И я дарю себя с простою верой,
Что если любишь — ни к чему расчет.
Все, что имела, много или мало,
К Твоим ногам смогла я положить.
Одно богатство у меня осталось:
Любовью жить! Любовью жить!

Любовью жить и, страхи изгоняя,
Забыть ошибки всех минувших дней.
Любовь сильнее греха. Она Святая:
В короткий миг грехи сгорели в ней!
О дивный Пламень, посреди горнила,
Где самый жар, мне место приготовь.
И я спою о том, как полюбила
Тебя Любовь, тебя Любовь!

"Любовью жить — безумно и опасно", —
— Мне мир твердит — "Не стоит больше петь!
Не трать свой нард и жизнь свою напрасно,
Когда желаешь в жизни преуспеть!"
Тебя любить — нет плодоносней траты,
Я оставляю мир сей для Тебя,
Возьми мой мед, вино и ароматы,
Умру любя, умру любя!

С любовью жить и умереть я рада,
Чтоб разрешились узы навсегда.
О мой Господь, Ты станешь мне наградой,
Я не ждала иного никогда!
Тебя увижу и сольюсь с Тобою,
Огня любви уже не потушить.
Мне было так начертано судьбою:
Любовью жить, любовью жить!

* *
* *

Любимый мой, мой Несравненный,
Себя Ты даришь мне смиренно,
А я в ответ лишь неизменно
Жизнь приношу как дар любви.

Любовь обжигает
И душу пронзает,
Молю и взываю:
Сойди на меня!

С божественной силой
Святое горнило
Меня опалило,
Я жажду Огня!

Страдания сладость
Становится в радость,

Одно только надо:
Быть рядом с Тобой!

В небесной Отчизне,
Где свет новой жизни,
Единственной жизни,
Где только Любовь!

* *
 *

Я за Твою Любовь приму костер и муки,
Не убоюсь огня и смерти роковой,
К Тебе, о мой Господь, я простираю руки,
Желанием горя, увидеться с Тобой!

Огонь Твоей любви всегда меня согреет,
Лишь за нее одну приму свой крест земной.
Я умереть хочу, чтоб обрести скорее
Ту истинную жизнь, где Ты навек со мной.

Моя Радость

Когда на небе нет просвета,
И все вокруг меня молчит,
Я рада, принимая это,
Смирять себя и жить в ночи.
Приму Твою Святую волю
И страхи все уходят прочь,
Мне радостна такая доля:
Любить, как день, глухую ночь.

Я рада малой оставаться,
Ведь если где-то оступлюсь,
Смогу тогда легко подняться,
И рядом будет Иисус.
Собрав всю нежность, что имею,
Скажу Ему: "Ты — жизнь моя!"
А если вера ослабеет,
Еще нежнее буду я!

Я рада слезы лить украдкой
И улыбаться всем опять.
Страдания не горьки, а сладки,
Когда умеешь их скрывать.
Тебя утешу — и наградой

Твоя улыбка станет мне.
Лишь за нее страдать я рада
И жить в чужой мне стороне.

Я счастлива в духовной битве —
За избранных Тобой стоять.
И буду в пламенной молитве
Тебе усердно повторять:
О Брат Божественный, я рада
Прожить страдая и скорбя,
И для меня одна отрада:
Возможность радовать Тебя.

Я буду жить, о мой Спаситель,
Пока не скажешь мне: пора!
И я войду в Твою обитель,
Коль скоро Ты мне будешь рад.
В огне любви моей Отчизны
Хочу я непрестанно быть.
Не в смерти радость и не в жизни,
А лишь в одном — Тебя любить!

* *
 *

Твою любовь, Господь, я призываю,
Твоя любовь преобразит меня,
Когда наполнит сердце, согревая
Животворящей силою огня!

Молю Тебя, Господь, и жду ответа,
Ты знаешь Сам, как я хочу любить,
Устрой же так, чтоб я любовью этой
Смогла Тебе немного угодить!

В краю чужом даны мне испытанья,
Лишь для Тебя я принимаю их,
Так претвори ж в любовь мои старанья,
О мой Спаситель, Пастырь и Жених!

* *
 *

Где мне найти того, чье сердце все покроет
И станет навсегда опорой моей?

А если я слаба, полюбит и такую,
И будет с каждым днем любить еще сильнеей.

Но никакая тварь, рожденная от века
Не может так любить, бессмертие храня!
Мне нужен Ты, Господь! Ты, ставший Человеком,
Ты Братом стал моим, страдая за меня.

Я знаю хорошо, что праведные мысли
И жертвы пред Тобой не стоят ничего,
Но, чтобы им придать хотя б немного смысла,
Я все их положу у сердца Твоего.

Ты даже в ангелах увидел недостатки,
А людям дал Закон средь молний с высоты,
Но к сердцу Твоему спешу я без оглядки,
И страха нет во мне: Закон мой — это Ты!

* *
* *

Покров Лица Твоего надо мною,
Хвалу Тебе пусть вознесут уста,
За благодать, которой удостоил,
Тех, кто терпел под тяжестью креста.

Испив до дна эту горькую чашу,
Теперь сама я убедилась в том,
Что не напрасны все страданья наши:
Грех победить возможно лишь крестом.

Страданье делает душу великой,
Как небеса без края и конца.
Свет Твоего божественного Лица
Взнес Горе ослабшие сердца.

* *
* *

Твой Лик — Отчизна Моя,
Любовь совершенная в Нем.
Так солнце ласкает поля
Весенним безоблачным днем.

Твой Лик звездою путеводной
Дорогу укажет во мгле.
Светом с небес Тебе угодно
Одарить меня на земле.

Так лилия благоухает:
Ее неземной аромат
Дарит покой, напоминая
Отчий дом и в нем райский сад.

Твой Лик — единственная ценность,
К богатствам иным не стремлюсь,
И укрываясь в Нем смиренно,
Облекусь в Тебя, Иисус!

Отметь меня незримо каждой
Своею небесной чертой,
Чтобы святою стать однажды
И других увлечь за собой!

Почему я Тебя люблю, о Мария

Я буду петь Тебе Мария, Матерь Божья,
Как Ты желанна стала сердцу моему.
Твое величье утратить меня не может,
И я хочу Тебе поведать почему.

Мария, Ты жила под сенью Назарета,
Где в бедности Свою хранила чистоту.
Не требуя чудес, легко и незаметно
Ты царственной любви являла красоту.
Твою святую жизнь в Писаньи созерцаю,
О как Ты мне близка, Смиренная моя.
Я дочерью Твоей назвать себя дерзаю,
Ты на земле жила, страдая, как и я.

Коль Матери Своей Господь пройти позволил
Во мраке и ночи, рыдая и скорбя,
То значит, на земле блаженней нету доли,
Чем тяжкий крест нести, страдая и любя.
И множится число на свете самых малых,
Которые с Тебя не сводят больше взор,
Их всех на небеса вести Ты пожелала
Дорогою одной и той же с давних пор.

Без ласки и любви ребенку жить не гоже,
Без матери его, скорбящей вместе с ним.
На берегу чужом меня, о Матерь Божья,
Прижми к Себе сильней и слезы оброни.
Твой материнский взгляд прогонит все сомненья,
Научит слезы лить и сердце оживит,
Упреком не смутит, подарит утешенье
И в радости простой всегда благословит.

В надежде на Твою небесную обитель
Я жить хочу с Тобой, Царица бытия,
Ты вся — сама любовь, Тобой рожден Спаситель,
Над нами Твой покров и благодать Твоя.
Все, что мне дал Господь, пускай отнимет снова,
Я с радостью отдам, не омрачив лица,
А скроется совсем, ну что же, я готова
Ждать невечерний день и верить до конца.

Я скоро устремлюсь туда, к Тебе навстречу,
Откуда поутру мне улыбнулась Ты.
Еще раз улыбнись... О Мать моя... уж вечер...
Я не боюсь Твоей небесной красоты.

Тереза из Лизье как Учитель Церкви

"Мое малое учение" (ma petite doctrine), или опыт веры святой Терезы из Лизье, нуждается в серьезном осмыслении. Что общего между Отцами первых веков, Иоанном Златоустом или Амвросием Медиоланским, Григорием Великим или Августином и двадцатилетней девочкой из Нормандии, которая мало что читала, не имела никакого жизненного опыта и образования и, уйдя в Кармель, с пятнадцати лет, казалось бы, полностью отрезала себя от реальности.

Иногда кажется, что история Терезы Мартен — не более, чем сюжет для красивого и немного грустного кинофильма, авторы которого считают нужным заставить своего зрителя задуматься над тем, что кроме сегодняшнего дня существует еще Бог и вечность. И не более.

Именно так считают сегодня не только скептики и насмешники — их на Западе, разумеется, немало — но и серьезные богословы, хотя, конечно, далеко не все. Именно поэтому, вопрос о том, в чем заключается "мое малое учение", о котором, как о богословском подвиге Терезы впервые заговорил кардинал Люстиже, и сегодня остается актуальным.

Святая Тереза предлагает своему читателю малый путь. Эта первая особенность ее личного кредо. Тема детскости, которая должна стать определяющей характеристикой нашего "я" становится для нее чуть ли не главной. Особенно подчеркнутая в Евангелии, она так и не была раскрыта в истории христианства вплоть до "Истории одной души". Слова из Евангелия "Если не обратитесь и не будете как дети...", конечно же, часто цитировались во время проповедей, но поняты не были.

В чем именно надо уподобиться детям и вообще, как это возможно? Об этом не писал практически никто. Говорилось обычно лишь о том, что детям следует уподобляться в смысле их простодушия, неграмотности, неискушенности в житейских проблемах, быть может, в чистоте, но не более. Тереза сумела показать, что духовная детскость есть нечто неизмеримо большее.

Стать ребенком вновь, будучи взрослым, невозможно, а притворяться ребенком было бы просто безнравственно, — Тереза понимает это прекрасно. Есть еще один путь — о нем как раз и говорили богословы до Терезы — он заключается в том, чтобы подражать тому или иному качеству, присущему детям: их простодушию, доверчивости и т.д. Но Тереза Мартен отвергает и этот вариант. Она предлагает нам (возможно, не без влияния "Духовных упражнений" святого Игнатия, которые были ей знакомы, если не как текст, то, во всяком случае, из аскетической практики ее современников) мысленно вернуться в свое собственное детство, разбудить в себе того ребенка, каким был некогда каждый из нас, и благодаря этому увидеть, что именно я потерял, став взрослым.

Тереза, как настоящий историк, самым тщательным образом восстанавливая в памяти детали, последовательность событий и проч., рассказывает нам **историю** своего детства — не случайно по-французски книга ее называется именно *histoire*, а не *recit* (повесть) или *conte* (рассказ). История эта не менее важна, чем всемирная, ибо она подлинна от начала до конца, в ней излагается не стилизованная биография маленького ребенка, как это сделано, например, в "Рыцаре нашего времени" у Н.М.Карамзина, а подлинная его история.

Эта подлинность испугала сестер Терезы, которые при подготовке книги к печати постарались убрать из нее все, что им представлялось соблазнительным или казалось лишним, как, например, то место, где святая признается, что ей не дается чтение длинных молитв или молитва по четкам. И здесь и в других местах своей книги Тереза не смущается признаваться в своих слабостях или рассказывать о том, как именно понимала она веру, даже в тех случаях, когда это не совпадает с тем, чему учит, а, вернее, учила тогда Церковь.

Ее потрясающая правдивость делает "Историю одной души" книгой, временами непростой для современного читателя, но при этом уникальной. Бога можно встретить везде, но только там, где нет места лжи. Именно таким местом встречи с Богом становится книга святой Терезы. Героине этой книги подражать невозможно, ибо взрослый читатель не должен подражать ребенку, зато возможно другое — попытаться пройти тем же путем, которым прошла Тереза и вернуться к первым воспоминаниям детства. На самом деле, это один из тех призывов, с которыми обращается к нам святая из Лизье.

Есть в "Истории одной души" и другие призывы, в частности призыв к святости, который адресован **всем**. К святости Бог призывает не избранных праведников или героев, а каждого, без каких бы то ни было исключений. Напоминая об этом, Тереза становится в один ряд с христианскими авторами первых веков, о которых она ничего не знала. Не знали об этом призыве и ее современники, ибо в конце XIX века патристика была не в чести — Отцов, которые до начала нашего века были практически неизвестны, особенно на Западе, начали изучать не раньше 20-х годов будущие кардиналы Даниэлу, де Любак, Конгар и другие.

В довоенные времена они казались модернистами и почти еретиками, хотя в действительности их деятельность была направлена прежде всего на то, чтобы показать, что Предание — это не только церковная практика XIX века, но и опыт древней Церкви со всем его многообразием и порою неожиданными моментами, как, например, служение женщин в сане диакона. Удивительно, но Тереза во многом опередила как названных богословов, так и многих других. Можно сказать больше — в текстах святой Терезы есть места, которые и сегодня смущают многих.

С обновлением одного из основных постулатов древней Церкви связано и то, что говорит (причем не только в текстах, но всей своей жизнью и ее опытом) Тереза о юности. Древние мученицы, Екатерина, Варвара и многие другие встретили смерть, когда им, скорее всего, не исполнилось и двадцати лет. Юным был и мученик Трифон. Однако об этом никем не было сказано вслух, это обстоятельство было зафиксировано, но не осмыслено в качестве особого феномена. В лице святой Терезы христианская юность впервые в истории Церкви заговорила. До Терезы в христианстве, и вообще, в истории было испробовано три пути. Суть первого заключается в том, чтобы, забыв о собственной молодости, жить и трудиться, ничем не отличаясь от тех, кому уже сорок, а то и шестьдесят лет. Второй путь выражается в том, что человек становится жертвой молодости — его отправляют на войну и убивают, ибо молодой человек, конечно, сильнее сорокалетнего и поэтому будет драться лучше. Это только один пример, ибо юностью своей молодежи общество может пользоваться самыми разными способами, хотя в большинстве своем все они связаны с эксплуатацией ее возраста и возрастных возможностей. Третий путь — "срывать плоды удовольствия", это тоже эксплуатация юности, но только в данном случае она осуществляется не другими поколениями и не властью, а **самой** молодежью.

Тереза предлагает принципиально новый путь. Она говорит о юности, в годы которой человек может полностью реализовать себя и до конца выполнить "задание", данное ему Богом, не переставая быть юным. Мы не знаем, сколько лет нам осталось в этой жизни, но это — не

самое важное, главное заключается в том, чтобы уже сегодня полностью раскрыться навстречу Богу (подобно цветку!) и приступить к тому делу, которое Он на тебя возлагает. Тереза постоянно говорит о том, что не знает, сколько она проживет, но в этом неведении нет ничего страшного, поскольку она уже выполняет свое "задание".

В каждом мгновении жизни необходимо почувствовать аромат вечности, которая откроется нам не в будущем. Нет, она уже открыта нам сегодня. "Каждое мгновение — это уже вечность, вечность с **ее** радостью", — пишет Тереза в одном из писем. "Вечность с **ее** радостью" — именно это чрезвычайно важно, увидеть вечность во всей ее красоте в обыденности дня сегодняшнего. Это еще один призыв, который обращает к нам святая Тереза.

Радоваться она научилась, несмотря на болезнь и все те мучения, которыми в прошлом веке сопровождался туберкулез. Но как будет радоваться она **там**, на Небе? Тереза этого не знает, но всячески подчеркивает, что и после смерти она надеется трудиться. "Я рассчитываю, — пишет она в одном из писем, — что на Небе не останусь без дела, мое желание заключается в том, чтобы еще поработать... Разве не постоянно заняты ангелы тем, что помогают нам, и при этом они всегда созерцают Лицо Божие... Вы видите, что я, если и покидаю уже поле сражения, то не для эгоистического желания отдохнуть. Мысль о вечном блаженстве приводит мое сердце в смятение, ибо уже давно страдание стало моим небом здесь на земле, поэтому я, действительно, не могу понять, как мне удастся акклиматизироваться в Стране, где радость царствует, не смешиваясь с печалью".

Тереза хочет продолжать свой труд и за гранью смерти, а кроме того, ей непонятно, как сможет она радоваться, не страдая, когда другим (тем, кто останется здесь) будет все еще плохо. Вот еще одна принципиально новая черта в "моем малом учении", действительно, не осмысленная никем прежде. Французский писатель Жан Гиттон говорит в связи с этим, что Тереза ждет от Бога не вечного покоя (*requiem aeternam*), а вечной деятельности (*actionem aeternam*).

Следующей оригинальной чертой богословия святой Терезы надо назвать опыт болезни. Сама по себе тема болезни не нова, но никто до Терезы из Лизье не осмыслил ее так глубоко, причем не только текстами, но и самой своею жизнью. Болезнь — не есть наказание за грехи, ибо Бог не мстит, а любит, Он есть сама Любовь. Бог страдает из-за того, что страдаем мы. А болезнь? Это какой-то особый опыт, который переживается нами вне зависимости от того, хотим мы этого или нет. Вероятнее всего — ради других, для того, чтобы кому-то (теперь или в будущем) было лучше или что-то открылось. Но главное заключается в том, что Богу больно из-за того, что мы переживаем этот опыт.

"В здоровом теле здоровый дух", — так, достаточно грубо искажая Ювенала, любили говорить при социализме и вообще в условиях тоталитарных режимов, например, в Италии при Муссолини или в гитлеровской Германии. Больные или слабые физически — духовно неполноценны, считаться с ними не обязательно, а лучше о них просто не думать. Тереза всем опытом своей жизни опровергает эту установку и показывает, что именно здоровый дух необходим человеку в любых обстоятельствах и в том числе, когда он тяжело или неизлечимо болен. Умирая от туберкулеза, она оказывается здоровее большинства своих современников. *Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano* или "надо молиться о том, чтобы в здоровом теле и дух был здоровым", — именно так говорил Ювенал, мысль которого была потом грубо искажена апологетами здорового тела. Тереза идет много дальше римского поэта. Оказывается, что не в здоровье, как часто думаем мы, и не в болезни, о чем нередко говорили аскеты в прошлом, заключается счастье, а в неповрежденности глубин человеческого "я" вне зависимости от физического состояния.

Святая Тереза делится опытом того, как можно не бояться неизлечимой болезни. Если вдуматься, такое отношение к недугу присутствовало в жизни Церкви с древности, но об этом никогда не было сказано так ясно, как сделала это она. Призыв Терезы обращен и к тем, кто болен сам, и к родным и друзьям больного, в этом призыве нет ни тени неправды, ибо Тереза болела так тяжело, как только возможно. Этот призыв в высшей степени актуален сегодня,

когда в мире стало так много больных и остро не хватает духовных сил. В сущности, это целое богословие болезни.

Сегодня, человек, считая себя верующим, соблюдая посты, посещая богослужения и т.д., нередко принимает за веру какие-то мировоззренческие или идейные установки. Происходит это просто по той причине, что вера его не проверена опытом жизни. Приходит беда и оказывается, что вера, которой он так гордился, на самом деле была очень слабой или просто отсутствовала. На самом деле, каждый из нас может понять, верит он или нет только перед лицом смертельной опасности и, более того, смерти. В жизни святой Терезы нам открывается именно этот опыт — несомненной и чистейшей веры перед лицом смерти и боли.

К числу духовных открытий маленькой Терезы относятся и ее отношения с близкими. Быть может, впервые в истории христианства она заговорила о месте семьи в духовном развитии человека, избравшего путь монашества. В отличие от иноков прежних эпох Тереза не уходит из семьи и, даже уйдя в затвор не рвет связей со своими родными, с отцом и сестрами. Более того, она блестяще показывает, что именно в семье сформировалась ее личность и выработались те качества, которые позволили ей затем с честью пройти по тесному иноческому пути. Тереза много говорит о быте, об обыденной жизни, семейном укладе и т.д. Семья оказывается малой Церковью не только для мирян, но и для монахов. Это открытие поднимает богословие семьи на принципиально новый уровень и, надо сказать, до сих пор серьезно не осмыслено исследователями.

Пройдет сорок лет, и в понимание того, что такое семья новый вклад внесет святая Эдит Штайн или сестра Тереза Бенедикта (тоже кармелитка), причисленная к лику блаженных 11 октября 1998 года в Риме. Еврейка по происхождению, она после крещения не только не порвет со своей семьей, но откроет новые возможности в отношениях со своей матерью, верующей иудейкой. Отношения, которые характеризуются одним словом — любовь.

Еще одним несомненным открытием Терезы из Лизье было осмысление улыбки, радости, возможно, даже игры в свете Евангелия и веры в Воскресшего. Возможно, впервые после святого Франциска Тереза показывает, что монах не обязательно должен быть суровым. Радостная аскеза, аскеза с улыбкой — вполне возможна и ничуть не противоречит духу Евангелия. Тереза пишет стихи, пьесы, участвует в любительских спектаклях. К счастью, до нас дошли ее фотографии в роли Жанны д'Арк.

В наши дни библейским богословием никого не удивишь, но Тереза, которая жила задолго до Романо Гвардини и Леон-Дюфура и здесь (как и заговорив о том, что к святости призваны не одни избранные, но все) намного опередила время и крупнейших богословов нашего столетия. Она буквально дышит текстами Священного Писания и, что особенно важно, показывает, что именно из чтения Слова Божьего вырастает наша личная молитва.

Когда Тереза говорит о любви, то она только переводит на язык своего времени то, что об этом говорит Иисус. Однако ее тексты, а прежде всего сама ее жизнь, отличает особенная "интенсивность любви". Это выражение, которое впервые употребил кардинал Люстиже, как нельзя лучше отражает суть всей жизни маленькой кармелитки.

Тереза, жившая до Русской революции, в те времена, когда русских во Франции было очень мало, а православная литература на французский язык еще не переводилась, вряд ли знала, что такое Иисусова молитва. Однако, когда читаешь текст "Истории одной души" не можешь не заметить того, что постоянное употребление имени "Иисус" и молитвенное настроение Терезы в целом невероятно близко молитвенному деланию, описанному в "Откровенных рассказах странника" и в других аскетических текстах, появившихся на Руси. Это обстоятельство, как и то, что святая Тереза никогда не говорит об озарениях, экстатических состояниях и видениях, что вообще свойственно кармелитской традиции, делает ее духовность чрезвычайно близкой и понятной для православного Востока. Влияние восточной духовности испытали многие западные богословы нашего столетия, в частности, Томас Мертон, который был хорошо знаком и с писаниями восточных святых, и с русской религиозной философией. Не без воздействия со стороны Востока создавал свои труды по

пневматологии (учении о Духе Святом) Ив Конгар. Удивительно, но и здесь Тереза намного опередила крупнейших религиозных мыслителей современности.

Тереза была современницей Фридриха Ницше и становления атеизма, как мировоззрения. Еще одна загадка, но именно она первая из святых, а, быть может, вообще первая из христиан в истории назвала атеистов братьями. Конечно, Тереза никогда не слышала о том, что Ницше сказал "Бог умер", но как бы отвечая на эти слова, она, молитвенно взирая на Святой Лик, однажды написала: "Бог умер в Своем Сыне Иисусе". Обличать атеиста бесполезно, о нем надо просто молиться, ибо в атеизме всегда присутствует истина, но только наполовину. Это опять-таки впервые в истории (задолго до Карла Ранера!) поняла святая Тереза из Лизье, поистине Учитель Церкви для нашего (как сказал в начале своего понтификата, кажется, в Освенциме Иоанн Павел II), "трудного века".

Свящ. Георгий Чистяков